

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 4 (43)
2014

Саратов

Научный журнал

Учредитель

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Главный редактор – **В.Л. Чепляев**
Зам. главного редактора – **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Е.Ю. Сидорова**, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2014

№ 4 (43)
2014

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: ***V.L. Chepliaev***

Deputy editor-in-chief: ***O.N. Fomin***

Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial council:

L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),

V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),

N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),

O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),

V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),

S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),

Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Science (Philosophy);*

V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics);*

V.M. Dolgov, *Doctor of Science (History);*

O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History);*

A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy);*

E.Yu. Sidorova, *Doctor of Science (Economics);*

Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology);*

O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law);*

S.E. Channov, *Doctor of Science (Law);*

T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2014

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

O.N. Fomin
Discourse, Ideology and Policy
of the New Russian Authorities

The current political processes in Russia are analyzed. Contradictions between the originality of the Russian development and the aspiration for joining the European world with equal rights, the traditional ideological arguments between Slavophiles and westernizers, patriots and cosmopolitans, are considered. New targets for the revival of patriotism and ideology are analyzed.

Key words and word-combinations: discourse, ideology, policy, Putin, Crimea.

Анализируются идущие в России политические процессы. Рассматриваются противоречия между самобытностью российского развития и стремлением войти в европейский мир на равных правах, традиционные идейные споры славянофилов и западников, патриотов и космополитов. Актуализируются новые задачи по возрождению патриотизма и идеологии.

Ключевые слова и словосочетания: дискурс, идеология, политика, Путин, Крым.

УДК 323(470+571)
ББК 66.2(2Рос)

О.Н. Фомин

ДИСКУРС, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Анализ идущих в России политических процессов показывает, что власть в очередной раз корректирует свою риторику. Нам уже привычны сочетания музыки Гимна Советского Союза и слов Гимна Российской Федерации, флага Российской империи и Знамени Победы СССР над фашистской Германией, укрепившаяся роль Русской Православной Церкви, возросшее значение духовной культуры и патриотизма. Это позитивные образы. Из отрицательных примеров можно назвать, например, фашиствующий киевский майдан и «национал-предателей». Такие изменения понятны, они позволяют более четко акцентировать наши оценки, без лишних слов определяя явления и процессы. Однако изменения затрагивают не только политический дискурс власти. Новые смыслы звучат и в провозглашаемых ценностных характеристиках, определяющих более длительную перспективу развития стра-

ны. В отличие от ельцинских времен, построенных по принципу «грабь незаработанное», стали больше говорить о необходимости инвестиций в отечественную экономику и культуру, становления «национально ориентированного бизнеса». Власть не позволяет надругательств над религией, сохраняет традиционную для России культуру общения и поведения.

В строительстве государства и межгосударственных отношений прослеживается определенный крен в сторону усиления культурно-социального аспекта. Раньше, например, в отношениях с соседними странами более говорилось о праве, договорах, международных организациях. Сейчас, наряду с созданием ЕврАзЭС, обсуждаются вопросы о цивилизационном единстве. Президент поставил задачу формирования духовно-нравственных качеств, необходимых молодым людям России, в том числе чувства гордости россиян за деяния своих предков.

Так, в сентябре 2012 г. Президент РФ провел встречу с представителями общественности по вопросам духовного состояния молодежи и ключевым аспектам нравственного и патриотического воспитания. Он обратил внимание на то, что «нельзя создать здоровое общество, благополучную страну, руководствуясь принципом «каждый – сам за себя», следуя примитивным инстинктам нетерпимости, эгоизма и иждивенчества. Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – патриотизм. Патриотизм – это прежде всего дело, служение своей Родине, стране, России, своему народу» [1].

В октябре 2013 г. в Уфе, в связи с торжествами по поводу 225-летия указа императрицы Екатерины II об учреждении духовного собрания магометанского закона, состоялось заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Выступая на нем, В.В. Путин отметил, что «сегодня мы переживаем важнейший этап формирования государственной идеологии» [2].

Первого августа 2014 г., впервые в России, на высоком уровне был отпразднован 100-летний юбилей Первой мировой войны и сказано о роли русской армии в победах на ее фронтах. Президент обратил внимание на то, что в истории этой войны «нам открываются несчетные примеры личного мужества и воинского искусства, истинного патриотизма российских солдат и офицеров, всего российского общества. Открывается сама роль России в то сложное, переломное для мира время, особенно в предвоенный период. Он отчетливо отражает определяющую черту характера нашей страны, нашего народа. На протяжении многих веков Россия выступала за крепкие и доверительные отношения между государствами. Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая братский славянский народ, ограждая себя, своих граждан от внешней угрозы. Россия выполнила свой союзнический долг» [3].

Как видно из приведенных примеров, Президент РФ В.В. Путин проводит четкую грань между ельцинизмом, отличающимся большим желанием праволиберальной элиты «быть с ними», и своей современной политикой «быть с нами», то есть с Россией и ее народом. Линией раздела, которая позволяет говорить о появлении новой российской политики, стал Крым. Точки над *i* были расставлены в Обращении Президента РФ, с которым В.В. Путин выступил в Кремле перед депутатами Государственной Думы, членами Совета Феде-

рации, руководителями регионов России и представителями гражданского общества 18 марта 2014 г.

В своей речи он напомнил о том, что в сознании людей Крым всегда оставался территорией России. Перед этой убежденностью были бессильны и время, и инсинуации недругов. Результаты соцопроса в России показали, что приблизительно 95% процентов граждан считают, что мы должны защищать интересы русских и других национальностей, проживающих в Крыму, более 83% полагают, что Россия должна это делать, даже если такая позиция осложнит наши отношения с некоторыми государствами. 86% граждан нашей страны убеждены, что Крым исторически является российской территорией, российской землей. Поэтому и результаты референдума, проведенного в Крыму, о том, с кем объединяться – с Украиной или Россией, – оказались для всех вполне ожидаемы. В голосовании приняли участие более 82% избирателей. Более 96% высказались за воссоединение с Россией. Такая общественная поддержка обеспечила твердость внешнеполитической позиции России.

Однако «враг не дремлет», и Президент РФ предупредил граждан страны и Крыма об этом. «Мы явно столкнемся и с внешним противодействием, – сказал он в своем мартовском обращении 2014 г., – но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда. Некоторые западные политики уже страшат нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей пятой колонны – разного рода «национал-предателей», – или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей? Рассматриваем подобные заявления как безответственные и явно агрессивные и будем соответствующим образом на это реагировать» [4]. Дальнейшее развитие событий показывает, что предупреждение оказалось своевременным, а поведение «мировых заступников» предсказуемым.

Один из аспектов рассматриваемой темы требует особого пояснения. Болгарский исследователь Иван Крастев, беседуя с британским политологом Ричардом Саквой о перспективах демократии, высказал интересную мысль об особенностях советской идеологии. С его точки зрения, и с этим, на наш взгляд, следует согласиться, легитимность советского строя держалась на концепции движения в направлении будущего, как бы ни отдалялся коммунистический горизонт. Однако, подчеркивает автор, «если классический коммунистический дискурс лежал на оси между «до» и «после», то современный российский политический дискурс лишен временной оси, весь помещается на оси пространства – между «здесь» и «там». Отсюда воскрешение извечных споров славянофилов и западников» [5, с. 322]. Не будем настаивать на том, что сравнение «здесь» и «там» уходит из российской политической жизни. Это не так. Но происходит процесс осознания, что наряду с этим различием существует различие на оси между «до» и «после». После Крыма в России стало ясно одно: да, мы люди российской цивилизации. Мы – русские, еще шире – мы православные, еще шире – мы россияне. Мы – создатели, хранители и защит-

ники цивилизации, которой более тысячи лет. И за нее, за наше будущее нужно продолжать бороться.

Будущее – это не пресловутая коммунистическая программа до 80-х годов прошлого века, сейчас будущее – это понимание того, что может сохраниться в принципе, после того как современный капитализм найдет формулу выхода из системного кризиса без угрозы миру и существованию не-западных стран и народов. Если российское молодое поколение уверено, что Россия есть и будет страной, достойной своей истории и значимой в мире, значит, и у страны, и у этой молодежи есть будущее. Если же эта страна превращается в свалку по распродаже накопленных богатств и достоинств, то тогда о будущем этой страны и ее народе будут рассуждать другие – одни со злорадством, другие с сожалением.

Будущее у страны есть при условии, что верховная власть, элита и народ являются единомышленниками – не в смысле передела собственности и ролей, а в определении целей для укрепления страны, ее положения в мире, когда элита как лидер экономики, науки, культуры является примером служения и родине, и государству. Является ли она таковой? Анализ тенденций развития капитализма в мире показывает, что западная бизнес-элита страшно далека от народа. Она опять будет реализовывать технологии финансового, информационного или, теперь уже, психологического неокOLONIALИЗМА, обирая чужие страны для снятия за их счет напряжения на своих территориях. Так будет складываться мировая экономическая система: сверху ТНК и супергосударства, которым другие сильные государства не нужны. В середине – те, кто сможет держать свой уровень. Снизу... По оценкам некоторых, в том числе и российских, специалистов, «Латинская Америка, Африка южнее Сахары и Россия останутся позади» [5, с. 484]. Боюсь, что нашему бизнес-сообществу придется крепко думать о том, как самим не попасть в финансовую зависимость от Запада. Но возможно и другое: более тесное объединение с государством – это сегодня путь к спасению и своей собственности, и государства, и страны.

Время стагнации российской экономики, по всей видимости, начинает проходить. Во-первых, мировой кризис вынуждает российские власти и бизнес искать возможности для развития внутри своей страны. Во-вторых, растет социальная активность населения. Но направленность ее совершенно иная. С одной стороны, это поддержка всех своих. Народ сегодня «за наших», за Путина, за Крым, за русских на Украине. С другой стороны, это протест против тех, кто хочет в своих интересах столкнуть нас с нашей властью, – протест против «национал-предателей», которые уже на это пошли.

Возможно, это ощущение, что «они» насаждают, совпадающее по времени с завершением стагнации, с договоренностью лидера и элит об общем понимании проблем, поможет нам перебороть нерадостные тенденции, о которых некоторые пишут, и, вероятно, правильно пишут. Но они исходят из вчерашнего анализа, а Крым уже состоялся. Кроме этого, обратим внимание еще на один факт. Идеи индивидуализма, рынка и постмодерна при разрушении государства, экономики и социума – прямой путь к потере суверенитета, а затем и страны. Но к началу XXI в. в западном мире неолиберализм перестал

быть экономической наукой, а в России либерализм для многих стал ругательным словом. На смену краху страны и стагнации экономики у населения начинает проявляться ожидание нового рывка и подъема.

Тридцать лет безвластия в России завершаются. Четким признаком этого стала реакция власти на постоянно звучащий в обществе вопрос о статусе Крыма, Севастополя и российского Черноморского флота. По сути, идея возвращения Крыма была общенациональной идеей. И власть ее уловила. Она не могла ее не уловить, ибо тогда это была бы не наша власть с ее «важной традиционной особенностью: она по природе своей никогда не является институциональной, но всегда – идеократической» [6, с. 11–12]. Провозглашение властью идеи, которую поддерживает народ, делает Президента РФ Лидером народа. В свою очередь, потенциал лидера «в полную силу раскрывается именно в состоянии мобилизационного рывка. Если представить себе власть в виде некоего энергетического поля, то центром данного поля окажется носитель власти. Энергия его власти – это энергия мобилизации. Во время мобилизационных рывков такая энергия превращала элиту в послушный инструмент в руках правителя» – этот механизм описали в своей работе Д.А. Андреев и Г.А. Бордюгов. Позволим еще цитату из их работы, так как она в основном раскрывает методологию анализа идущих в России процессов. «Мобилизация, – пишут они, – это оптимальный режим существования для носителя власти, а стагнация – для элиты. Весьма симптоматично, что именно в ситуациях стагнации Россия и впадала в разнообразные модернизационные эксперименты, примеряя к себе те или иные элементы западной модели развития».

Итак, судя по общественным процессам последних лет, власть начала осознавать необходимость в развитии альтернативных идей с целью уравнивания безудержной идеологии неолиберализма. Проблема заключается в том, что теперь придется обратить внимание на самые широкие слои населения, роль которых в неолиберализме равна нулю: единственная их полезная функция – быть потребителем и «пережевывать» массу произведенной продукции для повышения прибыли собственника. Тратиться на них сверх этого бизнес больше не хочет.

Запад в своей реальной политике отказался от Бога, от международных обязательств, от проблем населения. С точки зрения американского профессора М. Девиса, «корень проблемы в том, что политическая власть принадлежит элитам, которые больше не заинтересованы в росте национального ВВП. Основная цель внутренней и внешней политики теперь заключается в поддержании существующего благосостояния и неравенства, а не в создании нового, всеобъемлющего процветания» [5, с. 159]. Вот и встает принципиальный для современного российского социума вопрос: кто вспомнит о Родине, о народе, об истории страны, о том, что жизнь нужно улучшать здесь, а для всего этого необходимо вкладывать средства, интеллект, силы, брать на себя ответственность и поклоняться своим богам. Сможем ли мы – не возродить, не восстановить (условия изменились), а воссоздать российский социум, в котором будет обеспечено достойное место всем. Сейчас не время рассуждать об ослаблении государства как условия развития рынка. Скорее, наоборот, необходимо сильное демократичное государство, при развитии гражданских инициатив и ши-

рокой общественной поддержки. При этом все же нужно признать, что главным источником инновационного развития в нашей стране исторически является не частный бизнес, а государство.

Сегодня, в пост-крымский период, наступило время определяться российскому бизнесу. С кем вы – представители бизнес-элиты? Вопрос, обсуждаемый в Давосе и Санкт-Петербурге, на телеканалах и в Интернете, на яхтах и в домах аварийного фонда. Да, пора сосредоточиваться. Е.М. Примаков, выступая в мае 2014 г. на политологическом факультете МГУ, подчеркнул, что «высокий рейтинг поддержки руководства нашей страны создает условия для проведения активных реформ, а санкции обуславливают их необходимость. Продолжение многостороннего сотрудничества с западными государствами должно идти не в ущерб национальным интересам» [7].

Осознание своего места на данном этапе особенно актуально для обществоведческих наук. Об этом много говорилось в дискуссиях на первом съезде политологов России, прошедшем в начале июля 2014 г. в Суздале. Тема съезда – «Национальные интересы России: глобальные приоритеты, политические стратегии и перспективы». То, что эта тема необычайно актуальна, подтверждается большим вниманием, оказанным съезду со стороны руководителей государства. Свои приветствия съезду прислали Президент В.В. Путин, Председатель Госдумы С.Е. Нарышкин и Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко.

Выступая на открытии съезда, начальник Управления внутренней политики Администрации Президента РФ О.В. Морозов отметил: «Почитайте два последних послания Президента Федеральному Собранию. Это тексты о смыслах, о ценностях, о целях. Это сегодня самое главное для нашей страны. И вы чувствуете, как сейчас страна объединяется вокруг таких ценностей. И в каком-то смысле Россия становится действительно точкой притяжения. Потому что мы страна, которая в состоянии эти смыслы и ценности сформулировать. Помогите нам в этом!» [8]. Напомню, что в Послании Президента Федеральному Собранию 2013 г. В.В. Путин дал четкое определение своего политического курса, сказав: «Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию». Кое-кто сделал неверные выводы о том, что с либеральными идеями покончено. Но это не так.

Послание было оглашено 12 декабря, в день двадцатилетия Конституции Российской Федерации, и Президент РФ начал свое выступление с принципиальных положений Конституции РФ. Он обратил внимание на то, что «Конституция соединила два базовых приоритета – высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, – подчеркнув их взаимную обязанность – уважать и защищать друг друга» [9]. Современная Россия – это страна, которая уже впитала в себя и, в определенной мере, адаптировала часть либеральных идей. Однако неолиберализм с его неприятием социального сотрудничества и защиты – это в России «привиться» может только под большим давле-

нием Запада на наших политиков, тем более что и Запад в рамках системного кризиса пересматривает свое отношение к неолибералам и их теории.

Современное российское обществоведение прошло достаточный путь, чтобы научиться более самостоятельно относиться к опыту и рекомендациям своих зарубежных коллег. На это обратил внимание сопредседатель РОП, декан политологического факультета МГУ А.Ю. Шутов, подводя итоги первого съезда политологов России. «Ни в коей мере не ставится вопрос противопоставить российских политологов западным и восточным коллегам. Но мы хотим, чтобы опыт российской политической мысли был востребован. Тем более в поле политологии должна вернуться тема патриотизма и тема идеологии, которые должны формировать чувства граждан. А этого последние 25 лет не происходило», – отметил он [10].

Социологические опросы общероссийских центров показывают, что в стране у нас сложился постоянный слой людей, поддерживающих либеральные идеи. Их примерно 20% от общего числа опрашиваемых респондентов. Это достаточно большое число, чтобы их мнение было услышанным и учтенным. Так что, по-видимому, в ближайшие годы наше политическое пространство будет представлено и консерваторами, и либералами, и социал-демократами, и коммунистами, и патриотами. А это и есть развитие демократии. Главное, чтобы их сотрудничество и политическая конкуренция осуществлялись в интересах страны и ее народа.

Библиографический список

1. Путин В.В. Выступление на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи, 12 сентября 2012 г., Краснодар. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16470>
2. Путин В.В. Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям, 22 октября 2013 г., Уфа. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19475>
3. Путин В.В. Выступление на церемонии открытия памятника героям Первой мировой войны, 1 августа 2014 г., Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46385>
4. Обращение Президента Российской Федерации, 18 марта 2014 г., Москва, Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603>
5. 22 идеи о том, как устроить мир: беседы с выдающимися учеными / под ред. П. Дуткевича, Р. Саквы. М., 2014.
6. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина: краткий курс, X–XXI вв. М.; СПб., 2004.
7. Примаков Е.М. выступил с лекцией на факультете политологии, 1 мая 2014 г. URL: <http://polit.msu.ru/department/news/486>
8. Съезд политологов призвал отказаться от западных ценностей в преподавании. URL: <http://www.obeschania.ru/news/2014-07-03/politologiya#ixzz3AROMRsdB>
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 г., Москва, Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>
10. Политологи получают патриотический учебник. URL: <http://charsov.livejournal.com/1805933.html>

**S.A. Belousov
The Quality of Law
and the Efficiency
of Its Enforcement:
Ways to Overcome Negative
Consequences
of Legislative Misbalance**

The dependence of law enforcement efficiency on the level of its quality is researched. The main defects of normative legal acts hindering their effective implementation are revealed. Ways to minimize negative consequences of legislative misbalance at the law enforcement level are suggested.

Key words and word-combinations: quality of law, legislative misbalance, law enforcement, efficiency of law enforcement, problems of law enforcement.

Рассматривается зависимость эффективности применения закона от уровня его качества. Выявляются основные недостатки нормативных правовых актов, препятствующие их действенной реализации. Предлагаются пути минимизации негативных последствий законодательного дисбаланса на уровне правоприменения.

Ключевые слова и словосочетания: качество закона, законодательный дисбаланс, правоприменение, эффективность правоприменения, проблемы правоприменения.

УДК 340.1
ББК67.0

С.А. Белоусов

КАЧЕСТВО ЗАКОНА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСБАЛАНСА

Эффективность применения нормативных правовых актов как цель, закладываемая законодателем при их создании, зависит от целого ряда фактов, среди которых определяющим выступает качество самого нормативного материала. Категория «качество закона» настолько тесно связана с его реализацией, что зачастую для признания за нормативным правовым актом статуса «качественности» достаточно только факта его применения на практике [1, с. 54]. Так полагают не только ученые. В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 г. фактически отстаивается именно такая позиция: «О законе судят не по его тексту, а по качеству реализации его на практике. Наша ахиллесова пята – не столько законотворчество, сколько законоприменение» [2].

Между тем ученые, предметно занимающиеся изучением данной категории, не склонны к такому упрощению, приводя, в частности, исторические примеры, когда применяемые (и весьма активно) репрессивно-карательные законы советского времени, направленные на борьбу с «неудобными», качественно назвать просто язык не поворачивается, учитывая тот урон, который они причинили обществу [3; 4].

Понятие «качество закона», по мнению В.И. Червонюка, включает в себя определенный набор свойств, благодаря которым он способен удовлетворять как общественные, так и индивидуальные потребности в соответствии с назначением и сущностью права. При этом для определения закона как «качественного» важны, с одной стороны, сущностно-правовые, с другой – специально-юридические свойства [5, с. 490].

В рамках нашего исследования можно согласиться с ученым в том, что сводить суть абстракции «качество закона» лишь к его фактической применимости не корректно (хотя «качественный закон», безусловно, и в потенциале, и в действительности куда как более «действенный», нежели «некачественный»). «Качество закона» как собирательное понятие предполагает удовлетворение нормативным правовым актом целому ряду требований как с содержательной (социальная обусловленность, гуманистическая направленность, своевременность, ресурсная обеспеченность), так и с формальной (принятие в соответствии с правилами юридической техники) стороны. И даже соблюдение всего перечисленного не является гарантией беспрепятственной реализации воли законодателя, выраженной посредством правового регулирования.

Проблему соотношения качества закона и эффективности его применения необходимо рассматривать в двух аспектах. Если в какой-либо сфере общественных отношений дисбаланс отчетливо просматривается уже на уровне законодательства, говорить о непротиворечивой правореализационной практике в принципе не приходится. Правоприменитель в данном случае оказывается «заложником» сложившейся ситуации и вынужден бороться с уже существующими проблемами, пытаться их решить на своем уровне, не имея возможности повлиять на ситуацию в целом. В глобальном аспекте решить проблемы правоприменения могут только кардинальные меры, а именно устранение дисбаланса в законодательстве, что возможно только в рамках правотворческой деятельности.

Другое дело, когда с формальных позиций законодательный дисбаланс не столь очевиден – закон сам по себе выглядит «качественным»: принятие его обосновано, намерения законодателя достойны, а его положения, если рассматривать его изолированно, «вырвав из контекста» действующей системы нормативных правовых актов, вполне логичны. Означает ли это, что такой «качественный» закон будет беспрепятственно реализовываться на практике, не породив ни на одной из стадий своего действия нового витка дисбаланса? Увы, утвердительный ответ на этот вопрос дать нельзя.

Возвращаясь к трактовке законодательного дисбаланса и его соотношению с понятием «качество закона», следует избегать узкой трактовки последнего. Любой закон, помимо анализа его с точки зрения социальной обусловленности и соответствия правилам юридической техники, необходимо рассматривать в совокупности с другими нормативными правовыми актами, с позиции его согласованности с уже действующими официальными положениями и возможности «увязывания» с последующими документами. По нашему мнению, «качественного» закона, не сбалансированного с системой принятых и функционирующих в обществе норма-

тивных правовых актов, быть не может, а следовательно, проявления законодательного дисбаланса далеко не во всех случаях «лежат на поверхности», чаще всего в латентном виде пронизывая всю правовую систему, разрушая ее целостность.

Именно поэтому российские законы (и всю российскую правовую систему в целом), несмотря на кажущуюся на первый взгляд «качественность» нормативной базы, нередко (и вполне справедливо) упрекают в декларативности, бездейственности, неэффективности. С инструментальной точки зрения основной причиной этого выступает отсутствие правореализационных механизмов.

Чтобы эффективно реализовываться на практике, материальные нормы должны быть дополнены процессуальными путем установления ряда процедурных правил [6]. Особенно важно учитывать временные условия и не опоздать с созданием правореализационных механизмов. Ученые отмечают, и с этим сложно поспорить, что уже после разработки и принятия закона создать высокоэффективный механизм его реализации становится затруднительно [7, с. 216].

Важность процессуального опосредования материальных норм можно проследить на примере такого института уголовного права, как применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, который в настоящее время характеризуется крайне незначительной распространенностью. Законодательный базис такой возможности существует уже с принятия Уголовного кодекса РФ. Более того, в 2003 г. в статью 90 УК РФ, регулируемую данный вопрос, были внесены изменения, значительно расширившие возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия (исключено как обязательное условие требования совершения несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести впервые) [8]. Однако статистика свидетельствует о том, что предусмотренная законом возможность используется по-прежнему крайне редко, несмотря на очевидность ее позитивного потенциала (психологи подтверждают, что применение принудительных мер воспитательного воздействия вместо наказания в большинстве случаев менее разрушительно для психики подростков и более эффективно с точки зрения достижения целей уголовного законодательства) [9, с. 278–279]. С чем это связано?

Основной причиной недостаточной эффективности применения закрепленного в законе средства является упомянутое отсутствие четко прописанного механизма правореализации. В частности, не указан перечень обстоятельств, которые необходимо учитывать при применении принудительных мер воспитательного воздействия (что, безусловно, необходимо – с целью удостовериться в каждом конкретном случае, что подобного рода меры будут более эффективными для исправления несовершеннолетнего, нежели наказание). В этом случае возможной мерой повышения эффективности правореализации видится закрепление порядка применения принудительных мер воспитательного воздействия в отдельном нормативном правовом акте – в форме федерального закона.

На основании изложенного следует логический вывод, что реализации закона на практике (в узком понимании данного слова) призваны оказывать помощь

подзаконные акты. Довольно показательной в этом плане является сфера налогового регулирования [10, с. 16]. О несбалансированности налогового законодательства, неспособности главного акта отрасли – Налогового кодекса РФ – урегулировать все многообразие возникающих при его применении вопросов свидетельствует внушительный массив подзаконных правовых актов, затрагивающих отдельные, частные вопросы реализации законодательных предписаний.

В частности, важнейшим с точки зрения экономического развития в масштабах всей страны представляется Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [11], ввиду того что он закладывает основы механизма создания и функционирования основных субъектов рыночных отношений. Данный Закон имеет стратегическое значение именно с практической точки зрения, поэтому правовое регулирование в рассматриваемой сфере должно быть не препятствием, ставящим «палки в колеса» лицам, желающим вести предпринимательскую деятельность, а фактором, обеспечивающим эффективное функционирование рыночного механизма посредством единообразной, строгой, отлаженной процедуры регистрации первичных звеньев экономической системы.

Однако, как показала практика, одно только принятие Закона № 129-ФЗ, несмотря на место, «уготованное» ему в регулировании предпринимательской деятельности, заложенные в нем важнейшие цели (сокращение административных барьеров, затрудняющих развитие предпринимательства, оптимизация расходов федерального бюджета на государственное управление [12]) оказались недостаточными для его правореализации.

Тем не менее следует подчеркнуть, что Закон 129-ФЗ и не планировался как акт самодостаточный в регулировании всего многообразия отношений в рассматриваемой области. Закон как вид правового акта закрепляет именно основы регулирования какой-либо сферы, но не может ввиду характеризующих его сущность признаков обеспечить собственное применение без издания целого ряда других актов, прежде всего подзаконного характера. В случае наиболее сложных, часто повторяющихся проблем в правоприменении закон «дополняется» также актами толкования высших судебных инстанций. Как верно отмечает С.А. Авакьян, законы (а не подзаконные акты), безусловно, должны быть основным средством регулирования общественных отношений, одновременно с этим не стоит расширять законодательное регулирование до таких масштабов, что закон трансформируется в инструкцию [13, с. 8]. В этом с ним солидарен и Н.А. Власенко, считающий, что чрезмерно детализированное регулирование в законе девальвирует его значение и роль [14, с. 42]. В связи с этим чрезвычайно важной представляется роль ведомственного нормотворчества, без которого невозможно существование российской правовой системы в современных условиях.

Принимая за основу тот факт, что некоторые законы просто не могут быть реализованы без издания конкретизирующих их подзаконных актов, можно

согласиться с высказываемым в литературе предложением отказаться от практики введения закона в действие сразу же после его принятия [5, с. 498]. Дабы избежать проблем в правоприменении ввиду отсутствия необходимых материально-технических, организационных и иных условий, такого рода законы должны вступать в силу одновременно с конкретизирующими и создающими все эти условия правовыми актами.

Ведомственное нормотворчество, безусловно, также нуждается в модернизации и поиске баланса в массиве уже принятых актов. Немаловажную роль в этом должна сыграть систематизация ведомственных нормативных правовых актов (в виде кодификации, консолидации и издании официальных инкорпорированных сборников). Но бороться с дисбалансом в той или иной сфере следует начинать с определения основ, векторов гармоничного развития. В качестве такового в сфере ведомственного нормотворчества может стать предлагаемый в литературе [15, с. 28] Федеральный закон «О нормотворческой деятельности и нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти».

В российской правовой системе широко распространен такой способ борьбы с законодательным дисбалансом, выражающимся в противоречивой правореализационной практике, когда нижестоящим судам приходят на помощь суды вышестоящие, издавая руководящие разъяснения. При этом сам статус «руководящие разъяснения» вызывает массу вопросов и споров в литературе. Суть их сводится к признанию либо оспариванию их обязательности для всех остальных судов. Однако точка зрения, согласно которой постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ обязательны по отношению к нижестоящим судам, является все-таки преобладающей [16; 17, с. 14]. Аргументировать это можно и особой процедурой принятия и реализации рассматриваемого вида актов, и употреблением в тексте постановлений специальных формулировок («суд должен», «суд обязан»), и самим фактом наделения Верховного Суда РФ рассматриваемым полномочием [18]. При этом утверждение о том, что Верховный Суд РФ, равно как и суды более низших инстанций, не должны подменять собой правотворческие органы, специалистами не оспаривается [19].

Одним из способов преодоления противоречий в правореализации, вызванных, в частности, отрицательной формой законодательного дисбаланса, выступает субсидиарное применение правовых норм. Такая возможность признавалась еще советскими учеными-теоретиками [20]. В настоящее время потенциал субсидиарного применения норм особенно актуален, так как создает условия для выстраивания партнерских отношений между различными отраслями законодательства, способствуя укреплению системности нормативных правовых актов, нахождению и поддержанию законодательного баланса [21].

Возможность субсидиарного применения норм закреплена законодательно в ряде норм. В частности, ст. 4 Семейного кодекса РФ закрепляет правило, согласно которому к отношениям между членами семьи, которые не урегулированы семейным законодательством, применяется законодательство гражданское постольку, поскольку это не противоречит сути упомянутых отношений. Схо-

жая норма содержится и в статье 3 Земельного кодекса РФ, закрепляющей возможность субсидиарного применения гражданско-правовых норм к имущественным отношениям по владению, пользованию и распоряжению земельными участками и совершению сделок с ними (если иное не предусмотрено специальным – водным, лесным и т.д. – законодательством). Введение же в рассматриваемых случаях специальной нормы, повторно регулирующей однотипные по своей сути отношения, привело бы к ситуации, когда одна и та же норма принадлежала бы разным отраслям законодательства, что породило бы очевидный дисбаланс. Таким образом, рассматриваемая практика помимо прочего полностью удовлетворяет задаче экономии законодательных ресурсов [21].

Проблемы правореализации, безусловно, вторичны, то есть производны от недостатков самого нормативного материала, поэтому в идеале, поскольку важно устранять не симптомы болезни, а ее причину, исправление ситуации – модернизацию объемного, громоздкого, но при этом малоэффективного российского законодательства – следует начинать с устранения недостатков внутри самого законодательства. Однако в большинстве случаев законодательный дисбаланс выступает уже как данность, при этом его устранение правотворческим путем в данной конкретной ситуации либо невозможно, либо требует значительных временных и иных ресурсных затрат. В этой связи целесообразной, а зачастую и необходимой представляется минимизация негативных последствий законодательного дисбаланса именно на уровне правоприменения.

Для предотвращения проблем правоприменения, вызванных отсутствием правореализационных механизмов как формой дисбаланса, действенным способом выступает включение в текст закона специального «процедурного блока» (раздела, главы или статьи). В условиях отсутствия такой возможности правореализационные механизмы могут быть изложены в конкретизирующих закон подзаконных нормативных правовых актах, выполняющих функцию своеобразной «инструкции по применению». При этом ведомственное нормотворчество, так же как и законотворчество, должно быть продуманным, системным, другими словами – сбалансированным. Достижение баланса должно стать приоритетом на всех уровнях, как на вертикальном (непротиворечие подзаконных актов законам), так и на горизонтальном (согласованность актов одинаковой юридической силы).

На наиболее сложных участках общественных отношений, урегулированных нормами сразу нескольких нормативных правовых актов, принадлежащих иногда различным отраслям законодательства, в случае часто повторяющихся проблем в правоприменении на помощь правоприменителю должны приходить акты толкования высших судебных инстанций. В противоположной ситуации, вызванной недостаточной урегулированностью отношений нормами права, что тоже выступает весьма распространенной формой проявления законодательного дисбаланса, возможно использование такого способа преодоления его негативных последствий, как субсидиарное применение правовых норм.

Библиографический список

1. Спасов Б. Закон и его толкование. М., 1986.
2. URL: <http://ombudsmanrf.org/doklady/5381>
3. Поленина С.В. Качество закона и совершенствование правотворчества // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 12–19.
4. Гойман (Червонюк) В.И. Действие права: методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.
5. Червонюк В.И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника: ежегодник. 2012. № 8: Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника.
6. Абрамова А.И. Вопросы финансовой обеспеченности действия закона // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 40–46.
7. Ковалева В.В. Место и роль механизма правового регулирования в оптимизации правотворчества // Юридическая техника: ежегодник. 2012. № 6: Техника современного правотворчества: состояние проблемы, модернизация.
8. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
9. Александрова Н.С. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения // Известия Оренбург. гос. аграр. ун-та. 2013. № 3 (41).
10. Петрова Г.В. Налоговые отношения: теория и практика правового регулирования. М., 2003.
11. СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.
12. Гусева Т.А., Ларина Н.В. Предпринимательская деятельность гражданина: государственная регистрация // Право и экономика. 2003. № 11.
13. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.
14. Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника: ежегодник. 2012. № 8: Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника.
15. Арзамасов Ю.Г. Ведомственное нормотворчество: современное состояние, проблемы модернизации // Юридическая техника: ежегодник. 2012. № 6: Техника современного правотворчества: состояние проблемы, модернизация.
16. Петрушев В.А. Обладают ли разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики обязательной силой // Законы России. 2008. № 3. С. 74–76.
17. Демидов В.В. Обязательны ли для судей разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Адвокатские вести. 2004. № 1.
18. Соловьева Т.В. О характере постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 2. С. 5–9.
19. Грось Л.А. О постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 10. С. 37–43.
20. Бару М.И. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. 1963. № 14. С. 22–28.
21. Абрамова А.И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 50–55.

N.V. Prokazina
**Forming the Organizational-
Institutional Framework
of Applying the Results
of Public Opinion Polls
by Authorities in Russia**

Peculiarities of forming the organizational and institutional framework of applying public opinion polls results by authorities are considered. The dependence of the application of the results of sociological research on the political and socio-cultural features of the country's development is revealed.

Key words and word-combinations: opinion polls, sociological research, sociological culture.

Рассматриваются особенности формирования организационно-институциональных основ использования результатов опросов общественного мнения органами управления. Выявляется зависимость использования результатов социологических исследований от политических и социокультурных особенностей развития страны.

Ключевые слова и словосочетания: опросы общественного мнения, социологические исследования, социологическая культура.

УДК 316.014
ББК 60.504/506

Н.В. Проказина

**ФОРМИРОВАНИЕ
ОРГАНИЗАЦИОННО-
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ОСНОВ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
ОРГАНАМИ УПРАВЛЕНИЯ
В РОССИИ**

Сложно переоценить значение социологических исследований в целом и изучение общественного мнения в частности для решения актуальных проблем социально-экономического развития страны, выявления и затем устранения негативных проявлений, определения и понимания основных тенденций, по которым развивается общество [1, с. 11].

Формирование организационно-институциональных основ использования властью результатов опросов общественного мнения связано с развитием ее потребности и готовности включать результаты социологических исследований в управленческую деятельность. Этот процесс зависит от политических и социокультурных особенностей развития страны.

Социально-политические реалии развития СССР не предполагали возможности формирования интереса к общественному мнению на протяжении всей первой половины XX в. С середины 1930-х до второй половины 1940-х годов в Советской России наблюдался социологический вакуум.

В сталинскую эпоху практически не применялись термины «общественное мнение», «общественное настроение», «общественные интересы», равно как и само слово «общественность» [2, с. 60].

Социологическая тематика, особенно связанная с общественным мнением, начала появляться в публикациях послевоенного времени. Так, в докладе А.А. Жданова на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1946 г. содержится упоминание об опросе, проведенном Институтом общественного мнения в США. Результаты опроса свидетельствовали о том, что мало кто из американцев верит в избирательные права советских беспартийных трудящихся. В тексте выступления А.А. Жданов особое внимание уделил тому, что за последнее время появилось много исследований на тему характера советских людей вообще, национального характера русских. Особое недовольство было высказано тем, что во многих статьях изображают советских людей в неприглядном свете.

Социальный заказ на изучение повседневной жизни людей стал осознаваться к середине 1950-х годов – в это время формируется интерес к эмпирической социологии. В статье Ф.В. Константинова [3] указывалось на целесообразность изучения «живых образцов строительства коммунизма». Автор публикации определял темы «конкретных исследований»: культурно-технический рост рабочего класса и колхозников, социалистическое соревнование, превращение труда в первую жизненную потребность, уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом. Таким образом, генезис потребности в использовании властными партийными структурами результатов социологических исследований происходит в 50-е годы XX в.

Предпосылки изучения общественного мнения в СССР сформировались в 60-е годы XX столетия во многом благодаря активной деятельности Б. Грушина. Он ввел в советскую, а затем и в российскую журналистику, в повседневный мир миллионов людей само понятие общественного мнения. Б. Грушин, вспоминая историю создания Института общественного мнения «Комсомольской правды», писал: «Под этим лежал и отчетливо выраженный гражданский интерес, связанный с намерением Института “приучить” общество к изучению общественного мнения как к определенной – политической и информационной – норме публичной жизни страны» [4, с.18].

Институт общественного мнения «Комсомольской правды» возник в мае 1960 г. под руководством Б. Грушина. Первый опрос был проведен 10–14 мая 1960 г. на тему «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну». Институт общественного мнения «Комсомольской правды» просуществовал почти восемь лет. За это время было проведено почти 27 опросов различного типа, в том числе 20 всесоюзных и один – международный.

В целом 1960-е годы можно охарактеризовать как период социологического просвещения в среде партийных работников. В вечерних университетах марксизма-ленинизма при городских комитетах КПСС советский партийный и хозяйственный актив постигал основы социологии для целей научного руководства развитием общества. В будущем этот актив стал поставщиком социальных заказов для социологических отделов и лабораторий. В результате чаще практиковались социологические исследования опыта работы конкретных партийных организаций.

Одним из вариантов развития социологии была кибернетическая модель, в соответствии с которой выборочное обследование, различные анкеты и опросы предполагалось сделать обычным средством изучения действительности. В 1967 г.

отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС совместно с отделом пропаганды внесли предложение: придать импульс развитию общественных наук, в частности начать комплексное изучение социальных, экономических и политических проблем развития общества [5, с. 86–91]. Особое внимание в этих документах обращалось на продуманное проведение конкретных социальных исследований. Осенью 1967 г. Президиум АН СССР утвердил и разослал по партийным инстанциям «Проект создания центрального института конкретных социальных исследований». Его целями являлись организация комплексных исследований развития общественной жизни, разработка научно-методического прогноза социального развития, обеспечение научно-методического руководства конкретными социальными исследованиями в масштабах страны. Особенности взаимодействия социологов и власти в советский период связаны с рядом объективных обстоятельств. Во-первых, социология не вписывалась в идеологическую структуру знания, сконструированную на основе марксизма. Во-вторых, рассмотрение и изучение общества осуществлялось в контексте идеологии марксизма-ленинизма.

Вторая в истории Советского Союза служба изучения общественного мнения была создана в конце 1969 г. в стенах Института конкретных социальных исследований АН СССР, который возник в 1968 г. Научно-исследовательская работа в институте была организована по «проектной» системе. Проект объединял группу специалистов для решения конкретной проблемы. К осени 1969 г. институт провел помимо академических исследований около двадцати опросов для ЦК КПСС, Московского горкома партии и других партийных органов. В феврале 1970 г. более чем сотне центральных государственных и общественных учреждений и организаций страны было разослано информационное письмо об открытии ЦИОМ. В результате сорок два адресата подали сто две заявки с готовностью оплатить половину из них [4, с. 68–73].

Среди учреждений и организаций, подавших заявки в ЦИОМ на проведение опросов общественного мнения, были Министерство культуры СССР (6 заявок), Министерство связи СССР (4), Министерство сельского строительства СССР (2), Государственный комитет по печати СССР (4), Государственный комитет по радиовещанию и телевидению СССР (3). Готовность оплатить (полностью или частично) заказываемые ими исследования выразили Министерство внутренних дел СССР (8), Министерство гражданской авиации СССР (3), Министерство пищевой промышленности СССР (1), Министерство просвещения СССР (5), Министерство торговли СССР (2), Государственный комитет по профтехобразованию СССР (3), Совет по делам религии при Совете Министров СССР (3).

Из ста двух заявок, поданных в ЦИОМ, 44 были заказаны управленческими структурами. Непременным условием проводимых опросов по месту жительства и работы было получение соответствующего разрешения от партийного и / или административного руководства, согласование с ним тематики зондажа и, как правило, опросных документов. Результаты опросов чаще всего носили конфиденциальный, или закрытый, характер, редко оглашались в прессе, сложно было опубликовать их и в научных изданиях.

Заинтересованность в получении достоверной информации, зондаже обще-

ственного мнения и в целом потребность в изучении общественного мнения и его использовании в практике управления сформировались в начале 1970-х годов. Однако общественное мнение в этот период не существовало и функционировало как легитимный политический институт, «пятая власть», реально участвовавшая в управлении гражданским обществом и непосредственно влиявшая на действия государства и его властных структур [6, с. 109].

Как подчеркивает В. Шляпентох, в СССР общественное мнение существовало в двух формах: первая – индивидуалистическая (мнение выражалось, однако его носитель мало знал о том, что по данному поводу думали другие), вторая – коллективистская (человек начинал видеть и осознавать свою позицию на фоне других суждений, получал возможность изменять, корректировать свою точку зрения в соответствии с доминирующими представлениями). Как следствие, гласный мониторинг общественного мнения пробуждал массы людей до этого живущего наедине со своими представлениями о жизни социума. В результате существовала возможность преодолеть страх перед идеологическими запретами и боязнь инакомыслия. Следовательно, слишком интенсивное развитие общественного мнения могло подорвать господствующую идеологию [7, с. 73]. Для предотвращения подобной тенденции прозрения и взросления общества использовались два основных способа. Во-первых, понижалась значимость проблем, выносимых на суд общественности. Во-вторых, подстраивалось общественное мнение, деполитизировалось в соответствии с выбранным курсом.

Первые реальные свидетельства возникновения у органов власти выраженного интереса к изучению общественного мнения в Советском Союзе появились в 1983 г. На июльском Пленуме ЦК КПСС был поднят вопрос о том, что в современных условиях назрела необходимость создания специальной системы изучения потребностей, мнений и настроений трудящихся масс, опирающейся на специфические методы выявления и анализа общественного мнения и позволяющей получать по любому вопросу, в любой момент надежную, представительную в масштабах всей страны информацию. С целью решения этой задачи Пленум признал целесообразным создать Всесоюзный центр изучения общественного мнения. Однако большая часть деятельности носила декларативный характер, а результаты социологических исследований не воспринимались как значимые.

В соответствии с постановлением Пленума ЦК КПСС Президиум АН СССР создал и программу перестройки работы Института социологических исследований (ИСИ) АН СССР. На основе разработанных методологических и методических принципов оперативного изучения общественного мнения в 1985–1986 гг. проведено около 30 плановых и сверхплановых (по заданиям директивных органов) исследований (всесоюзных, региональных, локальных), по результатам которых были подготовлены научно-практические отчеты [8]. Но в этот период не были оформлены организационно-институциональные основы использования результатов опросов общественного мнения органами управления.

Таким образом, на заре перестройки социологи пытались активно участвовать как в самом перестроенном процессе, так и, что особенно важно, в определении перспектив развития страны. Например, на имя Генерального секретаря

ЦК КПСС М.С. Горбачева были направлены в марте 1986 г. Г.В. Осиповым докладная записка и результаты исследований тенденций и противоречий социального развития СССР. В общей сложности в 1984–1986 гг. ИСИ АН СССР подготовил и направил во властные структуры около 260 аналитических материалов, документов, научных докладов и информационных справок, в которых по результатам социологических исследований даны выводы, предложения и рекомендации.

В декабре 1986 г. состоялась отчетно-выборная конференция Советской социологической ассоциации, на которой с докладом «О роли социологии в ускорении развития советского общества» выступила академик Т.И. Заславская [9, с. 84–102]. Она сформулировала выводы относительно развития советской социологии за последние годы, которые были неутешительными. Социология оказалась в арьергарде советского общества, статус ее как науки оказался невысоким. Обеспеченность кадрами оставляла желать много лучшего, состояние социальной статистики было неудовлетворительным. Связь с практикой – слабой, несмотря на декларации о ее важности. Социологи были отстранены от государственной экспертизы, активного участия в государственном управлении. Диалог с властью отсутствовал. Роль прикладного направления предполагалось повысить путем внедрения систем социальных показателей для оценки деятельности предприятий, повышения профессионального уровня работников социологических служб, введения системы аттестации этих кадров. Требования времени к социологии отличались от ориентированных на прагматические и идеологизированные интересы партии. Следовало обеспечить общество полной и правдивой информацией о потребностях, интересах и поведении общественных групп, наметить цели социальной политики, конкретизировать курс на экономическое развитие, создать возможность управления «обратной связью», сформировать социологическое мышление [6, с. 52].

В июне 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко отмечают, что это было первое и последнее решение, которое приняла партия по вопросам социологии [10, с. 174–201].

Таким образом, формирование потребности в изучении общественного мнения и создание условий для его использования в практике управленческой деятельности со стороны властных структур прошло сложные, противоречивые этапы развития. В 60–80-е годы XX в. властно-управленческие структуры поддерживали апологетическую роль социологии, подтверждающую и оправдывающую проводимый политический курс. Научно обоснованная критика политики и действий представителей партии и власти не принималась. Для данного периода была характерна «практика удержания социологии в неких предустановленных рамках» [11]. В это время диалога между властью и социальной наукой не состоялось. Г.В. Осипов утверждает, что если бы диалог между социологами и властью был налажен, то результаты реформирования были бы качественно иными, отвечающими национальным интересам страны, и социальная цена реформ была бы несравненно меньшей [1, с. 14]. Мы солидарны с этим мнением.

Трансформация советского, а затем и российского общества, начавшаяся с перестройкой в середине 1980-х годов, способствовала процессу институционализации социологии, сопровождаемому организационно-институциональными и идеологическими трудностями.

По утверждению А.А. Хохлова, «за полувековую историю многое изменилось к лучшему, но часть вопросов так и остались нерешенными. Как и раньше, органы власти мало считаются с мнением социологов. Парадокс, но на письма и жалобы частных лиц ответ дается в течение месяца, а на научные записки ученых мало кто реагирует. Так и не создано действенного механизма включения социологии в жизнь общества. А ведь сегодня, как никогда, надо внедрять социальное проектирование в управление обществом и государством, создавать социологические службы при органах власти» [12, с. 437]. Проведенный анализ развития потребности в использовании социологической информации и формирования организационно-институциональных основ ее использования со стороны властных структур позволяет согласиться с данным высказыванием.

До конца 80-х годов XX в. не проводились регулярные общенациональные опросы населения по репрезентативным выборкам, следовательно, не приходится утверждать существование организационно-институциональных основ изучения общественного мнения с целью использования их результатов в управленческой практике.

Анализ практики использования результатов социологических исследований управленческими структурами в России во второй половине XX – начале XXI в. показал, что социологическая информация в целом была невостребованной и зачастую имела «декоративное значение». Как следствие – отсутствие качественной «обратной связи» между населением и властью, расцвет социального мифотворчества, низкая социальная эффективность принимаемых решений.

Особая тема для исследования – это развитие отношений между социологией и властью в 1990-е – начале 2000-х гг. По утверждению М.К. Горшкова, научная социология в целом оказалась «избыточной» для реформирования общества, предпочитающего опираться на простые решения [11].

В современной России постепенно институционализируется практика использования социологической информации в управленческой деятельности. Ж.Т. Тощенко, характеризуя новые тенденции в развитии российской социологии, отмечает, что сегодня в России редкая управленческая структура не имеет социологическую службу или не заказывает социологическую информацию по интересующим ее вопросам [13].

Следовательно, реально существуют объективные предпосылки включения и активного использования результатов социологических исследований в практику управления. Отсутствие четких правовых механизмов учета результатов социологических исследований при выработке управленческих решений ведет к неэффективности работы органов исполнительной государственной власти регионов [14].

Сегодня активно идет формирование организационно-институциональных основ использования результатов опросов общественного мнения и в органах регионального управления субъектов РФ. Результаты проведенного автором в 2013 г. контент-анализа пятидесяти семи региональных положений об инфор-

мационно-аналитической структуре субъекта РФ позволил выделить основные направления деятельности, связанные с применением результатов опросов общественного мнения в профессиональной деятельности.

В целом представленные на сайтах администраций субъектов РФ положения об информационно-аналитической структуре субъекта РФ можно разделить на три группы: 1) положения, в которых социологические методы исследования играют важную роль, – 5,3%; 2) положения, в которых социологические методы исследования играют второстепенную роль, – 45,6%; 3) положения, в которых социологические методы исследования включены как эпизодические и не имеющие системного характера, – 49,1%.

Таким образом, актуализируется необходимость совершенствования организационно-институциональных основ применения результатов опросов общественного мнения органами управления. Проведенный анализ показывает, что сегодня целесообразно осуществление деятельности по организационно-институциональному закреплению использования результатов опросов общественного мнения органами управления в России. Эта деятельность будет успешной при условии развитой потребности в социологической информации у представителей органов управления в ситуации сформированной социологической культуры управленцев.

Библиографический список

1. *Осипов Г.В.* Как это было на самом деле // Вехи российской социологии, 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб., 2010.
2. *Грушин Б.А.* На дальних и ближних подступах создания ВЦИОМа // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 5.
3. *Константинов Ф.В.* Против догматизма и начетничества // Вопросы философии. 1950. № 3.
4. *Грушин Б.А.* Медленный взлет и стремительное падение ЦИОМ ИКСИ АН СССР // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 1.
5. Социология и власть: документы и материалы, 1953–1968 / под ред. Л.Н. Москвичева. М., 1997. Сб. 1.
6. *Фирсов Б.М.* История советской социологии, 1950–1980-е годы: очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012.
7. *Shlapentokh V.* The Politics of the Sociology in the Soviet Union. Boulder; London, 1987.
8. *Иванов В.Н.* Итоги работы ИСИ АН СССР по выполнению постановления Президиума АН СССР от 31 мая 1984 года «Об основных направлениях деятельности и задачах ИСИ АН СССР» // Социол. исслед. 2013. № 6. С. 121–132.
9. *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997.
10. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм: (статьи и подготовительные материалы). М., 1994. Кн. 2.
11. *Горшков М.К.* Российская социология между обществом и властью // Социол. исслед. 2011. № 5.
12. *Хохлов А.А.* Пути социологии на Орловщине // Вехи российской социологии, 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб., 2010.
13. *Тощенко Ж.Т.* Новые тенденции в развитии российской социологии // Социол. исслед. 2013. № 4. С. 3–13.
14. *Фарахутдинов Ш.Ф.* Опыт организации и проведения прикладных социологических исследований для государственных заказчиков // Социол. исслед. 2011. № 3. С. 107–108.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

V.S. Ufaeva
**Conditions of Forming
a Common Eurasian Cultural
and Communicative Space**

The issues of forming a common Eurasian cultural and communicative space in conditions of integration processes are analyzed. The possibility of effective cultural and communicative integration basing on constructing the Eurasian civilization community using both the common linguacultural code and the common model of information and communicative impact while reserving cultural identity is considered.

Key-words and word-combinations: cultural and communicative space, integration, linguacultural code, cultural identity.

Анализируется формирование единого евразийского культурно-коммуникативного пространства в условиях интеграционных процессов. Рассматривается возможность проведения культурно-коммуникативной интеграции на основе построения евразийской цивилизационной общности с использованием единого лингвокультурного кода и единой модели информационно-коммуникативного воздействия с сохранением при этом культурной идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: культурно-коммуникативное пространство, интеграция, лингвокультурный код, культурная идентичность.

УДК 338(470+571)
ББК65.9(2Рос)

В.С. Уфаева

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЕВРАЗИЙСКОГО КУЛЬТУРНО- КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Современная социокультурная ситуация характеризуется динамичностью социальных процессов, возрастающей ролью казуальных факторов общественного развития, а также повышением взаимозависимости и взаимответственности государств, народов и культур. Такие условия актуализируют вопрос о способности культуры отдельно взятого государства адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям, проявить готовность к конструктивному диалогу, выстраивать отношения на принципах уважения, открытости и толерантности и способности формировать единое культурно-коммуникативное пространство в ситуации интеграции.

Интеграционный евразийский процесс невозможно представить без изменения и развития гуманитарной сферы, сферы идей, и культурно-коммуникативного пространства в целом, где формируются смыслы и ценнос-

ти. Зацикленность на рыночных стратегиях содействует вакууму культурно-информационной сферы и отсутствию возможности создать единую коммуникационную политику, что, в свою очередь, может способствовать «возникновению эффекта разрыва между ЕврАзЭС и гражданами стран, входящих в это сообщество» [1, с. 176]. По мнению Е. Винокурова и А. Либмана, «парадоксальным образом в постсоветском мире реального успеха может добиться лишь достаточно глубокая форма интеграции» [2, с. 38]. Совершенно очевидно, интеграция представляет собой усложнение, требующее более эффективного управления, направления и развития.

Стратегический курс России на евразийскую интеграцию в рамках Таможенного союза и единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан указывает на необходимость евразийского информационного прорыва. Статья Президента России В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» отражает идею «тесной интеграции на новой ценностной, политической, экономической основе» [3]. Представляется возможность формирования наднационального объединения, «способного стать одним из полюсов современного мира» [3].

Интеграционной составляющей всех процессов является коммуникация, способствующая формированию «искусства жить вместе». Формирование единого евразийского культурно-коммуникативного пространства можно назвать *культурно-коммуникативной интеграцией*, то есть такой формой взаимодействия, при которой происходит объединение культур, формальных и неформальных норм, обычаев, нравов и ценностей. Такое единение – интеграция – предопределяет «высокий уровень доверия и понимания между всеми, кто ощущает и признает свою сопринадлежность такому целому» [4, с. 538].

С целью сохранения культурной идентичности стран – участниц ЕврАзЭС следует развивать коммуникативную политику по индивидуальной для каждой страны траектории. Однако коммуникация в целом, а межкультурная коммуникация в частности должна стать эффективным механизмом, активизирующим интеграционные процессы. При этом коммуникация способна как стимулировать процесс принятия политических и экономических решений, так и становиться механизмом формирования евразийской культурной идентификации на основе общечеловеческих ценностей. Межкультурная коммуникация предполагает считывание культурных кодов и их декодирование, причем коды или культурные значения выходят за рамки внутреннего личностного понимания. В культуре нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности [5, с. 27].

В вопросе формирования общего культурно-коммуникативного пространства и разработки коммуникативных стратегий межкультурного диалога становится необходимым учитывать различие интенсивности коммуникативных процессов разных культур. Культуры с хорошо развитыми и гармоничными внутренними и внешними коммуникациями обычно определяются как *«открытые» коммуникативные культуры*. Необходимым условием развития и существования подобных «открытых» культур является процесс активного и безбоязненного взаимодействия с иными культурными формами и типами. Для

культуры «*закрытого*» *коммуникативного типа* характерно доминирование внутренних коммуникаций, с четко регламентированными коммуникативными процессами, что становится определенным препятствием на пути повышения эффективности межкультурных коммуникаций. Способность культуры вступать в коммуникации, связи и отношения с другими культурами и развиваться под их влиянием, сохраняя собственную идентичность, можно назвать *коммуникативным потенциалом*. основополагающими характеристиками коммуникативного потенциала культуры являются *коммуникативная устойчивость* и *коммуникативная изменчивость (трансформативность)*. Степень коммуникативного потенциала культуры выражается следующими качествами: 1) возможность сохранения своего культурного ядра в виде базовых ценностей, смыслов и традиций при высоком уровне коммуникативной открытости; 2) способность адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям социальной реальности, проявляя гибкость, отзывчивость и динамичность. Чем больше выраженность приведенных характеристик, тем выше степень коммуникативного потенциала культуры.

Ценности и жизненный ритм различных мировых культур современного мира накладывают отпечаток на характер их взаимодействия. Взаимодействие различных культур становится настолько тесным, что из простого взаимодействия оно перерастает во «взаимопроникновение» и даже «взаимовлияние». Именно поэтому интеграционные процессы, которые оставляют право на культурную идентичность при формировании новых общих культурных основ, могут противостоять процессам глобализации и унификации культурной идентичности.

Животрепещущие споры и мысли о развитии современной цивилизации, роли и месте национальных культур и их взаимодействия ведутся не одно столетие. Философские и социологические работы указывают, что при современных глобализационных тенденциях самосознание локальной культуры остается на высоком уровне, а в некоторых случаях происходит борьба за ценности и устои. Ю. Хабермас рассуждал о глобализации как «новой необратимости» [6, с. 147], З. Бауман отождествлял ее с «концом однозначности» [7, с. 217]. Р. Робертсон отмечал, что локальное и глобальное не исключают друг друга [8, с. 162]. Наоборот, локальная культура является аспектом глобальной, мировой культуры, то есть приходится констатировать так называемую *глокальную культуру*. Глокальную культуру отличает способность осуществления взаимодействия и взаимопроникновения с локальными культурами как культурно-историческими образованиями, обладающими собственной ментальностью и способными сохранить свою идентичность в условиях глобализационных процессов.

Среди положительных характеристик евразийского интеграционного процесса – право на культурную самоидентичность, которая становится залогом равноправных отношений, основанных на принципах уважения и толерантности при условии «равноценности всех культур и народов» [9, с. 5]. Единое культурно-коммуникативное пространство на территории стран ЕврАзЭС следует формировать с учетом недостатков глобализационных процессов во избежание локальных конфликтов, таким образом предоставляя право локальной культуре на самодетерминацию, сохранение своей идентичности, но одновре-

менно пытаться находить пути к эффективному межкультурному взаимодействию. Нарастающая сила самодетерминации, заложенная в локальной культуре, способствует раскрытию ее мощнейшего потенциала, реализуемого в процессах социальных преобразований [10, с. 228].

Общим основанием коммуникативного интеграционного процесса может стать единая *цивилизационная общность*. А.В. Окара считает, что «цивилизационная общность не тождественна ни религиозно-конфессиональным, ни культурным, ни этническим, ни расовым, ни языковым факторам» [11]. В качестве главного критерия цивилизации автор видит «наличие определенного набора трансцендентных представлений о бытии, об абсолютной реальности, о времени, вечности, смысле существования» [11].

Предложенная Ю. Хабермасом идея коммуникативного действия предполагает, что участники интеракции «согласовывают и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersubjectивным признанием притязаний на значимость... на истинность, на правильность и на правдивость» [12, с. 91]. Таким образом, можно предложить рассматривать в качестве базовых принципов взаимодействия когерентность (согласование поведения субъектов во времени и пространстве относительно основных целей и направленности их действий) и транспарентность («прозрачность» и открытость действий, возможность осуществления общественного контроля над действиями власти). Эти принципы должны быть положены в основу современной культурной и информационной политики национальных государств в условиях глобализации, когда актуальными становятся координация информационных и коммуникационных потоков и, соответственно, согласование планов действий.

Координация – это открытый, нацеленный на коммуникацию и диалог сверхсложный процесс инициирования самоорганизационных креативных потенциалов системы. Он ориентирован на формирование общих ценностно-смысловых оснований, которые должны лежать в фундаменте коммуникативных процессов всех уровней. Координация сродни процессам «возбуждения среды» с целью достижения общего понимания ситуации и перспектив. Опора на принципы когерентности и транспарентности позволяет регулировать информационные потоки, тем самым повышая уровень взаимопонимания и межкультурной компетентности, то есть способности членов некой культурной общности «добиваться понимания в процессе взаимодействия с представителями другой культуры с использованием компенсаторных стратегий для предотвращения конфликтов “своего” и “чужого” и создавать в ходе взаимодействия новую межкультурную коммуникативную общность» [13, с. 280]. Инструментами координации являются не только культурная и информационная политика государства, но и институты гражданского общества, международные организации гуманистической направленности. Исходя из этого, координация предполагает опору на принципы, созвучные принципу транспарентности, – открытость, толерантность и диалог, межкультурную компетенцию и коммуникативную рациональность.

С учетом того что межгосударственным языком общения евразийского про-

странства является русский, а заложенные в его этимологической основе единые трансцендентные представления о бытии определяют наличие единого *лингвокультурного кода*, появляется возможность выделить и сформировать *единую евразийскую цивилизационную общность*. В основе лингвокультурного кода лежит русский язык, отражающий образы, идеи, концепты, идентичности, символы, мифы, тексты и нарратив евразийской цивилизационной общности.

В противостоянии новым вызовам евразийской интеграции может помочь разработка единой стратегии информационно-коммуникативного воздействия. Такое воздействие можно представить в виде трехуровневой модели: внешнее, внутреннее и технологическое, базирующиеся на *лингвокультурной, лингвокоммуникативной и коммуникационной стратегиях*.

Внешнее информационно-коммуникативное воздействие основано на *лингвокультурной стратегии*. Механизмы данного уровня способствуют распространению евразийской идеологии и культуры языковыми средствами. При этом повышается статус русского языка в мире как языка – носителя евразийского культурного кода. На основе распространения новых стереотипов и образов происходит формирование более благоприятного евразийского имиджа. Языковыми средствами обеспечивается информационное сопровождение решений актуальных внешнеполитических задач.

Внутреннее информационно-коммуникативное воздействие может быть представлено *лингвокоммуникативной стратегией*, рассчитанной на долгосрочный период социального взаимодействия «с использованием лингвистических средств, обеспечивающих осмысление, понимание, кодирование, трансляцию и реализацию наиболее значимых идей и практик» [14]. Стратегии рассматриваемого вида воздействия могут быть направлены на активизацию использования русского языка как в межгосударственной, так и личной коммуникации между населением евразийского коммуникативного пространства. На данном уровне существует возможность выработки у элит и обществ евразийского коммуникативного пространства привычки к взаимодействию и возможность определить преимущества совместного внешнеполитического, экономического и прочего сотрудничества. Лингвокоммуникативная стратегия предполагает, что русский язык может стать источником информации не только о странах – участницах евразийской интеграции, но и о других государствах. Подобно механизмам распространения корпоративной культуры, на внутреннем информационно-коммуникативном уровне воздействия представляется возможным эффективно вовлекать членов интеграционного процесса, то есть встраивать «в институциональный процесс обучения интеграционному поведению» [15, с. 539]. Более того, именно на уровне внутреннего воздействия возможно привить единый евразийский культурный сценарий, предложив новое культурное евразийское измерение – евразиезацию.

Технологический, или *коммуникационный, уровень воздействия* посредством использования информационно-коммуникационных технологий способен упрощать коммуникационные процессы за счет своей большей мобильности, компактности, быстрого действия, интерактивности, впечатляющего объема памяти, мощных графических средств [16]. Этот уровень воздействия обеспечивает доступность информации для участников коммуникации в рамках евразийско-

го культурно-коммуникативного пространства. Механизмы коммуникационно-го уровня способны содействовать формированию единого организационного ресурса, то есть появляется реальная возможность создания единой интеграционной сети, способствующей упрощению координации поведения компонентов единого механизма. Современные информационно-коммуникационные технологии предопределяют перспективы создания и использования качественно «новых» аудиовизуальных медиа, базирующихся в сети Интернет. Наиболее актуальным является вопрос информационной безопасности, который также можно решить на коммуникационном уровне воздействия.

Общие экономические и политические евразийские приоритеты в сочетании с общими культурными ценностями и учетом разнообразия национальных культур, на наш взгляд, могут предопределить эффективность евразийского культурно-коммуникативного интеграционного процесса. Евразийская интеграция должна включить поэтапное выстраивание единого культурно-коммуникативного и медиакультурного пространства. Необходимо сформировать общие механизмы евразийских отношений и ценностей. Единое коммуникативно-культурное пространство должно трансформировать парадигму конфликтности культур к парадигме дополненности культур и способствовать становлению общей евразийской ментальности. Интеллектуальная интеграция как часть процесса коммуникативно-культурной интеграции должна стать залогом духовного обогащения народов Евразии и личных творческих достижений. Открытый общественный диалог следует проводить при участии заинтересованных в интеграционном процессе сторон, с активным обменом идеями и мыслями о возможностях создания эффективного культурно-коммуникативного пространства, с целью активизации евразийского интеграционного процесса.

Библиографический список

1. *Малиновский А.С.* Культурная глобализация (глокализация): локальное и транснациональное // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. 1 (129). С. 176–178.
2. *Винокуров Е., Либман А.* Постсоветский интеграционный прорыв: Почему Таможенный союз имеет больше шансов, чем его предшественники // Россия в глобальной политике. М., 2012. Т. 10, № 2, март – апрель.
3. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2012. 3 окт. URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>
4. Современная мировая политика: прикладной анализ. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2010.
5. *Стриганкова Е.Ю.* Социально-духовный аспект коммуникативных практик современного социума // Известия Саратов. гос. ун-та. 2011. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Т. 11, вып. 3.
6. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.
7. *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
8. *Robertson R.* Globalization // Featherstone M.u.a. (Hg.), Global Modernities. London, 1995.
9. *Кокаревич М.Н.* Принципы уникальности и равноценности культур как условие межкультурной толерантности // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2010. Вып. 5 (95). С. 5–11.
10. *Библер В.* Культура: Диалог культур // На гранях логики культуры: книга избранных очерков. М., 1997.

11. *Окара А.* В окрестностях нового Константинополя // Свободная мысль: международный общественный журнал. 2012. № 1/2.
12. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / под ред. Д.В. Складнева. СПб., 2001.
13. *Лукьянчикова М.С.* О месте когнитивного компонента в структуре межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. М., 2000. Вып. 8, т. 1.
14. *Стриганкова Е.Ю.* Лингвокоммуникативные стратегии социального взаимодействия // Вестник ПАГС. 2010. № 2 (23). С. 225–231.
15. Современная мировая политика: прикладной анализ. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2010.
16. *Астафьева О.Н.* Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Человек, культура и общество в контексте глобализации: мат-лы Междунар. конф., 25–27 ноября 2005 г., Москва. М., 2006.

A.N. Yeletsky
Dynamics of the Russian
Economy's Dualism
as the Subject and the Object
of the Geo-Economic System

The contradictoriness of Russia's positions as the subject and the object of the global interactions is analyzed. The special attention is paid to the ways of increasing Russia's geo-economic and geopolitical significance in the world economic system. The importance of the Eurasian integration's consolidation and the necessity of strengthening the cooperation with the key emerging markets and BRICS countries are examined.

Key words and word-combinations: dualism of the Russian economy, multipolarity, global contradictions.

Анализируется противоречивость позиций России как субъекта и объекта глобальных взаимодействий. Особое внимание уделяется направлениям повышения геоэкономической и геополитической значимости России в мирохозяйственной системе. Рассматриваются важность укрепления евразийской интеграции и необходимость усиления сотрудничества с ключевыми развивающимися рынками и странами БРИКС.

Ключевые слова и словосочетания: дуализм российской экономики, многополярность, глобальные противоречия.

УДК 338(470+571)
ББК65.9(2Рос)

А.Н. Елецкий

ДИНАМИКА ДУАЛИЗМА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Россия занимает важное место в системе становления многополярного геоэкономического миропорядка и имеет определяющее геополитическое и геостратегическое значение в рамках укрепления полицентрической системы международных отношений. В то же время с точки зрения текущего веса в глобальной экономике российская экономика не занимает доминирующих позиций. Возник феномен противоречивого дуализма роли России в мирохозяйственной системе в качестве, с одной стороны, заметного (а в геополитическом аспекте – и ключевого) субъекта глобальных взаимодействий, а с другой – второстепенного объекта, экономичес-

кое управление которым во многом осуществляется извне, более мощными акторами глобального масштаба.

При этом по формальным критериям в общем контексте внешнеэкономических отношений положение России остается достаточно стабильным. Так, по итогам 2013 г. внешнеторговый оборот Российской Федерации составил 844,2 млрд долларов при наличии уверенно положительного сальдо торгового баланса 208,6 млрд долларов, возросшего в сравнении с величиной за 2012 г. на 1,1 млрд долларов. Объем экспорта в 2013 г. равнялся 526,4, а величина импорта составила 317,8 млрд долларов [1]. В целом по итогам 2013 г. Россия является восьмой экспортной державой (уступая КНР, США, Германии, Японии, Франции, Южной Корее и Голландии), в то время как в общем рейтинге экономик по величине внешнеторговых операций занимает 12-ю позицию.

На сегодняшний день угрозой экономической безопасности Российской Федерации в средне- и долгосрочной перспективе, определяющей ее статус не как субъекта, а всего лишь пассивного объекта геоэкономических отношений, представляется доминирование сырьевой экспортной ориентации. Так, по итогам 2013 г. продукция топливно-энергетического комплекса составила 74,5% от совокупного объема экспорта Российской Федерации. Одновременно на машинно-технический экспорт в 2013 г. пришлось лишь 3,6% [1]. В условиях обеспечения становления в качестве одного из ведущих мирохозяйственных лидеров XXI в. Россия нуждается в значительном переформатировании системы приоритетной экспортной направленности.

Во многом неблагоприятной для России остается товарная структура экспортно-импортных отношений с ЕС. Так, основной товарной группой экспорта Российской Федерации является минеральное топливо с долей 76,3%, в то время как ведущими товарными группами импорта являются машины, оборудование и транспортные средства (49,6%). Следует отметить, что Россия сохраняет статус одного из важнейших торговых партнеров Евросоюза (третьего – после КНР и США). Более того, для ряда стран – членов ЕС Россия является крупнейшим внешнеторговым партнером. К таковым относятся, например, Финляндия, Греция, Литва [2, с. 3].

В настоящий момент потенциально существуют значительные возможности усиления роли России как одного из глобальных субъектов внешнеэкономических связей развивающихся рынков. В первую очередь особый потенциал имеет интенсификация экономических взаимоотношений со странами АТР. Укрепление данного внешнеэкономического вектора тесно соотносится со стратегическими целями российского экономического развития, связанными с интенсивным освоением территорий Дальнего Востока. Вероятными точками роста в свете потенциального развития экспортных связей имеют и высокотехнологические аэрокосмические производства в регионе. Среди весомой продукции в данной области можно выделить истребители «Су», вертолеты Ка-52, самолеты для региональных рейсов SSJ-100.

Еще одной масштабной задачей в контексте диверсификации географичес-

ких направлений внешнеэкономической деятельности России и усиления ее активной роли в мирохозяйственной системе является комплексное расширение взаимодействия со странами БРИКС (табл. 1) [3–5].

Таблица 1

**Динамика внешней торговли России
с крупнейшими развивающимися странами, млрд долларов**

Страны	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
РФ – КНР	56,8	39	55,4	79,2	88,2	88,8
РФ – Индия	6,9	7,4	8,5	8,9	11	11
РФ – Бразилия	8	4,3	6,1	7,2	5,9	5,7

Обращает на себя внимание существенное отличие структуры российского экспорта в Индию от общей структуры экспорта России. Так, в 2013 г. более 50% экспорта приходилось на машиностроительную продукцию наукоемкого характера с высокой степенью добавленной стоимости (в 2013 г. машины и оборудование – 53,6%, оружие и боеприпасы – 9,7%) [4]. Что касается бразильско-российских внешнеторговых связей, то, достигнув посткризисного пика в 2011 г., они не только не превзошли докризисный уровень, но и неуклонно снижались в 2012 и 2013 гг.

Негативным фактором является усиление неэффективности структуры российского экспорта в Китай. Внешнеторговый оборот с КНР характеризуется значительной долей экспорта российского сырья (около 68% от совокупного экспорта РФ). Важно отметить, что последнее десятилетие стало переломным с точки зрения переформатирования товарных потоков между Российской Федерацией и КНР. Если в 2001 г. вес сырьевой продукции из России в Китай составлял 10,2%, то на начало 2014 г. ее доля возросла на 57,69% по сравнению с начальным периодом. Что касается машиностроительного импорта из Китая, то еще в 2001 г. его доля в общероссийском импорте из данного государства составляла 11%, однако возросла на 33,4% к концу 2012 г. (42,4%) и, несколько снизившись по итогам 2013 г., составила 37,9% [3].

Преодоление тенденций, характеризующих текущие аспекты развития российской экономики, экстраполяция которых свидетельствует о существенной сложности становления России в качестве глобального геоэкономического центра, во многом зависит от неоиндустриальных перспектив Российской Федерации. На 2013 г. вес обрабатывающей промышленности в формировании ВВП страны составил лишь 12,5%, в то время как в начале 2000-х годов составлял более 15%. При этом величина машиностроительной продукции в объеме отгрузки товаров обрабатывающей промышленности составляет по итогам 2013 г. 22%.

Особое значение в контексте отраслевой переориентации экономики, повышения глобальной конкурентоспособности российского народного хозяйства и обретения лидирующих позиций в системе международных экономических отношений имеет переориентация на инновационный путь развития, учитывая накопленный опыт модернизации развитых экономик, обладающих значитель-

ными сырьевыми запасами (Канада, Австралия, Норвегия, Нидерланды). В условиях участия России в таких структурах, как ВТО, наращивание инновационного и научно-технического потенциала также становится первостепенной задачей, раскрывая возможности полного применения мер так называемой «зеленой корзины». Устойчивое повышение наукоемкости производства и экспорта является важнейшим залогом обретения лидерства в процессах международной торговли. Тем не менее текущее положение России в глобальной научно-технологической сфере является недостаточно весомым. При относительной сопоставимости промышленных потенциалов стран БРИКС наметилась тенденция по отставанию России от остальных стран – участниц группы в производстве и экспорте наукоемкой продукции (по итогам 2012 г. доля высокотехнологичной продукции в экспорте РФ составила 5%). Несмотря на значительный образовательный и научно-технический потенциал, отставание России в сфере НИОКР очевидно по отношению не только к развитым, но и ключевым развивающимся странам. На сегодняшний день в затратах на НИОКР на душу населения Россия уступает развитым странам в 5 раз (100 долларов к 500 долларов на душу населения). По итогам 2012 г. расходы Российской Федерации на НИОКР составили 1,68% к ВВП (расходы нашей страны в 1990 г. составляли 5% к ВВП – лучший показатель в мире как на тот момент, так и на сегодняшний день в сравнении с лучшим показателем у Израиля в 4,2% к ВВП), а численность работников в образовательной и научно-исследовательской сферах в России сократилась по сравнению с 2000 г. на 18%, а в сравнении с 1990 г. уменьшилась в 2 раза [6]. В современных условиях лишь около 9% отечественных предприятий осуществляют инновационную деятельность, в то время как в Советском Союзе этот показатель достигал 50%. При этом доля принципиально новой инновационной продукции на данный момент составляет лишь 0,8% (в Польше – 4,5%, в ФРГ – 33%). Важно отметить, что для России остро стоит вопрос усиления собственной технологической независимости, организации полного цикла ряда производств наукоемкой продукции с целью многократного усиления всеобъемлющего экспортного потенциала инновационной сферы страны и восстановления подлинного научно-технического суверенитета, утерянного в конце XX в.

Переформатирование функциональной субъектной роли России в мировой экономике предполагает кардинальное усиление реализации ее исключительно геоэкономического и геополитического положения в логистических потоках. Особый потенциал в этом аспекте имеют Северный морской путь и Транссибирская магистраль, а перспективы связаны с тем, что Россия является кратчайшим путем, соединяющим традиционные развитые экономики Запада с бурно растущим Азиатско-Тихоокеанским регионом [7]. В связи с этим существуют перспективы тесного сотрудничества с КНР, предполагающей значительно усилить свои транспортные связи через территорию Российской Федерации, прежде всего через Северный морской путь, способный стать транзитным для 15% китайского товарооборота к 2020 г. [8, с. 25]. Кроме того, весьма актуальным является подключение потенциала Транссиба и КВЖД и перенаправление части грузов через российские железнодорожные линии к дальневосточным пор-

там с целью дальнейшей транспортировки по Северному морскому пути. В целом реализация транспортно-инфраструктурной модернизации России неизбежно сыграет колоссальную роль для становления Российской Федерации в качестве основного связующего звена и геостратегического моста между Европой и Азией на евразийском геоэкономическом пространстве.

Функциональная переориентация также имеет ключевое значение для признания России в качестве одного из мировых финансовых центров и рубля – в качестве одной из мировых валют. На сегодняшний день своеобразным флагманом переформатирования мировой экономики в направлении валютно-финансовой многополярности являются страны БРИКС. Так, в соответствии с соглашениями, принятыми в 2013 г., в 2014 г. должен быть создан совместный фонд размером в 100 млрд долларов со следующим распределением взносов: КНР – 41 млрд долларов, Россия, Бразилия и Индия – 18 млрд долларов, ЮАР – 5 млрд долларов. Данный фонд призван играть роль стабилизатора в условиях неопределенности тенденций мирового экономического развития.

Весьма актуальной в свете усиления финансовой самостоятельности России остается задача диверсификации использования мировых валют в качестве платежного средства. Как важный шаг в этом направлении можно рассматривать формирование Банка стран БРИКС, чей капитал составит 50 млрд долларов (вносимая сумма разделяется в равной пропорции между пятью странами) с разрешенным потолком до 100 млрд долларов. Российская Федерация настаивает на необходимости паритетного владения акциями в размере 20% со стороны каждой из пяти участниц. Ключевой особенностью данного банка является использование национальных валют стран БРИКС во взаимной торговле и предоставлении кредитов. Другим немаловажным аспектом в контексте данной стратегической задачи является уменьшение роли американского доллара в структуре золотовалютных резервов России. На конец марта 2014 г. Российская Федерация является пятой экономикой мира по величине золотовалютных резервов с объемом 493 млрд долларов, уступая Китаю, Японии, Саудовской Аравии и Швейцарии. При этом доля собственно золота в структуре золотовалютных резервов России равняется лишь 8,4% (в КНР приблизительно 70%, в ЕС – 50%). В результате продажи части бумаг их запасы в депозитарии Федеральной резервной системы сократились на 165 млрд с начала 2014 г., причем на 104,5 млрд с 5 по 12 марта в разгар крымского кризиса. Примечательно, что в результате угрозы экономических санкций и ряда провокаций со стороны США и некоторых западных партнеров Президентом РФ было принято решение о создании собственной платежной системы. Таким образом, валютно-финансовые аспекты в условиях современной глобальной экономики имеют первостепенную значимость с точки зрения экономической безопасности России и укрепления ее роли в качестве одного из лидирующих субъектов мирохозяйственной системы.

Ключевым основополагающим фактором выдвижения ряда экономик в качестве геоэкономических центров в системе глобальной экономики-политической многополярности является формирование, укрепление и расширение

ние региональных интеграционных блоков. Наиболее ярким примером интеграционных тенденций под эгидой Российской Федерации является Таможенный союз и сформированное на его базе единое экономическое пространство. На сегодняшний день Таможенный союз представляет собой серьезный интеграционный альянс, включающий 60,9% демографического потенциала и 90,7% площади СНГ, и занимает заметное место в мировой экономике (табл. 2) [8; 9].

Таблица 2

**Положение Таможенного союза
в мирохозяйственной системе на начало 2014 г.**

Показатель	Значение
Население, млн человек	170,3
Доля в населении мира, %	2,38
ВВП блока (ППС), млрд дол.	2952
Доля ВВП блока (ППС) в ВМП, %	3,4
Объем экспорта, млрд дол.	585,4
Доля экспорта в мировом экспорте, %	3,6

Исходя из указанных данных, Таможенный союз, а следовательно, организуемый Евразийский экономический союз должен планомерно повышать свой экономический вес и долю в мировой торговле, что приблизит данный альянс к показателям ведущих геоэкономических лидеров и усилит роль России как ядра интеграционного пространства.

В условиях нарастания конкурентных тенденций в мировом геоэкономическом и геополитическом пространстве, сохранения острых и неразрешенных противоречий в мировой экономической системе, обострения борьбы ведущих мирохозяйственных центров-ядер региональной экономической интеграции за расширение, контроль и динамичное развитие собственных геоэкономических альянсов, а также с учетом усиливающихся противоречий мировых держав в системе экономико-политических взаимодействий возникают определенные риски для России как важнейшего участника ключевых международных процессов. Прежде всего в геополитическом контексте существуют угрозы, связанные с глобальным интервенционизмом ряда крупнейших держав, главным образом двух ведущих центров глобального влияния: США и КНР.

В контексте усиления роли России как глобального геоэкономического и геополитического центра в рамках многополярного миропорядка и неопределенности траекторий глобальной эволюции положительным моментом является последовательное наращивание экспорта вооружений и военной техники, а также расширение географического спектра и углубление военно-технического сотрудничества с зарубежными государствами. На сегодняшний день Россия уверенно занимает вторую строчку в данной категории экспорта и контролирует более пятой части мирового рынка вооружений (табл. 3) [10].

Таблица 3

**Рейтинг ведущих экономик – экспортеров вооружений
и военной техники по итогам 2013 г. и за период 2010–2013 гг.**

Страна	Объем экспорта в 2013 г., млрд. дол.	Доля в мировом экспорте ВиВТ в 2013 г., %	Объем экспорта в 2010–2013 гг., млрд. дол.	Доля в мировом экспорте ВиВТ в 2010–2013 гг., %
США	23,6	35,7	92,9	38,2
Россия	13,4	20,3	42,2	17,3
Франция	6,9	10,5	18,8	7,7
Великобритания	3,4	5,1	11,2	4,6
Германия	2,8	4,3	13,7	5,6

В условиях нарастания противодействия тенденциям экономической и политической многополярности со стороны государств англосаксонского блока и их сателлитов весьма значимым является наращивание взаимодействия в военно-политической и торгово-экономической сфере как с крупнейшими растущими экономиками – партнерами нашей страны по группе БРИКС, так и с иными ведущими геоэкономическими силами среди развивающихся стран, такими, как Аргентина, Индонезия, Малайзия, Венесуэла, Алжир и т.д. Отдельным импульсом к углублению экономических взаимодействий могло бы стать формирование принципиально нового трансконтинентального военно-политического альянса, альтернативного НАТО, способного стимулировать экспортную деятельность по важнейшим направлениям российского высокотехнологичного экспорта: военной технике, аэрокосмической отрасли, информационным технологиям, атомной энергетике.

Таким образом, текущая глобальная мирохозяйственная конфигурация характеризуется нарастающим противостоянием восходящих геоэкономических субъектов, представляющих преимущественно развивающиеся экономики и отстаивающих установление многополярной экономико-политической конфигурации, и традиционных центров развитого капиталистического Запада (главным образом англосаксонских стран), стремящихся к консервированию своего доминантного положения в мировой экономике и в целом в международных отношениях. В подобных условиях весьма важным представляется усиление субъектного позиционирования России в системе геоэкономических взаимодействий, преодоление элементов зависимой объектности в рамках мирохозяйственных связей и ее становление в качестве одного из ключевых и незаменимых центров новой глобальной архитектуры экономической и геополитической системы XXI в.

Библиографический список

1. Экспорт-импорт важнейших товаров за январь–декабрь 2013 года // Сайт Федеральной таможенной службы. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=18884&Itemid=1981

2. Гурдин К. Торговый котел Европы // Аргументы недели. 2014. № 8.
3. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/
4. Обзор торгово-экономических отношений Индии и России. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/in/in_ru_relations/in_ru_trade/
5. Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Бразилией. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/br/br_ru_relations/br_ru_trade/
6. Соколов А. Имитация инноваций: Россия отстает даже от развивающихся стран. URL: <http://top.rbc.ru/economics/17/10/2013/882656.shtml>
7. Тарасов А. Мы пойдем Севморпутем? // Эксперт Сибирь. 2014. № 11. С. 24–26.
8. Официальный сайт Евразийской экономической статистики. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx>
9. World Factbook. CIA. Country Comparisons: Exports. 2013. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2078rank.html>
10. Предварительные итоги мирового экспорта вооружений в 2013 году и за период 2010–2013 гг. URL: http://vpk.name/news/102678_predvaritelnyie_itogi_mirovogo_eksporta_vooruzhenii_v_2013_godu_i_za_period_20102013_gg.html

L.V. Saenko
Peculiarities of Family Interests
Protection (Family Relationships)
by Means of Criminal Law:
the Experience of the CIS
Member States

A comparative legal analysis of the criminal legislation of the CIS member states is drawn. Elements of originality and similarity of crimes against family (family relationships) are identified. Proposals on improvement of the general part of the CIS criminal law model are formulated.

Key words and word-combinations: family, family relationships, criminal code.

Проводится сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства стран-участниц СНГ. Выявляются элементы оригинальности и аналогичности составов преступлений против семьи (семейных отношений). Сформулированы предложения по совершенствованию общей части модельного уголовного закона СНГ.

Ключевые слова и словосочетания: семья, семейные отношения, уголовный кодекс.

УДК 343.6(4/9)
ББК 67.408.11(4/8)

Л.В. Саенко

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ (СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ) УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ: ОПЫТ СТРАН – УЧАСТНИЦ СНГ

Международным сообществом четко определены главные ориентиры признания семьи «естественной и основной ячейкой общества, которая имеет право на защиту со стороны общества и государства» [1]. Охрана интересов семьи, непреходящих семейных ценностей констатируется не только в основных международно-правовых актах. Статья 38 Конституции РФ [2] провозглашает, что материнство и детство, семья на-

ходятся под защитой государства. Это положение проистекает из общепризнанных норм международного права, которые являются составной частью правовой системы России. Отметим, что из существующих в данный момент средств всемирной охраны и защиты интересов семьи и детей самым, пожалуй, действенным является установление уголовной ответственности за посягательства на общественные отношения, обеспечивающие позитивное развитие жизнедеятельности и функционирования семьи, семейных отношений.

Перечень уголовно наказуемых деяний в семейной сфере достаточно широк, ввиду того что наличие у наказания особых специфических признаков позволяет выделить именно уголовное наказание в особый класс мер государственного принуждения. Более радикального правового средства, чем наказание, у государства нет [3, с. 47]. Такое положение присуще не только российскому законодательству. Но семья, семейные отношения не могут находиться в вакууме, существовать обособленно от общественного и государственного развития. Поэтому так важно проследить связь между этими институтами, выявить точки их соприкосновения, взаимовлияния, например, в правовом поле такого межгосударственного образования, как Содружество Независимых Государств, другими словами, на постсоветском пространстве. Содружество Независимых Государств – общее пространство не только в географическом понимании. На нем испокон веков существовало великое множество различных культур, этносов, религий (конфессий), а также укладов семейной жизни. На протяжении многих столетий все эти особенности тесно влияли друг на друга, взаимодействовали между собой, и это взаимодействие составляло ядро нашей общей истории. Выбранные нами для проведения сравнительно-правового анализа нормы уголовного права, направленные на охрану и защиту семьи, в системах законодательства стран – участниц СНГ имеют идентичный характер, но они далеко не одинаковы. В связи с этим основной целью данной работы ставится следующая: выявление особенностей охранительных норм уголовного законодательства стран – участниц СНГ и формулировка предложений по совершенствованию норм уголовного закона России, в частности главы Уголовного кодекса РФ [4], содержащей соответствующие составы преступлений (против семьи и несовершеннолетних).

В своем историческом развитии институт уголовно-правовой охраны семьи и семейных отношений в России, да и на всем постсоветском пространстве, прошел достаточно длительный путь. Учитывая особую значимость института семьи, в современном УК РФ законодатель предусмотрел главу 20, аккумулирующую в себе целый ряд общественно опасных деяний, ранее представленных в разных главах УК РСФСР 1960 г. Анализ истории отечественного законодательства в области уголовно-правовой охраны семьи показывает, что и номинально и фактически семья как таковая никогда не существовала в виде объекта уголовно-правовой охраны, а воспринималась отечественным законодателем через семейные права конкретных личностей. Сегодня такая ситуация отчасти сохраняется, а именно: фактически непосредственной охране подлежат конкретные семейные права граждан, однако номинально семья включена в видовые объекты преступлений в России [5, с. 9]. Нужно ли мириться с таким положением? Вопрос, скорее всего, риторический.

Современное понятие «семья» по объективным причинам четче всего разъясняется через призму семейного права, в котором оно является базисным, но и здесь оно остается дискуссионным. Многие исследователи, в том числе и автор данной работы, настаивают на том, что следует все же включить в текст СК РФ данную дефиницию [6]. Интересным представляется факт обозначения исследуемых категорий в семейном законодательстве стран – участниц СНГ. Так, например, мы уже писали о том, что многие кодифицированные семейно-правовые акты государств на постсоветском пространстве имеют подобные нормы-дефиниции [7].

Все составы преступлений, направленные против семьи (семейных отношений), условно можно разделить на две большие группы: 1) внутрисемейные конфликты и вырастающие на их почве преступления, с особыми субъектами – членами семьи и 2) направленные вовне, совершенные субъектами, не относящимися к членам семьи потерпевшей стороны, например подмена ребенка, незаконное усыновление (удочерение), разглашение тайны усыновления (удочерения). Отдельно можно рассматривать составы преступлений против несовершеннолетних. В основе проведенной нами классификации преступлений этой категории – внутри (в семье), вовне (против самой семьи) – лежит, конечно же, мотив. Самыми распространенными мотивами данного вида преступлений являются: корысть, хулиганские побуждения, месть, ревность, зависть и тому подобные иные мотивы. Во внутрисемейных преступлениях мотивы можно распределять от крупных до самых мелких (обида, месть, ревность, ссора, личная неприязнь). С целью изучения существующих причин и соответственно условий семейных преступлений, разработки соответствующих профилактических мероприятий требуется познать саму семью, исследовать отношения, в ней складывающиеся, выявить имеющиеся в семье противоречия, назревающие конфликты. Это и послужит ключом к пониманию сути мотивов. Не ошибемся, если констатируем, что преступления совершаются в основном в семьях с низким нравственным уровнем, а семейная мораль напрямую связана с уровнем образования и культуры, как общей, так и специальной, например правовой культуры. На это нами уже обращалось внимание [8].

Интересным, однако, будет описать и общую картину наступления ответственности за преступления против семьи (семейных отношений) в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства. Так, в уголовном законодательстве Российской Федерации по особенностям объекта все преступления, составляющие предмет данной работы и включенные в главу 20 УК РФ, можно разделить на две группы: преступления против несовершеннолетних и преступления против семьи. К числу первых относятся вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), а также антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ); розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ). Вторую группу образуют следующие преступления против семьи: подмена ребенка (ст. 153 УК РФ); незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ); разглашение тайны усыновления (удо-

черения) (ст. 155 УК РФ); злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ).

На основании проведенного анализа представляется целесообразным, учитывая особенности объекта и способы правового регулирования, разделить указанные группы и, соответственно, включить новые главы в УК РФ (отдельно преступления против семьи и семейных отношений, отдельно преступления против несовершеннолетних). Аналогичная точка зрения уже высказывалась в юридической литературе [9, с. 122]. Заслуживает внимания и точка зрения, высказанная Е.Е. Пухтий. Как она считает, само расположение рассматриваемой главы на последнем месте в разделе не в полной мере отражает общественную опасность входящих в нее деяний: как правило, главы в УК РФ расположены исходя из степени важности соответствующих родовых объектов, в порядке убывания их вредоносности. Общественная же опасность преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина значительно меньше, чем преступлений против семьи и несовершеннолетних, о чем свидетельствуют и санкции статей. Отсюда делается вывод, что и важность ценностей, охраняемых главой 20, выше, поэтому Е.Е. Пухтий предполагает, что наименование главы «Преступления против семьи и несовершеннолетних» возможно изменить с учетом более удачного применения законодательной техники, а именно озаглавить главу: «Преступления против несовершеннолетних и семейных отношений» [10, с. 7]. Отметим в этой связи, что мы уже обращали внимание на наименование исследуемой главы в Модельном УК СНГ. Бесспорно, в такой позиции есть логика, словосочетание «преступления против семейных отношений» более точно определяет объект одной из двух групп деяний, входящих в главу 20.

Для проведения намеченного исследования на более качественном уровне следует, на наш взгляд, обратиться и к модельному законодательству СНГ. Хотя Модельный уголовный кодекс [11] принимался в качестве рекомендательного законодательного акта Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, многие независимые ныне республики бывшего СССР использовали его при разработке национального законодательства. Прежде всего представляет интерес характеристика принципов, на которых основывается, строится система уголовного законодательства и соответственно реализуются нормы уголовного права в правоприменительной практике. Однако обратим внимание на тот факт, что ни Модельный УК, ни один из кодексов стран СНГ, включая и УК РФ, в общих положениях, перечисляющих основные задачи уголовного законодательства, не содержит такой задачи, как всемерная охрана и защита семьи, несовершеннолетних. В связи с этим представляется необходимым внести соответствующие дополнения в уголовное законодательство, изложив общую норму «Задачи уголовного законодательства» в новой редакции.

Так, п. 1 ст. 2 главы 1 «Задачи и принципы уголовного законодательства» Модельного УК СНГ предлагаем изложить в следующей редакции: «Задачами Уголовного кодекса являются охрана мира и безопасности человечества, прав и свобод человека и гражданина, *интересов семьи* [авторское выделение], прав юридических лиц, собственности, природной среды, общественного порядка и

безопасности, конституционного строя от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений». Кроме того, следует внести соответствующие дополнения в ст. 2 УК РФ.

Для осуществления перечисленных задач уголовное законодательство устанавливает не только основание, но и принципы уголовной ответственности. В ст. 4 Модельного УК СНГ в качестве таковых названы следующие: Уголовный кодекс основывается на принципах законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости, гуманизма. В связи с этим стоит заметить, что практически все независимые государства СНГ, кроме России, использовали рекомендательную норму Модельного УК СНГ о принципах в полном объеме, перечислив их в собственных уголовных законах. Такой подход российского законодателя в данной сфере считаем необоснованным и предлагаем включить недостающие в формулировке ст. 4–7 УК РФ основные начала уголовно-правового регулирования в текст уголовного закона России, соответственно поименовав ст. 5 УК РФ «Принцип личной виновной ответственности», а также дополнив данный ряд статей обозначением принципа «неотвратимости ответственности».

Каждый принцип следует подвергнуть толкованию, как это сделано в Модельном УК СНГ или, например, в УК Казахстана [12], ст. 3 УК Таджикистана [13], ст. 3 УК Туркменистана [14], а также УК Армении [15], в ст. 4 которого указано, что УК Республики Армения основывается на принципах законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, личной ответственности, виновной ответственности, справедливости, индивидуализации ответственности и гуманизма.

Анализируя нормы Модельного УК СНГ, можно прийти к выводу о том, что при его создании учтены различные аспекты семейно-правового регулирования, в частности неразрывность интересов семьи и несовершеннолетних детей. Например, глава 22 имеет наименование «Преступления против семьи и интересов несовершеннолетних», что, на наш взгляд, как уже отмечалось, более полно выражает объектный состав преступлений, составы которых перечислены в данной главе.

Аналогичная картина предстает перед нами при изучении уголовного законодательства стран СНГ. Например, раздел VII Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [16] называется «Преступления против мира и безопасности человечности». В главе 16 этого кодекса законодатель разместил такие составы преступлений, как принудительная беременность (ст. 108-1); в главе 18 «Преступления против жизни и здоровья» – незаконное искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона, медицинская стерилизация (ст. 136) и незаконное производство аборта (ст. 141). В главе 21 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» содержится интересный состав следующего содержания: нарушение трудовых прав беременной женщины или женщины, имеющей детей, мужчины, самостоятельно воспитывающего ребенка в возрасте до трех лет (ст. 164). Наконец, интересующая нас больше всего глава 22 «Преступления против несовершеннолетних и семейных отношений» содержит такой состав, как принуждение женщины к вступлению в брак (ст. 176-1).

Уголовный кодекс Республики Армения содержит аналогичные нормы. Так, глава 20 УК Армении именуется «Преступления против семьи и интересов ребенка» и, кроме прочих, содержит следующие составы: сообщение ложных сведений органам записи актов гражданского состояния (ст. 169-1); неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни ребенка или охраны его здоровья (ст. 171); злоупотребление правами опекуна или попечителя (ст. 172).

Представляет интерес содержательная часть главы 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» Уголовного кодекса Кыргызской Республики [17], которая наряду со всеми указанными составами содержит нормы: об уголовном наказании за двоеженство и многоженство (ст. 153); принуждение к вступлению в фактические брачные отношения с лицом, не достигшим семнадцатилетнего возраста (ст. 154); принуждение женщины к вступлению в брак, похищение женщины для вступления в брак или воспрепятствование вступлению в брак (ст. 155).

Законодатель Таджикистана включил в главу 20 УК «Преступления против семьи и несовершеннолетних» статью следующего содержания: выдача замуж девочки, не достигшей брачного возраста (ст. 168); а также статьи: заключение брака в отношении лица, не достигшего брачного возраста (ст. 169); двоеженство или многоженство (ст. 170); злоупотребление правами опекуна или попечителя (ст. 176).

Глава V УК Узбекистана [18], поименованная как «Преступления против семьи, молодежи и нравственности», среди прочих, аналогичных указанным, содержит такие составы, как подмен ребенка (ст. 124), обратим внимание на термин «подмен», как указано в Модельном УК СНГ; нарушение законодательства о брачном возрасте (ст. 125-1); многоженство (ст. 126); изготовление, ввоз, распространение, рекламирование, демонстрация продукции, пропагандирующей культ насилия или жестокости (ст. 130-1); содержание притонов или сводничество (ст. 131).

Уголовный кодекс Беларуси [19] содержит главу 21, которая называется «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних». В данной главе есть такие составы, как уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (ст. 174); разглашение врачебной тайны (ст. 178); незаконные соби́рание либо распространение информации о частной жизни, составляющей личную или семейную тайну (ст. 179).

Отметим особо, что в УК Украины [20] отдельной главы, содержащей составы преступлений против семьи (семейных отношений), нет. Все они «разбросаны» по иным главам. Например, раздел II «Преступления против жизни и здоровья личности» содержит нормы о ненадлежащем исполнении обязанностей по охране жизни и здоровья детей (ст. 137). В разделе III «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» указано несколько интересующих нас составов: подмена ребенка (ст. 148); эксплуатация детей (ст. 150); использование малолетнего ребенка для занятия попрошайничеством (ст. 150-1).

В разделе IV «Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности» есть статья «Развращение несовершеннолетних» (ст. 156). В раздел V «Преступления против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина» включены нормы об уклонении от уплаты алиментов на содержание детей (ст. 164) и об уклонении от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей (ст. 165).

По тому же пути пошел и законодатель Молдовы. Так, в УК Молдовы [21] есть глава VI, имеющая наименование «Правонарушения, посягающие на политические, трудовые и другие конституционные права физического лица», в которой и указаны некоторые составы преступлений против семьи (семейных отношений) и несовершеннолетних. Например, здесь перечислены такие составы, как допуск несовершеннолетнего на рабочие места, представляющие опасность для его жизни и здоровья, или привлечение несовершеннолетнего к работам, представляющим опасность для его жизни и здоровья (ст. 58); утаивание обстоятельств, препятствующих заключению брака (ст. 62); невыполнение обязанности содержания, воспитания и обучения ребенка (ст. 63); воспрепятствование осуществлению права общения с ребенком и его воспитанию (ст. 64); несообщение о наличии опасности для жизни или здоровья ребенка (ст. 65); нарушение правил усыновления (удочерения), установления опеки (попечительства) над детьми, оставшимися без родительского попечения (ст. 66).

Как видно из проведенного сравнительно-правового анализа нормативных актов, составы преступлений, обозначенные в уголовных кодексах стран – участниц СНГ, имеют идентичный характер, хотя есть среди них и особые, не повторяющиеся в других кодексах. Но все они не копируют модельный акт, хотя практически все рекомендательные нормы Модельного УК СНГ учтены в анализируемых уголовных законах стран постсоветского пространства.

Обратим внимание еще раз на следующую проблему: смешение родового и видового объектов (например, и против семьи, и половой неприкосновенности, и другие составы), что наблюдается как в Модельном УК СНГ, так и в некоторых уголовных кодексах стран СНГ. Представляется более правильным разделить данные составы, выделив преступления против несовершеннолетних в отдельную главу УК РФ. Этот прием, с нашей точки зрения, даст возможность правоприменителю безошибочно определять социальную направленность соответствующей группы норм и проводить разграничение преступлений, что в конечном счете отразится на качестве квалификации преступлений и повысит гарантии законности в сфере охраны и защиты семьи и семейных отношений.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г.) // Рос. газ. 1998. 10 дек.
2. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.): с поправками от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ и от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ. М., 2014.
3. Сакаев А.И. Совершенствование системы уголовных наказаний в России (доктринальный взгляд) // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 47–52.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (по сост. на 5 мая 2014) // СЗ РФ 1996. № 25. Ст. 2954; Рос. газ. 2014 г. № 101.
5. Ермолаев А.В. Уголовная ответственность за преступления против семьи: проблемы законодательной регламентации и правоприменения, и пути их разрешения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
6. Саенко Л.В. О роли семьи в повышении уровня правовой культуры: вопросы правового просвещения // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 21–28.
7. Саенко Л.В. Особенности регулирования семейных отношений в Украине, Белоруссии и России: сравнительно-правовой анализ // Бизнес. Образование. Право: вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 241–244.
8. Саенко Л.В. О влиянии правовой культуры на регулирование семейных отношений // Правовая культура. 2013. № 2 (15). С. 132–138.
9. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. 3-е изд., с изм. и доп. / под ред. А.И. Рарога. М., 2009.
10. Пухтий Е.Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
11. О Модельном уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февр. 1996 г. № 7–5, г. Санкт-Петербург // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств: информационный бюллетень. 1996. № 10.
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167-І (по сост. на 7 марта 2014 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997. № 15/16. Ст. 211.
13. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. (по сост. на 14 марта 2014 г.) // Ахбори Маджлисиоли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68–70.
14. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-І (по сост. на 1 марта 2014 г.) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1997. № 2. Ст. 9.
15. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апр. 2003 г. №ЗР-528 (по сост. на 30 дек. 2008 г.) // Официальные ведомости (вестник) Республики Армения. 2003. № 25 (260). Ст. 407.
16. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 дек. 1999 г. (по сост. на 14 марта 2014 г.) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 4. Ст. 251.
17. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 окт. 1997 г. № 68 (по сост. на 18 февр. 2014 г.) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1998. № 7. Ст. 229.
18. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2012-ХІІ (по сост. на 20 янв. 2014 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1. Ст. 3.
19. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (по сост. на 12 июля 2013 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. 15 окт. № 76, 2/50.
20. Уголовный кодекс Украины от 5 апр. 2001 г. № 2341-ІІІ (по сост. на 15 апр. 2014 г.) // Официальный вестник Украины. 2001. № 21. Ст. 920 (код акта 18825/2001).
21. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. № 985-ХV (по сост. на 4 апр. 2014 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. № 128–129. Ст. 1012.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

E.V. Kosenko
Modern Problems
of Replevin Application

Problems of application of civil law norms and civil law theory for the protection of property rights by means of replevin are considered. The legal practice on the subject is researched. The author takes the position that the courts need to change the practice for certain conditions of imposing replevin.

Key words and word-combinations: property, protection, replevin, the subject of the claim, good conscience.

Рассматриваются проблемы применения норм гражданского законодательства и теории гражданского права по защите права собственности посредством виндикационного иска. Исследуется правоприменительная практика по теме. Представлена авторская позиция о необходимости изменения практики судов по отдельным условиям предъявления виндикационного иска.

Ключевые слова и словосочетания: собственность, защита, виндикационный иск, предмет спора, добросовестность.

УДК 347.2/.3
ББК 67.404.1

Е.В. Косенко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВИНДИКАЦИОННОГО ИСКА

Защита права собственности посредством виндикации остается одним из наиболее распространенных способов отстаивания права. Но применение норм о виндикации не всегда отвечает принципу единообразия судебной практики.

В теории гражданского права определены условия, которые необходимы и достаточны для предъявления иска: истец является собственником (титulyным владельцем) вещи; вещь выбыла из владения собственника помимо его воли; имущество сохранилось в натуре и находится в фактическом владении другого лица; виндцировать можно только индивидуально определенное имущество.

Согласно первому условию истец должен доказать право собственности на вещь (иное титульное владение, если истец не собственник, а владелец). На практике это не всегда возможно в силу различных обстоятельств. По одному из дел, рассмотренным Советским районным судом г. Омска 25 февраля 2014 г. истица требовала признать за ней право собственности на $1/2$ гаражного бокса

и истребовать имущество из чужого незаконного владения [1]. Суд первой инстанции не усмотрел оснований для удовлетворения требований истицы, указав на отсутствие доказательств, подтверждающих, что умерший супруг истицы являлся собственником спорного гаражного бокса и уплатил паевой взнос. В доказательство истица представила квитанцию об уплате некой суммы на счет гаражного кооператива. Но из содержания квитанции не следовал факт приобретения гаражного бокса наследодателем, не указаны номер бокса, дата внесения денежных средств. Более того, и признание исковых требований ответчиком С.Л. в части $1/2$ доли не послужило основанием для отмены решения суда, поскольку в соответствии с положениями ст. 39 ГПК РФ суд не принимает признание иска ответчиком, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Применительно к последнему условию следует указать, что предметом иска может быть и вещь, определяемая родовыми признаками, но обладающая признаками индивидуализации (например зерно, помещенное в мешки с пометкой, бревна определенной породы дерева с нанесенной маркировкой и т.п.). Е.А. Суханов, ведя речь о классификации вещей, отмечает, что именно признак индивидуальной определенности позволяет применять виндикационный иск [2].

В связи с этим считаем неверным выбранный способ защиты по делу от 18 марта 2014 г. № 33-7343/2014, рассмотренному Мартыновским районным судом Ростовской области [3]. Гражданин в обосновании иска указал, что является собственником земельного участка, второй собственник на протяжении нескольких лет сдавал в аренду земельный участок, принадлежащий им на праве долевой собственности. В качестве оплаты собственник получил 8 т пшеницы фуражной, 200 кг муки, 152 л масла подсолнечного. Соответственно истец просит истребовать имущество из чужого незаконного владения. По нашему мнению, совершенно очевидно, что в данной конкретной ситуации собственнику надлежало предъявить иск о неосновательном обогащении. Второй собственник, не имея на то законных и договорных оснований, присвоил себе имущество, которое по смыслу норм гражданского законодательства должно было принадлежать собственникам в пропорциональных долях. Сама сложившаяся ситуация исключает виндикационный иск ввиду отсутствия индивидуально определенного предмета виндикации. Ни пшеница, ни мука, ни масло не выделены из общей массы аналогичного имущества. Следовательно, не известен предмет спора.

Однако судебные инстанции (в том числе апелляционная) не обратили внимания на этот факт. Дело рассмотрено, иск удовлетворен в полном объеме. Такая практика, на наш взгляд, порочна и противоречит не только общей теории гражданского права, но и самому смыслу гражданского законодательства. В связи с этим мы придерживаемся мнения о разграничении исков виндикационного и о неосновательном обогащении именно по предмету иска. Так, виндикационный следует предъявлять при истребовании индивидуально определенной вещи, а иск о неосновательном обогащении – по истребованию вещи, определяемой родовыми признаками.

Спорным также является вопрос о возможности применения виндикации при хищении имущества путем совершения гражданско-правовой сделки. Так, В.Н. Уруков полагает, что нормы п. 1 ст. 302 ГК РФ не дают основания в категорической форме утверждать виндикацию как внедоговорное требование. Обоснованием служит утверждение о том, что, как следует из предписаний данной нормы, главным условием применения виндикации является выбытие имущества из владения *помимо воли* собственника или иного титульного владельца. Следовательно, виндикация вполне применима к случаям, если имущество выбывает в результате совершения ничтожных сделок, так как ничтожная сделка не порождает какие-либо правовые последствия, она ничтожна с момента ее совершения и не требуется признания таковой судом. Если же имущество выбыло из владения помимо воли собственника в результате совершения оспоримой сделки, в этом случае виндикация невозможна и имущество может быть возвращено в результате применения последствий недействительности сделки [4].

Между тем в п. 34 постановления Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 указано, что спор о возврате имущества, вытекающий из договорных отношений, подлежит разрешению в соответствии с законодательством, регулирующим данные отношения [5]. Полагаем, этот вывод вполне согласуется с теоретическими наработками по вопросу применения виндикационного иска. Исключая конкуренцию исков, следует исходить из того, что для договорных отношений, существующих между сторонами, достаточным будет применение норм, регулирующих соответствующий договор, и общих положений о сделках, в соответствии с которыми есть основания для признания сделки ничтожной, а следовательно, и не порождающей каких-либо юридических последствий. Эти нормы будут способны привести стороны в надлежащее положение, тогда как виндикационный иск, по нашему мнению, надлежит предъявлять лишь в случае, если вещь выбыла из владения собственника по иным основаниям, а не в результате гражданско-правовой сделки.

Высшие судебные инстанции не всегда последовательно следуют своей позиции. Так, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 мая 2012 г. № 17802/11 представлены выводы суда о возможности применения норм о виндикации в случае установления факта хищения имущества одним из акционеров юридического лица [6]. Последний совершил сделку по отчуждению спорного имущества, в связи с чем собственник и истребовал его из чужого незаконного владения. Позволим себе не согласиться с представленной позицией. Как уже отмечалось ранее, в подобных спорах нет необходимости применять нормы о виндикации, поскольку сами договорные отношения по последующей сделке носят порочный характер и охранительных норм, регулирующих соответствующий договор, достаточно для восстановления прав собственника.

Таким образом, приходим к выводу о необходимости разграничения соответствующих исков по признакам, присущим тем или иным правоотношениям. Это позволит исключить конкуренцию исков, которая, по нашему мнению,

нивелирует правовые нормы, неоправданно расширяя возможности одних по сравнению с другими. В любом случае, идет ли речь о сделке оспоримой или ничтожной, следует применять нормы, регулирующие соответствующие договорные отношения. Мы солидарны с мнением Ю.К. Толстого, который по этому вопросу указывает, что судебная практика неоправданно позволяет смешение элементарных понятий, допуская свободную замену договорного требования виндикационным иском, переход от виндикационного притязания к иску о признании сделки недействительной. Данный подход, указывает Ю.К. Толстой, носит ненаучный характер и ни к чему, кроме негативных последствий, в конечном счете привести не может [7, с. 445].

Еще одним проблемным вопросом виндикационного иска остается определение добросовестности приобретателя имущества. Рассуждая о виндикационном иске, Е.А. Суханов отмечает: «...добросовестность приобретателя связывается законом с незнанием им факта, имеющего юридическое значение, знание которого сделало бы его приобретение неправомерным. Данное заблуждение приобретателя (незнание) является, с точки зрения закона, извинительным, так как он не мог его избежать, а его поведение – добросовестным и правомерным. Если бы приобретатель не заблуждался, то есть знал о том, что продавец вещи не имеет правомочий на ее отчуждение, то его поведение было бы признано недобросовестным и потому неправомерным» [2].

По одному из дел, рассмотренных в текущем году, покупатель был признан недобросовестным приобретателем по двум основаниям:

- 1) покупатель не выяснял при приобретении спорного автомобиля соблюдение продавцом (ООО «РИТАМ») установленного порядка приобретения имущества у ООО «ПФ ОКТАН», а также условия передачи имущества;
- 2) покупатель приобрел имущество по цене ниже рыночной [8].

Обратим внимание на обстоятельства дела. ООО «ПФ Октан» в лице конкурсного управляющего Л. обратилось в суд с иском к гражданину Д. об истребовании из чужого незаконного владения имущества, указав, что решением арбитражного суда Омской области от 8 августа 2012 г. по делу «Октан» признано несостоятельным (банкротом). При проведении анализа финансово-хозяйственной деятельности и сделок банкрота конкурсным управляющим установлено, что совершена сделка по отчуждению транспортного средства. Определением Арбитражного суда Омской области договор купли-продажи транспортного средства, заключенный между ООО «ПФ Октан» и ООО «РИТАМ», признан недействительным. Применены последствия признания сделки недействительной. Однако ООО «РИТАМ» произвело отчуждение спорного транспортного средства гражданину Д. посредством заключения с последним договора купли-продажи.

Гражданин Д., приобретая автомобиль, не знал и не мог знать о существующем споре между юридическими лицами. Однако суд посчитал, что он должен был усомниться в праве продавца на отчуждение автомобиля, ведь к моменту продажи юридическое лицо владело им незначительное время и цена автомобиля была ниже рыночной. Кроме того, гражданин Д. не представил суду

доказательств тому, что выяснял при приобретении спорного автомобиля соблюдение продавцом (ООО «РИТАМ») установленного порядка приобретения имущества у ООО «ПФ ОКТАН», а также условия передачи имущества.

Позволим себе не согласиться с такой постановкой вопроса по следующим основаниям. Совершенно очевидно, что физическое лицо не имеет объективной возможности знать о наличии процедуры банкротства в отношении предыдущих собственников. Более того, о процедуре банкротства заинтересованные лица (например, управляющий) не сообщают в органы ГИБДД, что позволило бы покупателю владеть информацией, ведь в момент постановки транспортного средства на учет сотрудники ГИБДД проверяют автомобиль на предмет нахождения его в угоне или незаконном владении.

Сам факт короткого по времени владения транспортным средством последним собственником не может, полагаем, служить основанием для вывода о подозрительности такого отчуждения. Что же касается цены вещи, то, как известно, собственник самостоятельно определяет ее, а кроме того, он может сослаться на срочную необходимость в получении денежной суммы как причину в снижении рыночной цены и т.п. Стоит ли покупателю полагать, что при любом снижении цены сделка является подозрительной?

В юридической литературе поднимался вопрос об определении момента приобретения права собственности добросовестным приобретателем. Согласимся с мнением К.И. Скловского, который полагает, что момент приобретения права собственности может быть связан у такого приобретателя только с возможностью признания права на основании давности владения [9, с. 251–253]. Действительно, иные способы приобретения права собственности здесь не могут быть использованы. Но какое здесь имеет значение срок исковой давности, предусмотренный для надлежащего собственника? Предположим, собственник осведомлен о нахождении вещи у определенного лица, которое владеет ею на протяжении, например, шести месяцев, но не предпринимает действий по ее виндикации. Прошел срок исковой давности, и де-юре надлежащий собственник утратил право на удовлетворение иска, однако право собственности не возникло и у владельца. Право собственности последнего возникнет лишь по истечении давностного срока с соблюдением установленных законом правил (ч. 4 ст. 234 ГК РФ).

Следовательно, не имеет значения в данном случае факт отказа в удовлетворении иска о виндикации [10, с. 549] (бывший собственник, скажем, не смог доказать одно из необходимых условий). Право собственности владельца в таком случае также возникнет только по основаниям, предусмотренными ст. 234 ГК РФ, то есть спустя определенное время после истечения срока исковой давности, а не с момента утраты бывшим собственником возможности виндцировать вещь. Таким образом, сам факт вынесения подобного судебного решения не станет основанием приобретения права собственности добросовестным приобретателем.

Аналогичным образом следует определять и момент приобретения права собственности, если приобретатель не обратился в суд за установлением права. В данном случае считаем, что норма ч. 4 ст. 234 ГК РФ содержит

безусловное правило о необходимости сложения сроков, то есть, даже если собственник не известен, следует полагать, что он имел право на виндикацию, а следовательно, к сроку, установленному для давности владения, следует причислить и срок исковой давности. Поэтому мы не согласны с мнением таких авторов, как А.А. Новоселова и Т.П. Подшивалов, которые пишут, что добросовестный приобретатель должен становиться собственником не сразу, а только после вступления в силу решения суда, отказавшего в иске о виндикации у него спорной недвижимости, приобретенной у неуправомоченного отчуждателя, и регистрации права собственности в реестре прав на недвижимость, то есть после формирования сложного юридического состава [11, с. 120–121].

Наша позиция согласуется и с постановлением Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 10/22, в п. 13 которого содержится положение, согласно которому право собственности добросовестного приобретателя возникает не только в случае отказа в удовлетворении иска о виндикации имущества, предъявленного надлежащим собственником, но и когда такой иск вообще не предъявлялся. В противном случае сама возможность возникновения права собственности ставится в зависимость от желания (или нежелания) собственника предъявлять виндикационный иск. Напомним, что действующее законодательство твердо стоит на позиции, согласно которой право на иск – это право, а не обязанность лица, права которого нарушены.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Омского областного суда от 4 июня 2014 г. по делу № 33-2968/14. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. Т. 1. URL: <http://www.bibliotekar.ru/grazhdanskoe-pravo-3/>
3. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 3 июня 2014 г. по делу № 33-7343/2014. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html
4. Уруков В.Н. Виндикация похищенного у собственника имущества путем заключения гражданско-правовой сделки: отдельные вопросы теории и практики // Вестник арбитражной практики. 2012. № 5. С. 5–12.
5. Постановление ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html
6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 мая 2012 г. № 17802/11. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html
7. Гражданское право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1999. Т. 1.
8. Апелляционное определение Омского областного суда от 21 мая 2014 г. по делу № 33-2976/2014. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113887/html
9. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2000.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / рук. авт. кол. О.Н. Садиков. М., 1997.
11. Новоселова А.А., Подшивалов Т.П. Вещные иски: проблемы теории и практики. М., 2012.

A.A. Bessonov
On the Structure of Forensic
Characteristics of Crimes

The structure of forensic characteristics of crimes is researched. A list of elements to be included in the structure of forensic characteristics of crimes is proposed. The author proves that the forensic characteristics of crimes as a scientific category are an informational model of crimes that should become the basis for private investigation methods formation.

Key words and word-combinations: criminological characteristics of crimes, the structure of crimes, the nature of crime.

Исследуется структура криминалистической характеристики преступлений. Предлагается перечень элементов для включения в структуру криминалистической характеристики преступлений. Доказывается, что криминалистическая характеристика преступлений как научная категория является информационной моделью преступлений, на основе которой должны формироваться частные методики расследования.

Ключевые слова и словосочетания: криминалистическая характеристика преступлений, структура преступлений, природа преступлений.

УДК 342.98
 ББК 67.52

А.А. Бессонов

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ПРИРОДЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В отечественной криминалистике с момента возникновения в середине XX в. института криминалистической характеристики преступлений до настоящего времени относительно ее структуры единого мнения не сложилось. Между тем именно эта проблема является принципиальной в разрешении вопроса о природе, назначении, функциях этой научной категории и ее роли в формировании частных криминалистических методик.

Исторический анализ развития теории криминалистической характеристики преступлений свидетельствует, что в ее структуру включаются следующие элементы: типичные следственные ситуации (в том числе исходная информация); способ совершения преступления; способ сокрытия преступления (маскировка); типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения (в том числе механизм слеодообразования); характеристика личности преступника (включая мотив, цель преступления); обстановка преступления (место, время и другие обстоятельства); объект (предмет) преступного посягательства; личность потерпевшего; криминалистически значимые связи между указанными элементами; источник получения доказательств, а также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления; распространенность преступного деяния, особенности выявления и обнаружения преступления; наступившие последствия преступления, причинно-следственная связь между действиями (бездей-

ствием) преступника и этими последствиями; обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании (вопросы, подлежащие выяснению).

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: во-первых, некоторыми учеными в структуру криминалистической характеристики включаются как криминалистически значимые признаки, так и имеющие уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и криминологическую природу; во-вторых, учет этих элементов при разработке частных методик расследования осуществлялся в отечественной криминалистике с момента их зарождения.

Общепризнано, что содержание криминалистической характеристики должны составлять только криминалистически значимые признаки, под которыми, как верно отметил С.Г. Павликов, понимаются «закономерно повторяющиеся признаки преступления, характеризующие его основные стороны, изучение которых используется для достижения задач расследования в рамках уголовного судопроизводства» [1, с. 46]. Добавим, что достижение задач предварительного расследования с точки зрения реализации служебной функции криминалистики должно происходить путем разработки на основе этих признаков криминалистических рекомендаций и технико-криминалистических средств для обнаружения, изъятия и предварительного исследования следов преступления (доказательств) и в конечном итоге частных методик расследования преступлений.

Также является верным мнение, высказанное А.А. Шнайдером [2, с. 102] и С.Н. Чуриловым [3, с. 135], о том, что содержание криминалистической характеристики не должно выходить за пределы предмета криминалистики, то есть должно соответствовать описанию закономерностей механизма преступления. Что же касается критериев отбора каждого из этих элементов криминалистической характеристики преступлений, то необходимо согласиться с В.А. Образцовым [4, с. 11] и А.В. Самойловым [5, с. 5–6], указавшими следующие основные требования, которые должны предъявляться к ним: 1) теоретическая доказанность (в том числе подтвержденная практикой органов дознания и предварительного следствия); 2) значимость тех или иных из них для научного и практического решения задач по выявлению, раскрытию преступлений и осуществлению уголовного преследования виновных.

Указанное позволяет включить в состав критериев отбора криминалистически значимых элементов, составляющих систему криминалистической характеристики преступлений, следующее: 1) относимость к механизму преступления; 2) закономерную повторяемость; 3) теоретическую доказанность; 4) предназначенность для разработки криминалистических рекомендаций, направленных на успешное решение задач предварительного расследования.

Таким образом, для теории криминалистической характеристики преступлений криминалистически значимыми будут закономерно повторяющиеся признаки, характеризующие механизм преступления, изучение которых используется для разработки новых и совершенствования существующих криминалистических рекомендаций и технико-криминалистических средств с целью достижения задач расследования в рамках уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, криминалистически значимыми признаками, подлежащими включению в содержание криминалистической характеристики преступлений, являются следующие:

- обстановка преступления (место, время и другие обстоятельства);
- способ совершения и сокрытия преступления;
- типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения (в том числе механизм слеодообразования);
- предмет преступного посягательства (в том числе личность потерпевшего);
- личность преступника.

Наличие перечисленных элементов определено структурой механизма преступления, в которую, как верно указал Р.С. Белкин, входят: субъект преступления; отношения субъекта преступления: к своим действиям, их последствиям, к соучастникам; предмет посягательства; способ преступления как система детерминированных действий; преступный результат; место, время и другие обстоятельства, относящиеся к обстановке преступления; обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению преступления; поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками (активными и пассивными) события; связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события, между действиями и обстановкой, субъектом преступления и предметом посягательства и т.п. [6, с. 118–119]. Помимо того, при формировании структуры криминалистической характеристики преступлений следует учитывать общепринятый метод формирования частных методик расследования (то есть метод организации расследования), представляющий собой взаимосвязь элементов системы: «механизм совершения преступления, обуславливающий образование определенных следов преступления – конкретные криминалистические рекомендации, приемы и способы собирания доказательств, положенные в основу методики расследования» [7, с. 11–12; 8, с. 14].

В целом соглашаясь с данной схемой, отметим, что механизм совершения преступления детерминирован особенностями последнего. К примеру, механизм убийства по найму (заказного убийства) определяется следующими особенностями этого вида преступлений: во-первых, существует его зависимость от характеристики личности жертвы (для убийства политического лидера, имеющего охрану, будет выбран один способ, для убийства среднестатистического обывателя по заказу его жены – другой), которая, в свою очередь, обусловит выбор места, времени и орудия убийства; во-вторых, место и время определяют орудие причинения смерти; в-третьих, в качестве его исполнителя может быть выбран особый субъект – профессиональный киллер либо иной субъект, имеющий криминальный опыт, или личность с антисоциальной направленностью и т.д. Механизм же совершения незаконной добычи (вылова) рыбы будет совсем иным. Его прежде всего определит предмет преступного посягательства – рыба. В зависимости от вида рыбы преступник осуществит выбор места и время ее добычи, а также орудия и вспомогательные средства. Направленность умысла на конкретный предмет посягательства будет также определена особенностями личности виновного: имеет ли он навык рыбной ловли конкретного вида рыбы и обращения с определенными орудиями лова, управления плавсредством; доступность выбранного способа лова, в том числе наличие достаточных материальных средств для приобретения всех необходимых снастей, топлива для плавсредства и т.д. Иными словами, налицо взаимосвязь и взаимообусловленность особенностей преступления с механизмом его совершения.

Сказанное позволяет дополнить упомянутую схему метода формирования частных методик расследования: «особенности преступления – механизм его совершения, обуславливающий образование определенных следов преступления, – конкретные криминалистические рекомендации, приемы и способы собирания доказательств, положенные в основу методики расследования». Предложенный перечень элементов для включения в структуру криминалистической характеристики преступлений полностью соответствует этому методу формирования методик расследования отдельных видов преступлений. Относительно других элементов, которые возможно включить в содержание криминалистической характеристики преступлений, отметим следующее.

Типичные следственные ситуации (в том числе исходная информация) в состав элементов рассматриваемого понятия включать не имеет смысла, поскольку, во-первых, это самостоятельная криминалистическая категория; во-вторых, они не относятся непосредственно к механизму преступления с точки зрения логики формирования содержания криминалистической характеристики преступлений из криминалистически значимых признаков, а связаны с организацией расследования [9, с. 34–35; 10, с. 13].

Выделять «криминалистически значимые связи между элементами криминалистической характеристики» как самостоятельный отдельный элемент нецелесообразно, поскольку если эта характеристика является системой, то наличие связей составляющих ее элементов и так очевидно.

Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании (вопросы, подлежащие выяснению), как верно отметил А.Г. Филиппов, не могут входить в криминалистическую характеристику преступлений, так как тоже являются самостоятельной криминалистической категорией, связанной главным образом не с самим преступлением, а с вопросами организации его расследования [11, с. 90].

Не следует также включать в криминалистическую характеристику данные о распространенности преступного деяния, особенностях выявления и обнаружения преступления, поскольку они представляют по своему существу элемент чисто криминологической и уголовно-правовой характеристик [6, с. 314; 11, с. 90]. Во-первых, данные о распространенности преступного деяния никоим образом не несут криминалистических знаний и не могут способствовать формированию частных методик расследования. Во-вторых, особенности выявления и обнаружения преступления являются элементом частной методики расследования и зависят от криминалистической характеристики преступлений. Это же относится и к источникам получения доказательств, обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления, наступившим последствиям преступления, причинно-следственной связи между действиями (бездействием) преступника и этими последствиями и т.п.

С проблемой структуры криминалистической характеристики преступлений тесно связан вопрос о ее гносеологической природе, которую различные ученые-криминалисты определяют следующим образом: как научную абстракцию; систему (совокупность) сведений (данных, информации); систему научного описания; научную категорию; информационную модель.

Стоит согласиться с теми авторами, которые не поддерживают определение криминалистической характеристики преступлений как научной абстрак-

ции [5, с. 5; 12, с. 5–6], поскольку последняя не имеет практического приложения, в то время как первая основана на научном исследовании конкретных преступлений и обобщении практики их раскрытия, расследования и судебного рассмотрения (иными словами, является теоретическим отражением реально существующего явления – преступлений определенного вида (рода)).

Представляется, что неверно определять криминалистическую характеристику преступлений и как систему научного описания, поскольку это система информации о криминалистически значимых признаках преступления и к тому же – научная категория. Наиболее приемлемо к рассматриваемой категории применить термин «модель», под которой понимается «система (аналог, схема, структура) определенного фрагмента природной или социальной реальности, концептуально-теоретического образования и т.п., служащая для хранения и расширения знаний (информации) об оригинале, преобразования или управления им» [13, с. 578]. Следовательно, криминалистическая характеристика преступления является информационной моделью, содержащей систему криминалистически значимых сведений о преступлении. Как информационная модель криминалистическая характеристика преступлений должна давать объективное представление о самом преступлении, указывать его черты, являющиеся отправными для методики расследования [14, с. 46]. Из этого вытекает суть гносеологической природы рассматриваемой научной криминалистической категории. Она является и информационной основой формирования частных методик расследования (то есть категорией теоретического познания), и инструментом (средством) практического познания в процессе расследования. На ее основе должна строиться ретроспективная информационная модель конкретного преступления (то есть последняя, как указано ранее, – продукт практического познания). Несколько перефразируя высказывание Н.А. Селиванова [15, с. 132], определим: качественное расследование должно завершаться получением достаточно полной и подробной ретроспективной информационной модели совершенного преступления.

Таким образом, структура криминалистической характеристики преступлений должна состоять из тех элементов, которые, во-первых, имеют отношение к механизму преступления, во-вторых, соответствуют методу формирования частных методик расследования, в-третьих, являются криминалистически значимыми. По своей гносеологической природе криминалистическая характеристика преступлений как научная категория является информационной моделью преступлений. Именно на ее основе должны формироваться частные методики расследования, что будет служить инструментом познания расследуемого преступного события.

Библиографический список

1. Павликов С.Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений // Российский судья. 2012. № 10.
2. Шнайдер А.А. Криминалистическая характеристика подделки документов // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М., 1984.
3. Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений (социально-правовые проблемы): учеб. пособие. М., 1998.
4. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М., 1984.

5. Самойлов А.В. Современное состояние учения о криминалистической характеристике преступлений // Российский следователь. 2010. № 22.
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 1.
7. Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: учебник / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.
8. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений: текст лекции. Харьков, 1976.
9. Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского. М., 1999.
10. Радаев В.В. Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике: лекция. Волгоград, 1987.
11. Филиппов А.Г. Проблемы криминалистики: избр. статьи. М., 2007.
12. Щербич Л.А. История становления категории «криминалистическая характеристика преступлений» // История государства и права. 2006. № 10.
13. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 20: Меотская археологическая культура – Монголо-татарское нашествие. М., 2012.
14. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978.
15. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982.

N.V. Kazantseva
Criminological Characteristics
of Crimes Encroaching
on the Freedom of Worship

Criminological analysis of the crimes encroaching on the freedom of worship is made and their classification is proposed. Criminological features are marked out basing on a conducted survey of law-enforcement bodies staff of 84 subjects of the Russian Federation.

Key words and word-combinations: criminological research, religious crimes, crimes encroaching the freedom of worship, motive of a crime.

Приводится криминологический анализ преступлений, посягающих на свободу совести, и предлагается их классификация. Выделяются криминологические особенности на основе проведенного опроса сотрудников органов внутренних дел 84 субъектов РФ.

Ключевые слова и словосочетания: криминологическое исследование, религиозные преступления, преступления против свободы совести, мотив преступления.

УДК 343.931
ББК 67.51

Н.В. Казанцева

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Сегодня проблеме противодействия преступлениям, посягающим на свободу совести в России, уделено недостаточное внимание. Как в науке, так и в практической деятельности правоохранительных органов подобные преступления в большей мере рассматриваются с позиции уголовно-правового анализа, особенностей квалификации конкретных видов деяний, философских, государ-

ственных и историко-правовых проблем. Научных же исследований, посвященных сугубо криминологическим основам выявления, прогнозирования, характеристике этих общественно опасных деяний и личности преступника, позволяющих вырабатывать меры предупреждения преступлений, – единицы. В частности, это касается и исследования, проведенного в 2001 г. Л.Д. Башкатовым по уголовно-правовым и отдельным криминологическим проблемам рассматриваемых преступлений, именуемых автором как религиозные преступления и понимаемых как любое духовно-вредоносное, уголовно-противоправное, умышленное деяние, посягающее на религиозную свободу граждан или по мотиву религиозной ненависти либо вражды, или в связи с исполнением религиозного ритуала [1, с. 5].

Однако круг таких деяний в зависимости от объема прав, на которые посягает преступник, несомненно, шире. Речь идет не только о правах верующих, но и о лицах, имеющих сугубо атеистические взгляды, а также тех, чьи убеждения не привержены к убеждениям ни верующих, ни атеистов, что не умаляет их потребность в уважительном отношении к себе и своим личностным взглядам.

Полагаем, что в реалиях развития общественных отношений, информационно-правовых предпочтений и пропагандируемого приоритета толерантных установок развития разносторонних общественных отношений в государстве термин «религиозные преступления» является достаточно узким по своему толкованию. При этом рассматриваемый вид преступлений в качестве посягающих на свободу совести всегда анализировался в контексте преступлений экстремистской направленности. Соответственно, и их криминологическая характеристика данных всегда была достаточно обобщенной, без учета особенностей конкретных деяний, их видов. Одним из первых преступления, имеющие «религиозный подтекст», с классификационной позиции охарактеризовал Л.Д. Башкатов, обобщая их по признаку упоминания «религии» в том или ином аспекте и распределяя на следующие виды:

а) групповые, то есть составы, где содержится упоминание совершения религиозного преступления группой лиц, объединением, смешанной группой или против группы лиц по их отношению к религии (ст. 239, 357, 136 УК РФ);

б) религиозные преступления, совершаемые исключительно по мотиву «религиозной ненависти или вражды», а также в качестве «ритуала религиозного объединения» (ст. 105 ч. 2 п. «л»; ст. 111, ч. 2, п. «е»; ст. 112, ч. 2, п. «е»; ст. 117, ч. 2, п. «з»; ст. 244, ч. 2, п. «б» УК РФ);

в) посягательства на религиозное равноправие граждан (ст. 136, 282, 148 УК РФ) [1, с. 4].

Представленные ученым виды преступлений имеют разные признаки деления (групповой характер, мотив преступления, посягательство на религиозное равноправие). Универсальный (так называемый основной) критерий деления таких составов преступлений Л.Д. Башкатовым, на наш взгляд, не предложен, что в определенной мере затрудняет исследование криминологической характеристики личности преступника, истинной мотивационной сферы его преступного поведения, особенностей мер индивидуального предупреждения и т.п.

Более прагматично к решению данного вопроса подходят правоохранительные органы. Указанные виды преступлений, а также ряд иных составов, пре-

дусмотренных УК РФ, согласно приказу Генеральной прокуратуры РФ от 3 июля 2013 г. № 262 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме» отнесены к перечню преступлений экстремистской направленности [2]. Однако, по данным ГИАЦ МВД России, такие статьи (их части, пункты), как 136, 148, 239, 244 УК РФ, не определены в информационных сборниках как экстремистские. Столь общая классификация рассматриваемых преступлений затрудняет исследование отдельных криминологических характеристик, необходимых для последующего решения вопросов профилактической деятельности. Это обуславливает необходимость поиска классификации, позволяющей выявить особенности, отличительные черты указанных преступлений. Необходим один или несколько основных критериев, позволяющих исследовать подобные преступления в комплексе и отдельно.

Наиболее полно изучить преступления, посягающие на свободу совести по иным основаниям, позволили результаты проведенного опроса сотрудников шести подразделений ОВД по вопросам выявления, расследования и противодействия данным преступлениям в 84 субъектах РФ. Из более чем 4200 полученных опросных листов сотрудников проведена выборка 1371 – тех материалов, согласно которым сотрудники ОВД в 2010–2013 гг. непосредственно занимались выявлением и расследованием следующих преступлений: геноцид (ст. 357 УК РФ) – 1%, истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ) – 3%, надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) – 4%, побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ) – 18%, убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) – 10%, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ) – 9%, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ) – 11%, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ) – 12%, хулиганство (п. «б» ч. 1 и ч. 2 ст. 213 УК РФ) – 14%, вандализм (ч. 2 ст. 214 УК РФ) – 11%, нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ) – 3%, создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ) – 2%, нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ) – 2%.

Указанные составы преступлений относятся к преступлениям, посягающим на свободу совести, и результат опроса сотрудников органов внутренних дел показал, что чаще всего на территории Российской Федерации за период с 2010 по 2013 г. совершались такие преступления, как побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ) – 18%, хулиганство (п. «б» ч. 1 и ч. 2 ст. 213 УК РФ) – 14%, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ) – 12% и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ) – 11%.

Кроме того, результаты проведенного криминологического исследования отражают существующие сегодня проблемы выявления признаков преступлений, посягающих на свободу совести, мотивации преступного поведения лиц, их совершающих, а также проблемы установления причинно-следственного комплекса, имеющие ряд особенностей, которые необходимо учитывать при характеристике исследуемых преступлений.

Некоторым составам преступлений, предусмотренным УК РФ, в частности

ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» с учетом ее последних изменений [3], необходимо уделять особое внимание ввиду возникающих у правоохранительных органов сложностей при ее применении в профессиональной деятельности, а равно отсутствию законодательной практики такого применения. Пленумом Верховного Суда до настоящего времени не даны разъяснения по применению ст. 148 УК РФ, что, безусловно, затрудняет ее реализацию на практике.

Опираясь на результаты анализа материалов уголовных дел, приговоров суда по преступлениям в рассматриваемой сфере в России, опыт противодействия им в других странах (материалы ОБСЕ), материалы СМИ, данные Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России, проведенное криминологическое исследование, авторы разделили такие преступления на две группы (в зависимости от мотива преступления и характера посягательства), что позволило выявить и другие существенные признаки преступлений (природу и способы совершенного преступления, личность преступника; виктимологические и территориальные особенности).

Первая группа – *деяния, имеющие признаки преступлений экстремистской направленности, а равно провоцирующие совершение преступлений, посягающих на общественную безопасность* (убийство – п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью – п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ; побои – п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ; истязание – п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ; угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – ч. 2 ст. 119 УК РФ; хулиганство – п. «б» ч. 1 и ч. 2 ст. 213 УК РФ; вандализм – ч. 2 ст. 214 УК РФ; надругательство над телами умерших и местами их захоронения – п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ; геноцид – ст. 357 УК РФ).

Вторая группа – *деяния, посягающие на свободу совести, имеющие признаки посягательства на религиозное и атеистическое равноправие граждан* (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина – ст. 136 УК РФ; нарушение права на свободу совести и вероисповеданий – ст. 148 УК РФ; создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, – ст. 239 УК РФ).

Для преступлений первой группы характерны мотивы: чувство ненависти, разочарования, обида; политические – провокация и организация массовых беспорядков с целью дискриминации политического режима; корыстные – способ заработка у отдельных лиц, провокации массовых беспорядков на религиозной почве. Мотивы второй группы преступлений: предубеждение; совершение преступления из лучших побуждений (открыть глаза другим на «фальшивые религии» и изобличить лжерелигии). Скрытые или завуалированные мотивы характерны для обеих групп преступлений, хотя в большей мере для преступлений первой группы.

При расследовании инцидентов и преступлений, посягающих на свободу совести, важно принимать во внимание все возможные мотивы их совершения, особенно скрытые или завуалированные (табл. 1).

Таблица 1

**Мотивы преступлений против свободы совести
по степени значимости**

Мотивы	Степень значимости, %
Ненависть, разочарование и обида, озлобленность	22,45
Политические (организация массовых беспорядков с целью дискриминации политического режима)	18,48
Предубеждение	16,69
Скрытые или завуалированные, (нападение с целью ограбления, но жертва выбрана исключительно по религиозной, этнической и др. принадлежности)	16,46
Из лучших побуждений (открыть глаза другим на «фальшивые религии» и изобличить лжерелигии)	14,74
Корыстные (способ заработка у отдельных лиц, провокации массовых беспорядков на религиозной почве)	11,17

Сотрудники большинства опрошенных подразделений ставят скрытый мотив по степени его значимости на третье место (табл. 1). Данный мотив имеет «прочную позицию» и составляет 16,46% от общего количества мотивов, незначительно уступив мотиву предубеждения (16,69%). Анализируя мотивы религиозной ненависти (22,45%), следует отметить, что таковые представляют собой не только сильную неприязнь к представителям определенной религии, но и стремление путем применения насилия, как правило опасного для жизни и здоровья другого лица (группы лиц), показать неполноценность какой-либо религии, подчеркнуть превосходство, исключительность конфессии, к которым принадлежит (либо не принадлежит, при ином мировоззрении) виновный.

При совершении преступления по мотиву религиозной ненависти, как пишет С.А. Маркарян, побудительным фактором является не личная неприязнь, направленная на конкретного потерпевшего (потерпевших), а ненависть к нему как к представителю иной религии [4, с. 4–5]. Однако, как показал опрос сотрудников ОВД, такая побудительная причина не проявляется обособленно. Происходит смешение данного мотива с желанием корыстного обогащения (11,17%). Как результат – «совмещение интересов»: для одних правонарушителей предполагается возможное корыстное обогащение, например при «спонсированном» участии в массовых беспорядках на религиозной почве, их провокации, для других – достижение каких-либо своих политических целей при организации массовых беспорядков, их финансовой поддержке.

Большинство совершаемых действий на почве каких-либо предрассудков и (или) предубежденности – инциденты, в основной своей массе не являющиеся преступлениями либо не распознанные как таковые, а равно не приводящие к последующему совершению преступлений, которые могут предшествовать более серьезным правонарушениям. Такие инциденты не имеют практики регистрации в России, однако в странах ОБСЕ инциденты, обладая объективными признаками преступлений, регистрируются в качестве возможного преступления по анализируемым здесь мотивам. Наличие же конкретного мотива (рели-

гиозной ненависти, иных предубеждений и т.д.) доказывается в процессе предварительного расследования, результаты которого подтверждаются судом [5, с. 23].

Несмотря на наличие в информационных сборниках ГИАЦ МВД России данных о лицах и количестве всех совершаемых преступлений, сведений, разграничивающих преступления по характеру мотива преступного поведения лица, которые позволили бы судить о сугубо религиозном характере совершенного деяния, нет. Как правило, информация представлена блоком мотивов, например мотивом ненависти – политической, расовой, религиозной – в одной части или пункте статьи УК РФ.

Характеризуя первую группу преступлений, относящихся к преступлениям экстремистской направленности, следует отметить наблюдаемую тенденцию осложнения криминогенной обстановки на территории Российской Федерации в 2009–2010-е годы, что отразилось и на результирующих данных. Если в 2003–2005 гг. фиксировался спад подобных преступлений, то до 2010 г. замечен их рост. В то же время в 2010 г. произошел переход количества совершаемых преступлений в их качество. Об этом свидетельствуют события, произошедшие в декабре 2010 г. на Манежной площади в Москве [6]. Всего за 11 лет (с 2003 по 2013 г.) на территории России зарегистрировано 4588 преступлений экстремистской направленности, в среднем около 417 преступлений ежегодно. По информации ГИАЦ МВД РФ, уровень таких преступлений существенно варьируется (табл. 2).

Таблица 2

Динамика всех официально зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2009–2013 гг.

Год	Общее количество преступлений (текущий период / аналогичный период прошлого года), %
2003	157 / –
2004	130 / -17,2
2005	152 / +16,9
2006	263 / +73,0
2007	356 / +35,4
2008	460 / +29,2
2009	548 / +19,1
2010	656 / +11,9
2011	622 / -5,2
2012	656 / +19,7
2013	548 / +19,1

Главными «очагами» таких преступлений (2012 г.) выступают Центральный (в основном Москва) (169) и Приволжский федеральные округа (128). Самый низкий уровень преступности наблюдается в Южном (46), Дальневосточном (31) и Уральском (46) федеральных округах. Анализ материалов уголовных дел показал, что преступления, посягающие на свободу совести, в России характерны для густонаселенных районов с расположенными там ключевыми финансово-промышленными, социальными учреждениями, крупными транспортными

узлами, важными государственными и муниципальными учреждениями, в том числе большим числом религиозно-культурных объектов. В основном совершение рассматриваемых преступлений не приурочено к какому-либо религиозному событию. Это утверждает достаточно высокий процент опрошенных (62,61%).

Исследование ответов респондентов показало, что наиболее часто дата преступления совпадает с проведением больших религиозных праздников (15,39%); приурочена к какому-либо конкретному религиозному дню или событию, мало известному широкому кругу общественности, но имеющему важное значение для небольшой группы лиц (19,48%). Такие преступления, как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, вандализм, хулиганство, нарушение права на свободу совести и вероисповеданий, чаще других совершаются во время каких-либо религиозных событий, мало известных широкому кругу общественности, но имеющих важное значение для небольшой группы лиц. Особого мнения на этот счет придерживаются 2,52% респондентов.

На основе материалов уголовных дел проведен анализ, который свидетельствует, что преступления (инциденты), как правило, совершаются в конкретном (символическом) месте либо незначительной удаленности от него. Такое место обязательно ассоциируется с конфессиональной принадлежностью определенной группы лиц или лица (место богослужений, кладбище, принадлежащее определенной конфессии). По мнению сотрудников ОВД, большинство таких мест – общественные (парки, скверы), где результат деяния замечен наиболее широкому кругу лиц (20,80%), в чем и заключается основная цель злоумышленников. В религиозных учреждениях (храмы, церкви, синагоги, мечети, часовни, монастыри, молельные дома, а также другие помещения, места и объекты, специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний) такие преступления, по мнению 4,16% респондентов, совершаются часто, в 19,41% – редко или никогда – 9,17%. В местах захоронения, кладбищенских зданиях, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, преступления совершаются редко – 19,37%.

Приведенная криминологическая характеристика преступлений, посягающих на свободу совести, является одним из неперенных условий для дальнейшей работы по выработке криминологических мер, направленных на их предупреждение, а также по разработке межведомственных криминологических мероприятий в сфере противодействия и комплексной профилактики не только преступлений, но и инцидентов.

Библиографический список

1. *Баишатов Л.Д.* Религиозная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2001.
2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 3 июля 2013 г. № 262 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: Федер. закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ // Рос. газ. 2013. 2 июля.
4. *Маркарян С.А.* Мотивы как основание дифференциации уголовной ответственности за

преступления против личности (проблемы конструирования квалифицирующих признаков): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Махачкала, 2012.

5. Распознавание преступлений на почве ненависти // Методическое руководство для НПО в регионе ОБСЕ. Варшава, 2009.

6. Главный следователь Москвы: на счету мигрантов – 10 тысяч преступлений в год. URL: <http://www.rg.ru/2014/02/10/prestupleniya-site.html>

N.G. Sedova
Law Enforcement Practice
of Arbitration Courts
on Qualification of Real Property

The criteria for classification of real property are considered. Scientific concepts and practice of arbitration courts on the subject in question are analyzed. Conflicts and gaps of the current legislation on the topic are presented. Recommendations to improve existing legislation are proposed.

Key words and word-combinations: classification of real property, legal practice, legal regulation.

Рассматриваются критерии классификации объектов недвижимого имущества. Анализируются научные концепции и правоприменительная практика арбитражных судов по исследуемой теме. Представлены коллизии и пробелы действующего законодательства, предложены рекомендации по его совершенствованию.

Ключевые слова и словосочетания: классификация объектов недвижимого имущества, правоприменительная практика, нормативно-правовое регулирование.

УДК 347.91/.95
ББК67.410.1

Н.Г. Седова

**ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ПРАКТИКА
АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ
ПО ВОПРОСАМ
КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ
НЕДВИЖИМОГО
ИМУЩЕСТВА**

Всестороннее развитие в Российской Федерации рыночных отношений влияет на все большую актуальность проблемы эффективной защиты прав субъектов предпринимательской деятельности по спорам, связанным с недвижимым имуществом. Отметим, что правовой статус объектов недвижимого имущества образуется совокупностью ряда юридических фактов, применение которых зачастую вызывает определенные трудности в соответствующей правоприменительной практике арбитражных судов Российской Федерации. Изучение особенностей и правовых коллизий по спорам, связанным с недвижимым имуществом, необходимо в целях формирования единообразной судебной практики по обозначенным выше спорам, а также устойчивого функционирования объектов недвижимого имущества различных организационно-правовых форм собственности.

Согласно ч. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) к объектам недвижимого имущества относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, включая здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Кроме того, к объектам недвижимого имущества, выступающим в качестве предмета защиты в арбитражном суде, относятся такие предприятия, как имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности (ст. 132 ГК РФ), и единый недвижимый комплекс (ст. 133.1 ГК РФ). Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество. Как следует из анализа приведенного определения, перечень объектов недвижимого имущества не является исчерпывающим; для характеристики и конкретизации объектов недвижимости необходимо также обратиться к другим федеральным законам.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки произвести систематизацию и классификацию объектов недвижимого имущества по определенным признакам для удобства судебной правоприменительной практики. Так, С.П. Гришаев все объекты недвижимого имущества условно разделяет на следующие группы:

- 1) объекты недвижимости, которые недвижимы в силу своих физических свойств (земля, участки недр);
- 2) объекты, прочно связанные с землей, перемещение которых влечет несоразмерный ущерб их назначению (здания, строения, объекты незавершенного строительства);
- 3) объекты, которые по своей физической природе являются движимыми, но законодатель отнес их к недвижимому имуществу (воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты) [1].

Профессор Т.Н. Нешатаева отмечает, что современное российское гражданское законодательство не подразумевает каких-либо различий в юридическом статусе естественных объектов недвижимости и относительных объектов недвижимости (морских, речных, космических, воздушных судов и т.д.). В силу данного обстоятельства в процессуальном плане для них также установлен единый правовой режим [2, с. 62].

При определении объекта в качестве недвижимого В.А. Болдырев предлагает выделять два критерия, которыми должны руководствоваться государственные арбитражные суды при квалификации соответствующих объектов в качестве недвижимых: фактический (физический) и юридический. Первый из них предполагает, что объекты являются недвижимыми в том случае, если они прочно связаны с земельным участком, на котором находятся, и их перемещение без соразмерного ущерба их назначению невозможно. Второй предполагает идентификацию вещи в качестве объекта недвижимого имущества в случае прямого указания закона, даже если последний и не обладает физическим свойством прочной связи с земельным участком. При этом первый критерий является дополнительным (факультативным), а второй – основным (обязательным).

В качестве примера ученый приводит самовольную постройку (ст. 222 ГК РФ). Данный объект обладает первым – фактическим критерием, так как прочно связан с земельным участком, на котором находится. Однако законодатель не признает самовольную постройку в качестве объекта недвижимого имущества, так как данный объект возведен на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо создан без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил, вследствие чего отсутствует второй – юридический критерий [3, с. 2]. При этом морские, воздушные суда, космические объекты не обладают физическим (фактическим) критерием, но в силу юридического критерия относятся к недвижимым объектам.

Аналогичные критерии выделяются учеными и для обозначения предприятия как имущественного комплекса. Как обоснованно отмечает А.В. Грибанов, предприятие в российской правовой системе принадлежит к недвижимым вещам не в силу его неразрывной связи с земельным участком или его естественных характеристик, и не вследствие наличия в его составе объектов недвижимого имущества, а в силу распространения на него данного правового статуса по решению законодателя (недвижимость в силу закона) [4, с. 96].

Существует достаточно противоречивая практика государственных арбитражных судов относительно квалификации вещи в качестве объекта недвижимого имущества. Во многом это опосредовано тем, что ныне действующая редакция ГК РФ не представляет каких-либо критериев определения «прочной связи с земельным участком» и «соразмерности ущерба при перемещении объектов».

Обратимся к сложившейся практике государственных арбитражных судов по исследуемой теме. В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 4777/08 описывается спор, согласно которому общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд соответствующего субъекта РФ с требованием о признании права собственности на гидротехнические сооружения со ссылкой на то, что спорные сооружения фактически являются объектами недвижимости, в составе мелиоративной системы принадлежали его правопродшественнику – корпорации – и переданы истцу при ее реорганизации.

В целях квалификации спорных сооружений в качестве объектов недвижимого имущества судом первой инстанции по делу была назначена строительно-техническая экспертиза. В результате проведения последней было установлено, что спорные сооружения представляют собой систему открытых проводящих каналов и закрытой осушительной сети, состоящей из асбестоцементных труб, которые в свою очередь созданы в целях осушения земель сельскохозяйственного назначения. При этом данные сооружения прочно связаны с землей, и их перемещение без несоразмерного ущерба назначению невозможно. Решением арбитражного суда первой инстанции заявленные требования были удовлетворены в полном объеме. Суд квалифицировал спорные сооружения в качестве объектов недвижимого имущества. Постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций решение суда первой инстанции было оставлено без изменения.

Не согласившись с принятыми судебными актами ответчик – собственник земельных участков, на которых находятся спорные сооружения, обратился в Высший Арбитражный Суд РФ (ВАС РФ) с требованием об отмене судебных актов нижестоящих арбитражных судов. По мнению заявителя, спорные гидротехнические сооружения не являются самостоятельными объектами недвижимого имущества, созданы исключительно для обслуживания земельных участков, на которых они находятся. Поэтому, по мнению ответчика, требования истца удовлетворению не подлежали.

Высший судебный орган по разрешению экономических споров с позицией нижестоящих судов не согласился, в удовлетворении заявленных требований отказал в полном объеме. В обоснование своей позиции ВАС РФ сослался на ст. 2 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель», посчитав, что спорные гидротехнические сооружения являются составной частью мелиоративной системы земельного участка, которая обеспечивает создание оптимальных воздушного, водного, питательного и теплового режимов почв на мелиорированных землях. Данный судебный орган пришел к выводу о том, что спорные объекты не имеют самостоятельного функционального значения, созданы исключительно в целях улучшения качества земель и являются неотъемлемой частью земельного участка, принадлежащего на праве собственности ответчику [5].

По нашему мнению, позицию ВАС РФ нельзя в полной мере считать обоснованной и мотивированной ввиду следующего. Суд посчитал, что нормы Федерального закона «О мелиорации земель», согласно которым гидротехнические сооружения – составная часть земельного участка, на котором они находятся, не обладающая самостоятельным функциональным назначением, и являются специальными нормами по отношению к положениям ст. 135 ГК РФ, в силу которой принадлежность следует судьбе главной вещи. Однако при этом обращает на себя внимание наличие правовой коллизии между нормами упомянутого Закона и положениями ст. 130 ГК РФ. В силу положений указанного Закона гидротехнические сооружения не являются самостоятельным объектом недвижимого имущества, в то время как согласно ст. 130 ГК РФ данные объекты можно квалифицировать в качестве недвижимых вещей, так как данные сооружения прочно связаны с земельным участком, и их перемещение невозможно без соразмерного ущерба назначению.

Согласно общей теории права, кодифицированные нормативно-правовые акты обладают приоритетом над другими федеральными законами. В соответствии с ч. 2 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ арбитражный суд, установив при рассмотрении дела несоответствие нормативно-правового акта иному, имеющему большую юридическую силу нормативному правовому акту, принимает судебный акт в соответствии с нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу. Поэтому, по нашему мнению, в данном случае имеются основания для применения ст. 130 ГК РФ и квалификации гидротехнических сооружений в качестве объекта недвижимого имущества.

Рассмотрим другой спорный случай из практики ВАС РФ, изложенный в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 января 2010 г.

№ 11052/09. Комитет по управлению имуществом обратился с иском в Арбитражный суд соответствующего субъекта РФ к обществу с ограниченной ответственностью с требованием о признании недействительным зарегистрированного права собственности общества на объект незавершенного строительства – земляную насыпь на песчаной подушке. В обоснование заявленных требований истец сослался на тот факт, что построенное сооружение является объектом недвижимого имущества и фактически представляет собой самовольную постройку, так как земельный участок, принадлежащий истцу на праве собственности, был передан ответчику по соответствующему договору аренды; при этом цель использования данного земельного участка не предусматривала возведение на нем спорной конструкции.

Суд первой инстанции при рассмотрении спора по существу с доводами истца не согласился, в удовлетворении заявленных требований отказал. В обоснование своей позиции Арбитражный суд указал, что в договоре аренды спорного земельного участка, заключенного между истцом и ответчиком, нет прямого запрета на возведение спорного сооружения. Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции отменил, заявленные требования удовлетворил. В обоснование своей позиции суд указал, что непосредственно сам земельный участок находится в водоохранной зоне, был предоставлен под промышленное строительство без соответствующего согласования с федеральным органом исполнительной власти в области управления использованием и охраной водного фонда, как это предусмотрено Водным кодексом РФ.

ВАС РФ судебные акты судов нижестоящих инстанций отменил, указывая на то, что спорное сооружение – земляная насыпь на песчаной подушке – неправомерно квалифицирована судами нижестоящих инстанций в качестве объекта недвижимого имущества. При этом суды не исследовали вопрос о том, привели ли на данной стадии строительства выполненные обществом работы к появлению на земельном участке объекта недвижимого имущества, отличного от собственно самого земельного участка, хотя и прочно с ним связанного, чье перемещение без причинения ущерба, несоразмерного назначению, невозможно.

На основании изложенных обстоятельств дело было направлено на новое рассмотрение в Арбитражный суд первой инстанции. При новом рассмотрении данного спора истец уточнил заявленные требования и просил суд признать объект незавершенного строительства – земляную насыпь – самовольной постройкой и обязать ответчика снести данный объект и восстановить (рекультивировать) территорию строительства за счет средств ответчика. В удовлетворении заявленных требований истца было отказано со ссылкой на то обстоятельство, что на момент рассмотрения спора истец не доказал отнесение спорного объекта к самостоятельному объекту недвижимого имущества, отличного от собственно самого земельного участка, хотя и прочно с ним связанного. Поэтому суд первой инстанции пришел к выводу о том, что спорное сооружение нельзя квалифицировать в качестве самовольной постройки. Указанное решение в суды вышестоящих инстанций не обжаловалось [6].

На наш взгляд, рассматриваемое решение нельзя признать в полной мере обоснованным и мотивированным по следующим основаниям. По мнению

Арбитражного суда, истец не представил каких-либо допустимых доказательств, подтверждающих квалификацию спорного сооружения в качестве объекта недвижимого имущества. Часть 1 ст. 130 ГК РФ в предмет доказывания по данной категории споров относит прочную связь объекта с земельным участком, в силу которой его перемещение без соразмерного ущерба его назначению невозможно. В результате проведенной по настоящему спору экспертизы установлено, что спорное сооружение – земляная насыпь на песчаной подушке – представляет собой объект незавершенного строительства, имеет прочную связь с земельным участком, на котором находится, и ее перемещение невозможно. Поэтому истец надлежащим образом доказал то обстоятельство, что спорный объект представляет собой недвижимое имущество. Предмет доказывания по спору всегда определен соответствующими нормами материального права, в данном случае нормами ст. 130 ГК РФ. Как верно отмечает профессор Т.А. Григорьева, арбитражный суд не вправе по своей инициативе самостоятельно выходить за обозначенный выше предмет доказывания [7, с. 149–150]. На основании изложенного у суда не было оснований для отказа в удовлетворении заявленных требований.

Таким образом, в целях формирования единообразной судебной практики по данному вопросу Верховному Суду РФ необходимо вынести соответствующее постановление Пленума, в котором определить исчерпывающие критерии понятий «прочная связь с землей» и «соразмерность ущерба при перемещении объектов».

Библиографический список

1. *Гришаев С.П.* Правовой режим недвижимого имущества [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. М., 2013.
3. *Болдырев В.А.* Требования об обязанности произвести снос самовольной постройки и освободить земельный участок: теория, закон и практика // *Право и экономика*. 2013. № 5.
4. *Грибанов А.В.* Предприятие как имущественный комплекс (объект права) по праву России и Германии. М., 2010.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 янв. 2012 г. № 4777/08 // *Вестник ВАС РФ*. 2012. № 5.
6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 янв. 2010 г. № 11052/09 // *Вестник ВАС РФ*. 2010. № 5.
7. *Григорьева Т.А., Савельева Т.А., Струнков С.К.* Арбитражный процесс. М., 2006.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

O.A. Litzenberger
Migration and Ethnic Stereotypes
(Based on Materials
of Sociological Research
in the Saratov Region)

On the basis of empirical research the conclusion about the level of ethnic phobias is drawn. The role of ethnic migration in the changes is revealed. It is pointed out that in modern Russia there is a threat of xenophobia and interethnic tensions.

Key words and word-combinations: interethnic tensions, xenophobia, tolerance, ethnic migratory communities.

На основе эмпирического исследования делается вывод об уровне этнических фобий. Выявляется роль этнической миграции в данных изменениях. Отмечается, что в современной России угрозу представляет ксенофобия и межэтническая напряженность.

Ключевые слова и словосочетания: межэтническая напряженность, ксенофобия, толерантность, этнические миграционные сообщества.

УДК [325/327:316.34/.35]-316.014(470.44)
ББК 66.4(0).3

О.А. Лиценбергер

МИГРАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Саратовская область, как и многие другие регионы России, в последние годы столкнулась с всплесками этно- и мигрантофобии. Объектом фобий и межгрупповой ненависти со стороны местного населения часто являются трудовые мигранты, выступающие своеобразным раздражителем этнокультурных общественных отношений, а сама миграция становится фактором дестабилизации местного социального поля.

Для трудовых мигрантов Саратовская область – один из самых привлекательных регионов Приволжского федерального округа. С ростом интеграционных процессов эпохи глобализации интенсифицировалось движение рабочей силы, резко возросли масштабы стихийной трудовой миграции из стран Центрально-Азиатского региона. Внешняя миграция в область осуществляется прежде всего из приграничного Казахстана, через кото-

рый проходят миграционные потоки из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Коэффициент миграционного прироста в области выше, чем в других регионах Поволжья.

Несмотря на то что с 2013 г. Управлением миграционной службы организуются адаптационные курсы для мигрантов, в области до сих пор отсутствует центр, необходимый для размещения трудовых мигрантов. В регионе наблюдаются тенденции, свидетельствующие об ограничении социально-профессиональной роли трудовых мигрантов повышением требований к их профессиональным качествам. По вопросам несоблюдения или нарушения миграционного законодательства в 2013 г. к Уполномоченному по правам человека в Саратовской области поступило 78 обращений от мигрантов, проживающих в регионе [1, с. 74].

Отсутствие четких адаптационных установок самих трудовых мигрантов, с одной стороны, и низкий уровень толерантности принимающего населения, с другой, становятся дестабилизирующими факторами этнополитической ситуации. Опасения и страхи, состояние тревожности, которые сегодня преобладают среди населения, в значительной степени связаны с этническими проблемами, с «угрозой захвата ресурсов и рабочих мест мигрантами», конкуренцией на рынке труда, возможностью этнических конфликтов.

Изучению общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в регионе было посвящено специальное исследование, проведенное нами в мае – июне 2014 г., некоторые результаты которого представлены далее. Опрос проводился согласно инструментарию, разработанному Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Исследование выполнено в г. Саратове. Объем выборочной совокупности составил 200 респондентов. Основным методом опроса являлось формализованное интервью (face-to-face). Выборка репрезентативная по полу, возрасту, образованию.

В опросе приняли участие 88 мужчин и 112 женщин. Соотношение опрошенных в целом соответствует последним переписным данным. Итоговый состав опрошенных респондентов примерно схож с этнической структурой населения, особенно характерной для крупных этносов. В целом «этническая картина» базы опроса отражает этнонациональную дифференциацию, так как Саратовская область является одним из самых многонациональных субъектов Федерации, объединяющим более 130 народов [2]. Среди опрошенных русские составили 81%. Этнические миграционные сообщества также представлены в структуре исследования. Одну национальность указали 89% опрошенных, две национальности – 11%.

Более 10% респондентов ответили, что проживают в Саратовском регионе менее десяти лет. Согласно данным официальной статистики, коэффициент миграционного прироста в области выше, чем в других регионах Поволжья. Миграционный прирост (7115 человек за 2013 г.) наблюдался в последние годы в основном за счет стран ближнего зарубежья.

В миграции с другими регионами России Саратовская область является донором: жители области переезжают в Москву и Санкт-Петербург, Краснодарский край, Самарскую и Воронежскую области, что нашло свое подтверждение в ответах респондентов. Почти половина всех опрошенных указали, что хотели бы уехать в другой регион России на длительный срок или постоянное проживание. Готов-

ность к инновационным изменениям и перемещениям, желание выехать в другие крупные города продемонстрировали в основном респонденты, находящиеся в возрастной категории до 60 лет. 72% опрошенных указали, что не знают языков России и языков соседних государств, 28% знают какие-либо языки, среди них украинский назвали 8% респондентов, армянский – 5%, казахский – 4%, татарский – 3%, чеченский – 2%, табасаранский, белорусский, азербайджанский, чувашский и другие – по 1%. Русский язык является родным у 87% опрошенных.

В ходе опроса анкетерам довелось побеседовать с представителями различных национальностей, родившимися в республиках бывшего СССР или в других регионах России и прибывших в Саратов более одного года назад. Показательно, что некоторые из них сами не только не считают себя мигрантами, но и отрицательно относятся к привлечению трудовых мигрантов в Россию.

Наибольшую сложность для респондентов представлял сам термин «мигрант». Многие опрошенные сразу после обозначения темы опроса выражали резко негативное отношение к мигрантам, которое ярко прослеживалось на протяжении их ответов на все вопросы. Практически любой ответ сопровождался многочисленными отрицательными оценками в адрес трудовых мигрантов: «гнать их надо», «наши дети еще от них поплачут», «не нужны они России» и другими.

Анкетерам бросилась в глаза следующая интересная закономерность: 70% респондентов при ответе на вопрос о том, как часто они общаются с иностранными трудовыми мигрантами, выбрали варианты ответа «никогда» или «очень редко», однако их оценки трудовых мигрантов были резко отрицательными. Напротив же, общающиеся с мигрантами ежедневно (8% опрошенных) или каждую неделю (9%) в целом оказались более толерантными. Действительно, как отмечают современные исследователи, основную проблему в сфере миграционных процессов на территории Саратовской области представляет наличие устойчивых дискриминационных практик и высокий уровень интолерантности местного населения по отношению к мигрантам [3, с. 38].

В качестве гипотезы предположим, что экономическая составляющая является особо значимой для населения, а оценка опрошенными собственного материального положения влияет на направленность общественно-политической активности, конфликтность отношений различных акторов в целом. Проверка данной гипотезы возможна благодаря анализу полученных данных.

Подтверждением того факта, что экономическая составляющая имеет важное значение, служат следующие данные, полученные в Саратовской области. Более толерантными являются респонденты, имеющие в целом позитивное отношение к жизни. Оценивавшие свое материальное положение и собственные перспективы как хорошие, как правило, не выражали резко негативного отношения к мигрантам. Респонденты, оценившие собственное материальное положение как «затруднительное» или «тяжелое», в целом чаще были готовы поддержать пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов, тогда как из лиц с хорошим материальным положением приняли бы участие в таких акциях только 3%. Таким образом, в современном мире, когда процессы имущественного расслоения ускоряются, роль экономического фактора становится основополагающей как в отношении к мигрантам, так и в эскалации этнической напряженности.

Некоторые респонденты напрямую связывали отсутствие у них хороших перспектив со своей национальностью и отмечали к себе негативное отношение. Например, одна из опрошенных, армянка 47 лет, привела несколько примеров собственной дискриминации, в том числе невозможности трудоустройства и указала, что основной причиной этого является ее национальность, а также то, что она говорит «с сильным акцентом». 6% опрошенных отметили, что испытывали дискриминацию из-за языка, 8% из-за национальности, 4% из-за религии.

Неготовность и нежелание местного населения к активизации интеграционных процессов подтвердили и ответы на следующие вопросы. Меньшинство респондентов (22%) положительно отнеслись бы к использованию малоквалифицированного труда мигрантов в жилищном хозяйстве. Действительно, в последние годы в крупных промышленных центрах области (Саратов, Балаково) и приграничных территориях отмечается оформление «мигрантских» ниш занятости [4, с. 59], хотя в современной России мигранты составляют конкуренцию местному населению лишь в некоторых сферах, а местные жители отказываются от работы, которую зачастую выполняют мигранты. Однако треть опрошенных отнеслись бы к найму мигрантов в жилищное хозяйство отрицательно. Например, дворник (мужчина, 43 года) при ответе на этот вопрос увидел прямую угрозу потери своего рабочего места: «А я что тогда буду делать?».

Местное население понимает, что немногими свободными сегментами рынка труда оказались места низкоквалифицированной и плохо оплачиваемой работы для мигрантов. Фактически с середины 1990-х годов в России наблюдается феномен расколотого рынка, при котором высокооплачиваемые работники стремятся ограничить приток в свой сектор рынка дешевой «этнической» рабочей силы [5, с. 6]. Так, многие респонденты, высказавшие положительное отношение к использованию труда мигрантов в жилищном хозяйстве, все же были против использования труда мигрантов в качестве младшего медицинского персонала в поликлиниках и больницах, а также в качестве охранников школ или детских садов (более половины всех опрошенных).

Превалирование негативных этнических стереотипов, основанных на искажениях общественного сознания, мифах и слухах, их распространение в СМИ и в повседневном дискурсе местного населения подтверждает и тот факт, что практически половина всех опрошенных считают, что мигранты отнимают рабочие места у местных жителей, хотя, согласно статистике, уровень безработицы во многих регионах России остается рекордно высоким, а весь поток приезжих в Россию, включая общероссийскую и международную миграцию, составляет всего лишь 1,5% от общей численности населения [6, с. 196–197].

Низкая толерантность принимающего населения проявилась и при ответе на вопрос о необходимости ограничения приезда мигрантов из соседних государств. Более половины всех опрошенных считают, что необходимо ограничить приезд мигрантов прежде всего из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана и Китая. Хотя по отношению к Китаю встречались и ответы «не ограничивать», с пояснением «так как они нас одевают и обувают». Чуть менее негативную оценку получили выходцы из стран Закавказья: Грузии – 45%, Южной Осетии и Армении – 41%, Абхазии – 39%.

У многих респондентов превалировало стремление к унификации («нам

никто не нужен»). Большинство опрошенных оказались не способными к дифференциации мигрантов по этнокультурным маркерам («никого не пускать»). Многие респонденты давали в целом негативную оценку представителям кавказских народов, считая мигрантами всех лиц неславянской национальности, даже проживающих в Саратове во втором и третьем поколении.

Ряд исследователей утверждают, что подавляющее число респондентов ассоциируют мигранта с «лицом кавказской национальности». Согласно результатам исследования, проведенного Г.В. Витковской, ориентировочная численность нелегальных мигрантов среди национальных меньшинств из Кавказского региона на территории Саратовской области достигает 12,5 тыс. человек, а официальная статистика показывает, что основным регионом исхода мигрантов в Саратовский регион являются республики Средней Азии и Казахстан [7, с. 67]. Однако, по результатам проведенного опроса, за ограничение приезда мигрантов из соседнего с Саратовской областью Казахстана высказалось лишь 26% опрошенных.

Само понятие «мигрант» («трудовой мигрант») многими ассоциировалось с нелегальной трудовой миграцией, в связи с чем и возникало в целом негативное отношение к теме опроса. У многих опрошенных мигранты ассоциировались именно с жителями Закавказья и Средней Азии, а отнюдь не с Белоруссией, Украиной или Молдавией (за ограничение высказались 8; 27 и 29% соответственно). Опираясь на подобные исследования, проводившиеся в регионе, важно отметить, что большинство жителей города не в состоянии визуально, опираясь на фенотип, идентифицировать представителя той или иной этнической группы: 7% опрошенных высказались за ограничение любых мигрантов без их дифференциации.

Данные, полученные в результате проведения опроса в Саратовской области, коррелируют с опросами крупнейших социологических центров. Так, опрос «Об отношении россиян к людям разных национальностей и о межнациональных отношениях», проведенный Фондом общественного мнения в июле 2012 г., показал, что почти две трети россиян выступают за ограничение въезда представителей некоторых национальностей в их регион; при этом чувство неприязни по отношению к людям других национальностей испытывает пятая часть опрошенных [8].

Наличие этноцентричного восприятия взаимоотношений «мигрант – местное население» и страх автохтонного населения перед мигрантами подтверждает и мнение 40% опрошенных о том, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Опрос в очередной раз доказал, что респонденты зачастую руководствуются эмоциями и устоявшимися стереотипами, что подтверждает ситуация, описанная одним из анкетеров. При ответе на этот вопрос женщина с высшим образованием, судья мирового суда (!), не задумываясь, произнесла «да». На следующий вопрос, заданный ей с нескрываемым интересом как профессионалу «У Вас есть статистические данные?», она, также не задумываясь, ответила: «У меня ни статистики, ни таких дел, но никакой статистики тут не нужно, об этом все газеты пишут». Второй респондент, дворник, мужчина старше 60 лет со средним специальным образованием, выбрал вариант «затрудняюсь с ответом», указав на то, что не знает конкретной статистики.

Не случайно современные исследователи отмечают, что одной из лексем,

прочно вошедших в общественное сознание, является термин «этническая преступность», не существующий в российском законодательстве, однако активно используемый в последнее время, как в средствах массовой информации, так и в различных научных трудах. Этностереотипы становятся заметными и закрепляются посредством масс-медиа на уровне массового сознания [9, с. 43].

Так, социологический опрос, проведенный нами в октябре 2012 г., был призван установить взаимосвязь в сознании жителей области между ростом числа мигрантов и уровнем преступности. Анализ ответов подтвердил первоначальную гипотезу исследования о наличии тесных параллелей между этими понятиями в общественном сознании. Вариант ответа «да, между этими явлениями существует прямая взаимосвязь» выбрали три четверти всех опрошенных.

Действительно, на бытовом уровне стереотипы об «этнической преступности», совмещаемые с антимиграционными настроениями, пронизывают общество и становятся повседневной реальностью. Таким образом, в сознании большинства опрошенных не укоренен ошибочный образ о том, что та или иная этническая группа или даже в целом народ – преступен. С помощью информационных технологий в массовом сознании распространяются негативные этнические идеологемы, вырабатываются стереотипы. Ксенофобия проявляется в форме публичных высказываний представителей власти разного уровня, инициирующих или прикрывающих антимигрантские настроения. Что касается последних конфликтов, произошедших в Саратовской области и получивших в местных СМИ окраску «национальных», силовыми структурами было установлено, что большинство данных конфликтов «были основаны не на этническом факторе, а являлись следствием хулиганских действий лиц различных национальностей на почве употребления спиртных напитков и бытовых конфликтов» [10].

Однако в СМИ чаще всего конфликты с бытовыми причинами, участники которых группировались и формировали сторонников по признаку этнической принадлежности, получали клеймо национальных. Так, с помощью характеристик, вызывающих отрицательные эмоции, формируется криминальный и негативный образ мигрантов и представителей национальных меньшинств.

Проведенным исследованием подтверждается отсутствие у определенной части местного населения по отношению к мигрантам доверия и толерантности, обеспечивающих взаимную интеграцию. Высокий уровень мигрантофобии не может не порождать агрессивных настроений и конкретных действий в отношении мигрантов. Так, пикеты или акции против мигрантов поддержал бы каждый шестой опрошенный, дополняя свои ответы пояснениями «да, так как они все заполонили», «их так много», «да, так как надо заботиться о русских», «азиатов слишком много» и другими.

Половина всех опрошенных все же согласны с необходимостью обучать мигрантов и их детей русскому языку в специализированных центрах. К сожалению, в современных российских регионах отсутствует работа местных органов власти и общественных организаций, направленная на разъяснение необходимости создания подобных центров. Однако 40% опрошенных считают, что в специальных центрах мигрантам следует предоставлять юридическую помощь, лечение, информацию для поиска работы, возможность повышения профессиональной квалификации.

Часть респондентов высказали собственное мнение. Так, один из опрошенных выступил против создания специальных центров для мигрантов, указав на то, что «не нужно создавать искусственные условия, это неперспективно» (мужчина, 27 лет). Другой опрошенный, напротив, предложил целую концепцию создания подобных центров, рассказав о существовании подобного опыта за рубежом и в России и указав на крайнюю необходимость для мигрантов таких центров, которые должны стать «центром одного окна» (мужчина, 60 лет). Положительные ответы были нередкими: «такие центры нужны как можно быстрее» (женщина, 43 года), «такие центры обязательно нужны, без них мигрантам очень тяжело» (мужчина, 56 лет), «раз их пустили в страну, то и учить придется и помогать им всячески» (женщина, 37 лет), «центры нужны, я знаю их проблемы не понаслышке, к ним часто относятся негуманно» (женщина, 42 года), «власть не хочет создания специальных центров, не хочет помогать мигрантам, сама на себе это испытала» (женщина-мигрантка, 60 лет). Встречались и противоположные мнения: «для коренного населения такие центры нужнее, чем для мигрантов» (женщина, 26 лет), «такие центры должны находиться на особом режиме, не в ущерб основному населению».

Анализ имеющихся данных позволяет сделать ряд выводов, значимых для понимания природы массовых настроений, общественно-политической активности россиян и характера потенциальной конфликтности. Так, мужчины чаще общаются с трудовыми мигрантами (практически ежедневно общаются с мигрантами 20% мужчин и лишь 4% женщин), однако женщины по сравнению с мужчинами являются более толерантными. Например, больше женщин стали бы участвовать в благотворительных акциях для нуждающихся, если бы они проводились в миграционных центрах, а также идею обучения мигрантов русскому языку поддерживали 63% опрошенных женщин и только половина респондентов-мужчин.

Что касается различий в ответах среди возрастных групп, то наиболее толерантной является группа респондентов в возрасте от 30 до 59 лет. Такие респонденты в среднем в два раза чаще, чем опрошенные в возрастных группах до 30 лет и старше 60 лет, давали положительные ответы на вопросы анкеты. Так, воспользовались бы услугами миграционного центра для решения собственных проблем около трети всех опрошенных в возрасте от 30 до 59 лет и менее 20% респондентов в возрастных группах от 18 до 29 и от 60 лет и старше.

Опрос подтвердил гипотезу о том, что экономическая ситуация является одной из базовых детерминант массовых настроений и в быту, и в общественно-политической активности. Сопоставление приведенных данных позволяет говорить о непосредственном влиянии оценок собственного материального положения на готовность населения принимать участие в акциях протеста. На формирование оценок трудовой миграции оказывает влияние эмоционально-психологическое состояние населения российских регионов. Так, более двух третей респондентов с тяжелым материальным положением считают, что мигранты отнимают рабочие места у местного населения, и менее трети респондентов с хорошим материальным положением ответили на данный вопрос положительно.

Анализируя взаимоотношения жителей города с мигрантами, их позиционирование по отношению к «своим» и «чужим», можно отметить следующее: низкая толерантность принимающего населения и рост конфликтного потенциала про-

явились при ответах респондентов на многие вопросы анкеты. Оценки, даваемые мигрантам респондентами, отличались коренным образом: от категоричного «они не работники, они ничего не умеют» (женщина, 74 года), «они все заполонили, их так много» (женщина, 73 года) до восторженного «они все умеют, а русские – лентяи и пьяницы», «они моей дочери строили дом, очень хорошо, и им надо помогать» (женщина, 72 года), «они убирают очень чисто» (женщина 72 года), «я с ними работала, пусть живут спокойно» (женщина, 72 года).

Полученные данные сопоставимы с материалами других опросов, проведенных в регионе в последние годы, например с материалами исследования «Межнациональная ситуация в Саратовской области», проведенного в Саратове в феврале 2011 г. информационно-аналитическим центром Поволжского института управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ среди населения в возрасте старше 18 лет, и опросом, проведенным нами в конце 2012 г. Согласно данным указанных опросов количество людей, отмечающих существование межнациональных конфликтов, возросло с февраля 2011 г. до октября 2013 г. в 13 раз. Если в феврале 2011 г. вариант ответа «межнациональных конфликтов в области не существует» выбрали более 32% респондентов, то в октябре 2012 г. так ответили лишь 2% опрошенных [11, с. 65].

Результаты проведенного социологического исследования фиксируют наличие «конфликтного потенциала» в общественном сознании. В настоящее время этноконфессиональная ситуация в Саратовской области стабильная, хотя по ответам значительного количества респондентов ощущается латентная напряженность. Проведенный опрос доказал, что важнейшим фактором, влияющим на обострение межэтнических отношений, является миграция, которая может стать причиной возникновения межэтнических противоречий. Согласно данным опроса относительная стабильность межэтнических отношений в Саратовской области является инерционной и может быть в будущем нарушена всплесками мигрантофобии, этнической агрессивности и конфликтами.

Таким образом, настоящее исследование подтверждает, что процесс формирования в общественном мнении современных россиян этнической толерантности тормозится разнообразными предрассудками и негативными стереотипами. Общество находится под влиянием мигрантофобии, приводящей к росту общественно-политической напряженности и усилению дискриминации тех мигрантов, которые обладают этническими, языковыми и культурными особенностями.

Библиографический список

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Саратовской области в 2013 г. Саратов, 2014.
2. Территориальный орган Федеральной службы статистики по Саратовской области. URL: <http://srtv.gks.ru>
3. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2006.
4. Тарская О.Ю., Африкантов К.П. Социально-экономические последствия изменения этнической структуры населения региона в результате миграции (на примере Саратовской области) // Вестник ПАГС. 2013. № 1 (34).

5. Солдаткин А.А. Условия интеграции инокультурных мигрантов в полиэтническую среду регионального сообщества // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 1 (2).
6. Степанов В. Демографическая и социальная картина России: итоги десятилетия // Вестник российской нации. 2011. № 4–5.
7. Витковская Г.В. Миграция и миграционная ситуация в Саратовской области: мат-лы исследований / ЦЭПРИ ИС РАН. М., 2003.
8. Фонд общественного мнения: [Официальный сайт]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo>
9. Титов В.Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2003. № 11.
10. Официальный сайт МВД по Саратовской области. URL: <http://64.mvd.ru/news>
11. Лиценбергер О.А. Межнациональная ситуация в Саратовской области в восприятии молодежи // Вестник ПАГС. 2013. № 1 (34).

M.V. Usova, T.P. Fokina
Modern Social Practices
of City Image Management
in a Network Society

Social and philosophical analysis of city image management is presented. It is shown that in a network society image and brand of the city are formed and change due to new social practices: territorial initiatives, prestigious events, harmonious actions of communities, and social networks activities. Management of image acts as social professional interaction.

Key words and word-combinations: network society, image of a city, brand of a city, communities, interests, management, image.

Представлен социально-философский анализ управления имиджем города. Показано, что в сетевом обществе имидж и бренд города формируются и изменяются благодаря новым социальным практикам: территориальным инициативам, престижным событиям, слаженным действиям сообществ, деятельности в социальных сетях. Управление имиджем выступает как социальное профессиональное взаимодействие.

Ключевые слова и словосочетания: сетевое общество, образ города, бренд города, сообщества, интересы, управление, имидж.

УДК 316.354:351/354
ББК 60.561.1

М.В. Усова, Т.П. Фокина

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ИМИДЖЕМ ГОРОДА В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Внимание к имиджу города (и его бренду) является свидетельством зрелости местного сообщества и эффективности его властных структур. Имидж становится объектом управления, его выявляют, формируют, изменяют, продвигают. Активную роль в этом играет искусство: город стремится «упаковать» себя таким образом, чтобы появилась возможность говорить о том, что он имеет определенный образ, имидж, бренд. Не менее важны и технологии «продвижения» города специальными средствами связей с общественностью.

Следовательно, в управлении имиджем города важен учет четырех обстоятельств: 1) образ города; 2) актуальные художественные и культурные практики по «упа-

ковке» города; 3) сложившиеся социальные практики и технологии имиджирования и брендинга; 4) сформированные солидарные связи местной власти, местных сообществ, деятелей искусства и профессионалов PR. Наша гипотеза состоит в том, что современное сетевое общество (понятое и глобально, и локально) предполагает как свое условие и следствие обеспечение *целостного сплава и взаимной увязки этих обстоятельств во всей возможной полноте*.

Управление имиджем в ситуации *взаимной увязки* интересов различных акторов, включенных в принятие решений по стратегическим и тактическим вопросам развития города, становится зоной повышенного риска. Цель статьи – охарактеризовать с социально-философских позиций некоторые риски, которые возникают при согласовании и возможном конфликте интересов различных акторов в управлении имиджем города.

Во-первых, в настоящее время конкурируют по крайней мере три разных языка описания города: высокий урбанизм (город – машина роста); «левацкий» урбанизм (город – машина отчуждения, неравенства, несправедливости); хипстерский урбанизм (город – машина представления, спектакля и удовольствия). Два из них уже оставили заметные следы в «образах» многих городов. Третий – стремительно набирает обороты [1]. Конкуренция «дискурсов» проявляется как в дискуссиях на круглых столах городской ответственности, так и на деловых совещаниях при принятии управленческих решений.

Во-вторых, социальные и культурные практики в условиях сетевого общества приобрели универсальные черты и содержат все больше возможностей для организационной экспансии технологий «упаковки», практик современного искусства и брендинга «поверх» местных границ, без учета конкретного места и образа города. В то время как городские администрации, да и остальные локальные акторы, связаны с местными условиями и обязаны учитывать городскую идентичность, традиции, дух и «образ» места. Это одна из точек, где важна упоминавшаяся взаимная увязка и коммуникация сторон, которые имеют разное представление об образе города.

В-третьих, в управлении имиджем, разработке бренда фундаментальное место занимает сложившийся образ города: история, мифы, архитектурный облик, наличие публичных пространств как предмета дизайна, богатство культурной жизни, ухоженность территории, качество жизни горожан.

Вместе с тем именно концепт «образ города» труднее всего определить и операционализировать для практик стратегирования и управления. Однако возможно сделать это через анализ различий в кластере понятий «образ города», «имидж города» и «бренд города».

Последнее десятилетие – время, когда местные сообщества и их институты открыли для себя силу репутации и имиджа, в том числе в экономической и культурной политике. Осмысливается это как необходимость заниматься так называемой инвестиционной и культурной привлекательностью.

Имидж часто рассматривают в качестве специально создаваемого для достижения определенных целей устойчивого эмоционально окрашенного социально-психологического *образа*, способствующего становлению опреде-

ленного мнения в отношении города. Образ города и его имидж рассматриваются при таком подходе как однопорядковые, даже тождественные, понятия. Такой поход ограничивает зону стратегирования в управлении городом, ибо *образ города* подсказывает один подход к решению задач его развития, а *управление имиджем и брендом* требует иных технологий. На наш взгляд, именно здесь кроются социально-философские основания различия и порой противоположности соответствующих культурных и управленческих практик.

Несколько упрощая, можно отметить, что образ города отсылает нас к естественноисторическим законам городского развития, в то время как имидж и бренд – к социальному конструированию и культурной «переделке». «Имидж *не тождествен образу*: образ аккумулирует множество не всегда дифференцируемых (и осознаваемых) свойств, имидж редуцирует множество до конкретного набора свойств и качеств – целостной модели, позволяющей идентифицировать товар, человека, социальную группу, практику или территорию. В этом смысле имидж сходен с метафорой: он создает простор для аналогий и ассоциаций, но он же его и ограничивает» [2, с. 125].

Итак, образ города *аккумулирует* множество его сложившихся черт в некую целостность. Имидж же *редуцирует* это множество до конкретного и управляемого набора, целостной модели. Образ города «бытиен», он есть, а имидж – сконструирован. Образ города – объективен, имидж – проективен. И образ города, и его имидж формируют коллективные переживания и коллективный опыт, однако, в одном случае они сложились естественно и исторически, в другом – они стандартизированы по законам определенных коммуникативных технологий.

Бренд – имидж особого рода. Бренды не просто аккумулируют, но *интегрируют* функциональные возможности, образы и переживания, которые становятся показателем известности (качества и надежности), ожидаемым потребителем. «В терминах функционирования бренд представляет собой *предельный когнитивно-ценностный стандарт*, запускающий восприятие, узнавание и отношение» [2, с. 126].

Следовательно, бренд особым образом интегрирует образ города и его имидж, задавая не только рыночный, но и когнитивно-ценностный стандарт. Это особенно четко демонстрируют современные практики методологии и технологий создания брендов. Например, в рамках проектов разработки брендов городов на вопрос о том, что же понимается под брендом города (или даже территории), отвечают: бренд – это ментальная конструкция, система образов и идей, которыми город живет или к которым он стремится [3].

Почему же рассматриваемые понятия так легко отождествляются и причудливо смешиваются? Социально-философский подход помогает понять этот факт как «властное» проявление *целостности* и образа города, и его имиджа (бренда). И тот, и другой претендуют на целостность и содержат данный признак среди своих сущностных характеристик. Однако указанные понятия неверно отождествлять или трактовать как часть и целое, что часто делается. Эти *целостности* возникают на разных основаниях.

В самом деле, с социально-философской точки зрения образ города (онтология) возникает как выражение его уникальности и идентичности (метафизика), «дух места». Город и его образ есть единство его онтологии и метафизики. Имидж же города и его бренд есть единство его модели и культуры. Образ хранит идентичность, имидж – универсальность, бренд – единство того и другого. Именно в этом различии оснований целостности видится своеобразие подходов к анализу города, его образа и имиджа, которые представлены, в частности, в работах В.В. Афанасьевой [4] и Т.П. Фокиной [5]. В первом случае тщательно исследуется онтология города как такового и ее «модусы» в конкретном городе, во втором – метафизика города и ее манифестации в качестве локального «духа места».

Управление имиджем и брендом как социокультурным явлением четко фиксирует необходимость *контекстного* подхода, однако подчеркивается, что он должен носить *целостный*, согласованный характер, учитывать условия реализации, а отдельные черты имиджа не только не противоречить друг другу, но иметь *системный* характер. Это позволяет по одной видимой черте вызывать в массовом сознании весь комплекс сопутствующих ей характеристик [6].

Контекстность, целостность, системность, проективность – таковы социокультурные черты имиджа. В них и их целостности реализуются основные функции имиджа:

- *идентификационная* – позволяет целевой аудитории воспринимать информацию о позитивных или негативных сторонах города за короткий период времени без анализа всего объема информации;
- *идеализирующая* – способствует проецированию на город тех или иных характеристик, обеспечивая вокруг него положительное или отрицательное информационное поле;
- *компаративистская* – базируется на имиджах других городов, контрасте между ними в положительную или отрицательную сторону;
- *дифференцирующая* – демонстрирует отличительные качества имиджа города в сложившейся ситуации.

В этом случае риск управления имиджем состоит в том, что муниципальная власть не всегда в состоянии четко различить образ, имидж и бренд, что затрудняет выработку стратегий развития и выбор тех или иных культурных практик, их властную поддержку. Городская политика приобретает непоследовательный и «вкусовой» характер, а в крайних случаях ведет к поляризации интересов разных групп городского сообщества.

Ярким примером стала судьба проекта М. Гельмана по превращению Перми в город современной художественной культуры. Его инициативы, поддержанные губернатором, не нашли, однако, достаточного понимания местного сообщества и были маркированы как разрушающие «образ Перми».

Еще одной зоной риска является оценка местными администрациями возможностей региональных практик и технологий имиджирования и брендинга и стоящих за ними профессионалов. Опыт показывает, что такого рода специалисты есть далеко не везде. Даже в мегаполисах России пока не могут похвастаться тем, что решили вопрос о стратегиях развития и «упаковке» города сколько-нибудь успешно.

Например, размышление-диалог о Петербурге и Москве одного из крупнейших теоретиков и практиков урбанизма В.Л. Глазычева. «Никаким индустриальным центром Европы Петербург быть не может. Эта игра проиграна. Играть на более высоком уровне – создавать образцы, которые будут покупать в других частях планеты – это амбициозная цель. Но тогда не в индустрию надо вкладываться в первую очередь. К сожалению, в части образования и культуры Петербург, как и Москва, уже не так силен. Хотя в учрежденческом смысле культура у вас и у нас сильна... Мы в стратегии поставили одну из задач – создать на порядок больше площадок для культурной деятельности. Это разные вещи – культурная деятельность горожан и учреждения культуры» [7].

В связи с этим каждый город отличается определенной расстановкой харизматических, организационных, ресурсных и профессиональных сил: власти, местных сообществ, а также «людей искусства» и «пиарщиков» [8]. Последние объединены в творческие и профессиональные союзы, учебные заведения, музеи, галереи, журналы, мастерские и т.д. Все они – «держатели» особого рода властных функций, которые могут и должны использоваться в управлении имиджем, формировании образа города и сохранения его идентичности [9].

В сетевом обществе имидж и бренд изменяется благодаря территориальным инициативам, *через престижные события и соответствующие сообщества* [10, с. 389]. Управление имиджем осуществляется через ивенты, особым образом организованные события. Здесь тоже возникает своеобразная зона риска, когда в городе есть хорошие архитекторы и художники, замечательные музеи, интересная история, но может не быть организаторов, когда требуются профессионалы в области проектирования, рекламы, связей с общественностью, продюсинга, организации общественных пространств и коммуникаций. Социальное все более проявляет себя как профессиональное взаимодействие [11].

Таким образом, эффективность современных социальных сетей не будет реализована, если нет целостного сплава и взаимной увязки в специальной профессиональной деятельности системных обстоятельств управления имиджем города.

Библиографический список

1. Вахитайн В. Москва становится городом-WOW. URL: http://www.polit.ru/article/2013/11/09/moscow_wow/
2. Черняева Т.И., Ларченко М.А. Социальная репутация организации: опыт PR-проектирования // Ученые записки: сб. науч. трудов. Саратов, 2012. Вып. 8.
3. Культурный обмен 22 октября 2013 г. Урбанистика. Урбанист Святослав Мурунов. Директор АНО «АрхПолис» Олег Гончаров. URL: <https://www.facebook.com/mashyliapags?fref=ts>
4. Афанасьева В.В. Город как синергетический феномен. URL: <http://vera-afanasyeva.ru/?p=3455>
5. Фокина Т.П. Метафизика Саратова // Волга. 1998. № 1. С. 167–174.
6. Дагаева Е.А. Имидж как социально-психологический феномен: теоретико-методологические аспекты изучения // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4.
7. Глазычев В.Л. Стратегия дает установки, генплан – правила игры. URL: http://www.glazychev.ru/publications/interviews/2012-06-6_interview_strategia_daet_ustanovki.htm
8. Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М., 2013.
9. Тарасова Л.Г. Взаимосвязь процессов управления и самоорганизации в развитии крупных городов. Саратов, 2009.

10. Усова М.В. Риски управления общественными связями в информационном обществе // Математическое моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. Саратов, 2013.

11. Бобко А. О социальности и профессиональном взаимодействии. URL: www.facebook.com/groups/sockomsarstov/

P.M. Fedorov
Petitions and Addresses
as a Form of Political Activity
in the Contemporary
Russian Society

Modern approaches to the problem of creation of theoretical model of political activity in the Russian segment of the Internet are analyzed. The analysis of international researches and polls of the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Public Opinion Foundation (FOM) shows transition from traditional electoral forms of political participation to new forms of "direct" political activity. Conceptual model of petitions as forms of political activity is formed by various types of political, civil activity influenced by multidirectional dynamics of political culture.

Key words and word-combinations: political activity, political participation, petitions, Internet.

Анализируются современные подходы к проблеме построения теоретической модели политической активности в российском сегменте Интернета. Анализ данных международных исследований и опросов ВЦИОМ, ФОМ демонстрирует переход от традиционных электоральных форм политического участия к новым формам «прямой» политической активности. Концептуальная модель петиций и обращений как форм политической активности формируется различными типами политической, гражданской активности, испытывающими влияние многовекторной динамики политической культуры.

Ключевые слова и словосочетания: политическая активность, политическое участие, петиции, Интернет.

УДК 32
ББК 66.3(0).15

П.М. Фёдоров

ПЕТИЦИИ И ОБРАЩЕНИЯ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Трансформация общественных отношений, развитие средств массовой коммуникации способствовало формированию публичных пространств, выполняющих функции рефлексии общественных отношений и контроля государства. Ю. Хабермас указывает на конституирующие условия коммуникативного действия в публичной сфере: рефлексивность, открытый диалог и горизонтальный характер социальных связей. Следовательно, обсуждение вопроса в приватной сфере посредством социальных медиа перемещается в публичную сферу и изменяет публичный дискурс обсуждаемого вопроса.

Эти процессы тесно связаны с динамикой политической культуры, изменением мотивации и форм политического участия. Наблюдается переход от традиционных электоральных форм участия (например участия в выборах в органы власти различного уровня) к новым формам «прямого» участия (например подписанию обращений, петиций по поводу событий в жизни страны, региона).

Другой важной тенденцией выступает индивидуализация политического действия и ослабление традиционных групповых связей [1].

Отмеченные тенденции порождают попытки пересмотра теоретических моделей коллективного действия. В частности, модели М. Олсона, постулирующей сравнительно низкую эффективность малых групп и неформальной организации. «Обычно общественное давление и социальные мотивы действуют в группах меньшего размера, где индивиды лицом к лицу сталкиваются друг с другом. <...> Во-первых, в большой латентной группе каждый индивид настолько мал по отношению ко всей группе, что его действие не окажет на нее никакого влияния. Во-вторых, в большой группе все люди не могут знать друг друга, то есть такая группа не может быть дружеской группой; следовательно, на индивида не будет оказано никакого социального давления, если он откажется жертвовать в пользу группы» [2, с. 56–57]. Так, Б. Бимбером предложено переопределение коллективного действия как «совокупности коммуникативных процессов, включающих пересечение границ публичной сферы и частной жизни» [3]. Трансформация общественных отношений, развитие социальных медиа повышают эффективность самоорганизации. Социальная сеть, построенная на личном контакте, расширяет возможности общественного побуждения к действию, использования социальных, психологических мотивов, помимо рациональных экономических. Кроме того, гибкие сетевые структуры оказываются более эффективными в сложном современном социальном контексте по сравнению с традиционными, иерархически построенными организациями.

В контексте трансформации общественных отношений и развития социальных медиа становится актуальным вопрос о функции новых форм политической и гражданской активности, связанных с активным использованием Интернет, в частности подписания петиций или обращений в орган государственной власти, местного самоуправления или к конкретному политику. Эти формы коллективного политического действия могут быть направлены на достижение общественно-важных целей в существующих институциональных условиях либо на трансформацию сложившихся институциональных практик и их нормативно-ценностных оснований. В обоих случаях их отличает ориентация не на личные, а на общие интересы. Но аналогичная по форме политическая активность может быть и инструментом решения сугубо индивидуальных проблем, не являясь в полном смысле формой политического участия. Поэтому в подписании петиций, обращений в зависимости от результатов и мотивации индивида можно выделить следующие типы гражданской активности: 1) адаптивное институционализированное действие – петиции и обращения как публичная активность, направленная на достижение групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях; 2) гражданская активность – петиции и обращения как неадаптивная публичная активность, направленная на изменение институциональных практик; 3) индивидуальное гражданское действие – обращение в органы власти, самоуправления или к политику сугубо частного характера.

Использование этой модели позволяет адекватно интерпретировать данные социологических исследований и лучше понять специфику процессов модернизации современного российского общества. Для характеристики уровня и закономернос-

тей политической активности в современном российском обществе мы воспользуемся данными следующих исследований: «Гражданская активность в Интернете» (ФОМ, 29–30 июня 2013 г., 43 субъекта РФ, 1500 респондентов); «Электронная панель» (ВЦИОМ, 15 сентября 2011 г. – 22 марта 2012 г., 46 регионов РФ, 2100 респондентов); «Европейское социальное исследование» (ESS) (опрос проводится раз в два года в более чем 30 европейских странах: в России – волна 5 (2010 г., 2595 респондентов), волна 6 (2012 г., 2484 респондента)).

Данные ESS позволяют провести сравнительный анализ уровня политической активности и соотношения различных типов гражданской активности, выражающихся через обращения и петиции. Так, в странах развитых демократий обращения в органы власти и подписание петиций являются довольно массовыми формами политической и гражданской активности. По данным опроса 2012 г., от трети до половины жителей Западной Европы за предшествующие 12 месяцев принимали участие в подобных действиях. При этом для жителей этих стран характерно преобладание гражданской активности, направленной на изменение институциональных практик, над адаптивным институционализированным или индивидуальным гражданским действиями. Жители Западной Европы в 1,5–2,5 раза чаще подписывают петиции, обращения, открытые письма, чем обращаются к конкретному политику или в общегосударственные, местные органы власти. Для молодых демократий характерно обратное соотношение (например, для Российской Федерации оно равно 0,8 (табл. 1). Дело в том, что для современных западноевропейских обществ сдвиг ценностных ориентаций населения от материалистических ценностей к постматериалистическим накладывает отпечаток и на изменения в политической сфере, с соответствующим ослаблением традиционных политических институтов (например, партий, отдельных политиков и снижением уровня институционального доверия в целом) и усилением значимости вопросов, относящихся к образу жизни, самоопределению индивида [4].

Таблица 1

**Сравнительный анализ уровня политической активности
(ESS, 2012 г.), %**

Страна	Обращались к конкретному политику или в общегосударственные или местные органы власти на протяжении последних 12 месяцев	Подписывали петиции, обращения, открытые письма на протяжении последних 12 месяцев	Коэффициент соотношения уровня использования петиций и обращений
Кипр	15,3	10,7	0,7
Эстония	12,3	9,5	0,8
Российская Федерация	7,4	6,0	0,8
Венгрия	3,2	3,0	0,9
Словения	7,0	7,5	1,1
Израиль	10,6	13,2	1,2
Португалия	6,0	7,5	1,3
Бельгия	16,1	20,6	1,3

Окончание табл. 1

Страна	Обращались к конкретному политику или в общегосударственные или местные органы власти на протяжении последних 12 месяцев	Подписывали петиции, обращения, открытые письма на протяжении последних 12 месяцев	Коэффициент соотношения уровня использования петиций и обращений
Финляндия	18,4	23,7	1,3
Ирландия	18,3	23,6	1,3
Польша	7,3	10,3	1,4
Дания	16,5	24,8	1,5
Чешская Республика	11,9	18,4	1,5
Нидерланды	14,2	22,1	1,6
Норвегия	21,8	35,3	1,6
Болгария	4,7	7,8	1,7
Великобритания	15,1	31,9	2,1
Исландия	26,1	55,5	2,1
Германия	15,9	34,8	2,2
Швейцария	14,8	34,0	2,3
Словакия	8,3	20,0	2,4
Испания	13,3	33,2	2,5
Швеция	16,2	43,5	2,7

В исследовании ВЦИОМ 2011 г. о своем участии в выборах в органы власти различного уровня заявили 16% опрошенных, а о том, что они подписывали обращения, петиции по поводу событий в жизни страны – только 2,6% (вопрос «Лично Вам приходилось за последний год участвовать в общественной и политической жизни?» был задан до проведения парламентских и президентских выборов). О своем неучастии в каких-либо формах политической активности высказались 63,9% опрошенных, то есть две трети россиян не проявили интереса к политике, выраженного в какой-либо форме политической активности (табл. 2).

Таблица 2

**Зависимость политической активности от интереса к политике
(ВЦИОМ, 2011 г.), %**

Показатель	Ответы на вопрос «Скажите, пожалуйста, Вы интересуетесь политикой?»				
	Безусловно, интересуюсь	Скорее интересуюсь	Скорее не интересуюсь	Совершенно не интересуюсь	В целом по выборке
Подписание обращений, петиций по поводу событий в жизни страны, региона, Вашего населенного пункта	4,4	2,2	2,3	1,1	2,6

Окончание табл. 2

Показатель	Ответы на вопрос «Скажите, пожалуйста, Вы интересуетесь политикой?»				
	Безусловно, интересуюсь	Скорее интересуюсь	Скорее не интересуюсь	Совершенно не интересуюсь	В целом по выборке
Участие в выборах в органы власти различного уровня	19,3	15,2	17,2	8,3	16
Нет, ни в чем подобном участвовать не приходилось	56,5	64,1	64,5	81,5	63,9

Наличие зависимости политической активности от интереса к политике подтверждается и данными ESS. При этом интерес к политике положительно влияет как на уровень конвенциональных форм политического действия (участие в выборах, обращение в органы власти), так и уровень гражданской активности (подписание петиций, открытых писем) (табл. 3).

Таблица 3

**Зависимость формы политической активности
и интереса к политике (ESS, 2012 г.), %**

Показатель	Варианты ответов	Ответы на вопрос «Насколько Вы интересуетесь политикой?»			
		Очень интересуетесь	В некоторой степени интересуетесь	Мало интересуетесь	Совсем не интересуетесь
Подписание петиций, обращений, открытых писем	Да	12,2	9,0	4,2	2,6
	Нет	86,7	89,7	95,3	96,9
	Затрудняюсь ответить	1,1	1,2	0,4	0,6
Обращение к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти	Да	22,1	9,5	6,0	1,7
	Нет	76,8	89,9	93,5	98,1
	Затрудняюсь ответить	1,1	0,6	0,6	0,2

Многие социологические исследования фиксируют связь уровня политического участия и интереса к политике: люди, в большей степени интересующиеся политикой, чаще принимают участие в политических действиях. Однако статистически связь уровня интереса к политике и политического участия в современном российском обществе различна для разных типов политического участия. Так, по результатам исследования ESS 2012 г. коэффициент корреляции между переменной, характеризующей интерес к политике, и переменной, измеряющей обращение респондента к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти, равен 0,153. При этом коэффициент корреляции между переменной, характеризующей интерес к политике, и переменной,

измеряющей подписание респондентом петиций, обращений, открытых писем, равен 0,111.

Таким образом, более тесную связь с интересом к политике демонстрируют обращения как адаптивная или индивидуальная гражданская, политическая активность. Причины такой дифференциации – в распространенности не политической мотивации петиций и открытых писем и в связи обращений в органы власти с патерналистскими социальными установками.

Разные поколения граждан России неодинаково используют такую форму участия в политической жизни страны, как подписание петиций и обращений. Люди старшего поколения чаще, чем представители других возрастных групп, подписывают обращения к политикам или в органы власти, для них также характерно более активное участие в выборах. Наименьший уровень политического участия демонстрирует молодежь до 24 лет. Интересная тенденция отмечается в возрастной группе 25–34 года: сравнительно высокий уровень гражданской активности, выражающейся в подписании петиций и обращений (1,9% по сравнению с 1,3% в возрастной группе 35–44 года по данным опроса ВЦИОМ), сопровождается при этом относительно низким уровнем конвенциональных форм политического участия, например участия в выборах в органы власти различного уровня (табл. 4).

Таблица 4

**Зависимость политической активности от возраста
(ВЦИОМ, 2011 г.), %**

Показатель	Возраст респондентов				
	18–24	25–34	35–44	45–59	старше 60
Подписание обращений, петиций по поводу событий в жизни страны, региона, Вашего населенного пункта	1,0	1,9	1,3	2,8	5,1
Участие в выборах в органы власти различного уровня	11,4	13,7	16,3	17,0	20,1
Ни в чем подобном участвовать не приходилось	73,4	68,1	60,9	60,9	59,8

Аналогичная тенденция есть и в данных опроса ESS 2012 г. Доля обращающихся в органы власти респондентов плавно увеличивается в возрастных группах. Но доля подписывавших петиции и открытые письма в возрастной группе 25–34 года выше, чем в соседних группах (6,2% по сравнению с 4,4% в возрастной группе до 24 лет и 6% в группе 35–44 года) (табл. 5).

Таблица 5

Зависимость политической активности и возраста (ESS, 2012 г.), %

Показатель	Варианты ответов	Возраст респондентов				
		младше 24	25–34	35–44	45–59	старше 60
Обращение к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти	Да	2,6	5,7	7,3	8,7	11,7
	Нет	97,4	93,5	92,5	90,6	87,9
	Затрудняюсь ответить	0,0	0,8	0,2	0,7	0,4

Окончание табл. 5

Показатель	Варианты ответов	Возраст респондентов				
		младше 24	25–34	35–44	45–59	старше 60
Подписание петиций, обращений, открытых писем	Да	4,4	6,2	6,0	5,7	7,0
	Нет	95,6	93,0	93,2	93,7	92,2
	Затрудняюсь ответить	0,0	0,9	0,9	0,6	0,8

Представленные данные демонстрируют характерное для современного российского общества наложение двух тенденций: сравнительно большую политическую активность старшего поколения и одновременно дифференциацию форм политической активности, связанную с межпоколенческой динамикой ценностных ориентаций от материалистических ценностей к постматериалистическим (личной независимости, самовыражения, свободы выбора).

Отметим, что молодежь демонстрирует сравнительно низкий уровень политического участия в целом, но относительно высокий уровень участия в политической интернет-активности, о чем свидетельствуют данные опроса ФОМ (табл. 6). Следуя теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, можно предположить, что несоответствие вовлеченности в политическую активность в Интернете и распространенности пассивных социальных установок на политическое участие может быть уменьшено за счет изменения самих установок так, чтобы они соответствовали поведению. Таким образом, участие в интернет-голосованиях по политическим вопросам для молодежи выступает не только следствием изменения социальных установок, вызванного межпоколенческой динамикой ценностных ориентаций, но и предпосылкой, формирующей причины таких изменений.

Таблица 6

Зависимость политической активности в Интернете от возраста (ФОМ, 2013 г.), %

Показатель	Население в целом	Месячная интернет-аудитория	Возраст респондентов			
			18–30	31–45	46–60	старше 60
<i>Доли групп</i>	<i>100</i>	<i>54</i>	<i>27</i>	<i>25</i>	<i>26</i>	<i>21</i>
Подписание петиций, законопроектов, обращений в Интернете за последние полгода-год	0	1	1	0	1	0
Участие в интернет-голосованиях по политическим вопросам за последние полгода-год	1	2	3	1	1	0
Распространение в Интернете информации об общественных и политических проблемах и событиях за последние полгода-год	0	1	1	1	0	0

Окончание табл. 6

Показатель	Население в целом	Месячная интернет- аудитория	Возраст респондентов			
			18–30	31–45	46–60	старше 60
*** (всего в опросе предложено 13 форм политического участия)						
Ничего из перечисленного	45	81	71	60	34	8

Форма участия в политической жизни в России тесно связана с образованием. Если различия в уровне адаптивного институционализированного участия (например, электоральных форм политической активности) между людьми с разным уровнем образования невелики, то уровень гражданской активности – подписания петиций, направленных на изменение институциональных практик, в большей степени зависит от уровня образования респондента. Аналогичная тенденция характерна и для политической активности в Интернете (табл. 7).

Таблица 7

**Зависимость политической активности
в Интернете от образования (ФОМ, 2013 г.), %**

Показатель	Население в целом	Месячная интернет- аудитория	Образование		
			среднее общее и ниже	среднее специаль- ное	высшее
<i>Доли групп</i>	<i>100</i>	<i>54</i>	<i>41</i>	<i>35</i>	<i>24</i>
Подписание петиций, законопроектов, обращений в Интернете	0	1	0	0	2
Участие в интернет- голосованиях по политическим вопросам	1	2	1	1	2
Распространение информации об общественных и политических проблемах и событиях	0	1	0	0	1
*** (всего в опросе предложено 13 форм политического участия)					
Ничего из перечисленного	45	81	34	46	63

Повышение уровня образования связано с развитием ценностно-нормативной сферы и повышением значимости постматериальных ценностей свободы выбора и самовыражения, что отражается на динамике социальных установок по отношению к различным формам политической активности.

Другой параметр, с которым могла быть связана дифференциация форм политического участия, – доход респондента. Однако прямая зависимость здесь отсутствует. Представляется, что доход играет иную роль в формировании установок по отношению к гражданским формам политической активности, основанным на постматериальных ценностях, таким, как подписание петиций и открытых писем. Повышение материальной защищенности закладывает основы того, что А. Маслоу называет повышенной «фрустрационной толерантностью», то есть особого иммунитета к возможной фрустрации потребностей в принадлежности, признании, способствующего формированию социально ответственной личности с гражданской позицией, обладающей устойчивостью к чувству неуверенности в завтрашнем дне и неспособности человека определять свою жизнь. Следовательно, если высокий уровень образования способствует повышению значимости постматериальных ценностей и потребности самоактуализации, то материальная защищенность формирует способность индивида не бояться осуждения, готовность выступить против общественного мнения, жертвовать ради свободы выбора и самовыражения. На уровне социума эти процессы проявляют себя в сдвиге ценностных ориентаций общества от материалистических ценностей к постматериалистическим, что убедительно продемонстрировано исследователями проекта WVS [4].

Максимальный уровень участия в подписании петиций, обращений в данных исследования ВЦИОМ наблюдается в группах специалистов с высшим образованием – бюджетников и пенсионеров (в том числе по инвалидности). В этих группах также высок уровень электоральной политической активности. Дифференциация электоральных (максимальный уровень) и неэлекторальных (минимальный уровень) форм политического участия характерна для государственных и муниципальных служащих.

По данным исследования ВЦИОМ 2011–2012 г., участие в подписании петиций и обращений в большей степени характерно для электората таких партий, как КПРФ (4,9% против 2,6% в среднем по выборке), «Яблоко» (4,8% против 2,6% в среднем по выборке) и таких политиков, как М. Прохоров (4,3% против 2,6% в среднем по выборке) и Г. Зюганов (5,3% против 2,6% в среднем по выборке). По данным опроса ФОМ 2013 г., аналогичная политическая активность, но с использованием Интернета характерна для тех же групп респондентов. Именно для электората этих партий характерен наименьший уровень одобрения деятельности руководства страны, текущей экономической ситуации и направления развития страны.

Сравнение средних значений переменной (по данным ESS 2010 г.), измеряющей степень удовлетворенности респондента нынешним состоянием экономики России в зависимости от того, подписывал или не подписывал петиции, обращения, открытые письма респондент (при помощи теста Стьюдента для сравнения двух независимых выборок), свидетельствует о статистически значимой зависимости этой формы политической активности и удовлетворенности состоянием экономики. Уровень значимости для критерия Ливина выше 0,001, при этом средние значения переменных между выделенными группами суще-

ственно различаются, уровень значимости (Sig. (2-tailed)) меньше критического значения (0,05), что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии различий между групповыми средними значениями.

Аналогично, сравнение средних значений переменных (по данным ESS 2012 г.), измеряющих степень удовлетворенности респондента тем, как руководство страны выполняет свою работу, и удовлетворенность тем, как работает демократия в Российской Федерации в зависимости от того, подписывал или не подписывал респондент петиции, обращения, открытые письма по поводу событий в жизни страны (при помощи теста Стьюдента для сравнения двух независимых выборок), свидетельствует о статистически значимой зависимости этой формы политической активности и удовлетворенности деятельностью руководства страны и состоянием демократии в России.

Среди респондентов, часто использующих Интернет, доля подписывавших петиции, обращения, открытые письма ниже, чем среди редко использующих Интернет. Петиции в Интернете – не самая распространенная форма политического действия, связанного с личным обращением: в российском обществе принято апеллировать не к общественному мнению, а скорее, ходатайствовать к власти.

Дополнительным подтверждением гипотезы о выделении в подписании петиций, обращений различных типов гражданской активности в зависимости от социальных установок индивида выступает зависимость уверенности в собственных силах и использования петиций, обращений как индивидуального гражданского действия. Так, по данным опроса ESS 2012 г., респонденты, ощущающие ограниченность собственных возможностей, чаще обращаются к политику или в местные органы власти.

Подводя итог, отметим, что петиции и обращения как формы политической и гражданской активности выполняют в современном российском обществе функцию социальной интеграции, формирования самоорганизующегося гражданского общества в условиях кризиса институционального доверия, когда наиболее образованные, экономически активные слои общества не считают свои интересы представленными в традиционных политических институтах. При этом основанием такой интеграции служит не социально-экономическая или профессиональная идентичность, характерная для традиционных политических институтов – партий, движений, а общие интересы или разделяемые ценности. Однако существует определенная тенденция индивидуализации форм политического и гражданского участия, когда самоорганизованные коллективные политические действия обладают признаками проектов, направленных на решение конкретных проблем, и не связаны с формированием групповой идентичности и наличием формальной политической структуры [5].

Самоорганизованные коллективные политические действия, примером которых выступают петиции и обращения, обозначают один из путей изменения современного российского общества, направленный, с одной стороны, на развитие гражданского общества и, с другой стороны, – на расширение использования неконвенциональных, прямых и индивидуализированных форм коллективного действия в современной политической жизни нашей страны.

Библиографический список

1. Андреевкова А.В. Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97). С. 47–60.
2. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / пер. с англ. М., 1995.
3. Bimber B., Flanagan A.J. and Stohl C. Reconceptualizing Collective Action in the Contemporary Media Environment // Communication theory. 2005. Vol. 15, is. 4. P. 365–388.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
5. Акаев Д.В. Использование краудсорсинговых Интернет-проектов в социально-политических процессах // Вестник Поволж. акад. гос. службы. 2013. № 4 (37). С. 56–60.

D.O. Yershov
Forms of Social Needs
Manifestation
and Ways of Their Estimation

Concepts of social needs are analyzed. It is proved, that modern scientific sociological schools provide benchmarks for social needs from different positions. The author's own integrated approach to the assessment of social needs is presented. Levels of needs assessment through the needs of social groups and their consumer preferences are revealed.

Key words and word-combinations: social needs, assessment of needs, the needs for functioning and development.

Анализируются концепции социальных потребностей. Доказывается, что современные научные социологические школы с различных позиций устанавливают критерии оценки социальных потребностей. Автор представляет собственный интегрированный подход к оценке социальных потребностей. Раскрываются уровни оценки потребностей через нужды социальных групп и их потребительских предпочтений.

Ключевые слова и словосочетания: социальные потребности, оценка потребностей, потребности функционирования и развития.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Д.О. Ершов

**ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ
И СПОСОБЫ ИХ ОЦЕНКИ**

В современных условиях проблемы проявления и оценки социальных потребностей анализируются в рамках нескольких социологических концептуальных направлений. Исследователи рассматривают оценку потребностей как процесс поиска, сбора, ранжирования и анализа данных, информационных комплексов о состоянии нужд, жизненной ситуации, обстоятельств определенных акторов «с целью определения видов и объемов услуг, их влияния на процесс преодоления сложных жизненных обстоятельств» [1].

Представляется, что интегрированная оценка потребностей социальных групп должна осуществляться и по параметрам анализа совокупных нужд социума, и в рамках диагностики системы потребления, ценностей, норм, реализации трудовых потребностей функционирования и развития, диагнос-

тики социальной капитализации человеческого потенциала личностей, анализа процесса превращения потенциальных свойств социума в культурный капитал.

Условно социологические теории, направленные на исследование проявлений и оценки потребностей, можно группировать по следующим направлениям: традиционные социологические концепции; социокультурные теории и деятельно-поведенческие парадигмы.

Первое направление – традиционные социологические концепции исследования социальных потребностей и их оценки. В традиционных социологических исследованиях человеческий потенциал и системные социальные потребности акторов рассматриваются в качестве единого комплекса, характеризующего социальный ресурс всякой организационной системы.

Исследователи доказывают, что сегодня уже несостоятельно представление экономистов о том, что человек реализует свои потребительские стратегии исходя из потребности в разумном использовании имеющихся ресурсов. Современный человек предпочитает демонстрировать престижный стиль потребления. Подобный стиль потребления в новых условиях – это система «нерационального» использования имеющихся у человека ресурсов. Население часто идет на покупку не только нужных, но и ненужных благ, а также услуг ради поддержания престижа в социуме. «При этом, однако, подобное поддержание престижа – не прихоть, а довольно жесткая социальная норма для определенной группы населения, нередко весьма обременительная экономически, по крайней мере для ее менее обеспеченной части. «Оставаться голодным, но прилично одетым» – подобный выбор можно считать рациональным, но его связь с мерками индивидуальной или общественной полезности окажется не столь очевидной» [2, с. 90].

Следовательно, потребление преимущественно представляет систему удовлетворяемых потребностей, хотя и имеются некоторые отклонения от данного принципа. Потребление в новых условиях в целом является системой «отношений по поводу использования продукта в процессе удовлетворения социально-экономических потребностей населения. Общественное потребление условно можно представить как своеобразное отрицательное производство, ведь в процессе общественного потребления происходит уменьшение или уничтожение полезности произведенного материального и духовного продукта» [3, с. 79]. Потребление отражает качественные характеристики потребностей, которые по существу удовлетворяются наличными ресурсами и услугами. Оно, в свою очередь, становится отражением платежеспособных потребностей, превращающихся в «удовлетворенные, когда на рынке есть достаточное количество товаров и услуг, соответствующих по своим потребительским свойствам требованиям покупателей. В противном случае они остаются неудовлетворенными. Между абсолютными, действительными, платежеспособными и удовлетворенными потребностями существует определенная взаимосвязь» [4, с. 25].

Таким образом, в рамках традиционных социологических исследований социальные потребности рассматриваются как сложный комплекс совокупных нужд человека и потребительских предпочтений. Исследование и оценка социальных потребностей здесь осуществляется по прямым показателям – измене-

ние социальных нужд личности (в чем человек нуждается), а также по косвенным показателям – изменение социального потребления (ранжируются победившие потребности, трансформирующиеся в системе потребления личности).

Оценка потребностей человека и системы его потребления представляет единый процесс. При осуществлении оценки потребностей человека важно рассматривать их реализуемую форму в виде дифференциации системы потребления личности. В рамках традиционных исследований недостаточное внимание уделяется социокультурному, а также деятельно-поведенческому аспектам исследования проявления социальных потребностей. Деятельное выявление и социокультурная оценка социальных потребностей в рамках проанализированных теорий учеными не осуществляется.

Представителями социокультурного направления в исследовании методов оценки потребностей являются Т. Баландина, П. Бурдые, Р. Будон, М. Крозье, Г. Саймон, Л. Логинова. В рамках данного направления обосновывается проявление и возможность диагностики потребностей в системе ценностей и интересов акторов. Существует гипотеза, согласно которой важнейшие косвенные показатели оценки потребностей – это не только ценности субъектов, но и интересы, которые интерпретируются как заинтересованность в удовлетворении своей нужды (потребности), росте своего достояния. На практике потребности и потребление сложны и многогранны. Стили потребления в целом отражают потребительские приоритеты населения, но в то же время можно обнаружить и отличия в проявлении данных явлений. В разных странах обнаруживаются различные взаимосвязи потребления и потребностей населения. Такие различия обосновываются тем, что потребности трансформируются в потребление через сложную систему отношений. Так, П. Бурдые отмечает, что потребительная деятельность предшествует процессу реализации совокупности вкусов социума. Одновременно вкусы основываются на «хабитусе» комплексов группового мышления, понимания, восприятия, представления, оценивания. Оценивание групповых потребностей может осуществляться в контексте анализа социальных традиций, знаний, культуры, образовательных предпочтений [5, p. 171].

В. Дильтей доказывает, что потребности отражают существующие потребительские социокультурные практики. При этом разные социальные потребности, как и различные организационные системы в обществе, формируются из живой целостной человеческой души «и не могут быть поняты иначе, как из этого же источника» [6, s. 148]. Люди, реализуя социальные действия, стремятся к удовлетворению личных, групповых, организационных и общественных потребностей, к достижению социальных интересов, поэтому логичен вывод о том, что оценка социальных потребностей может и должна осуществляться в рамках реализации социокультурных целей человека, анализа процесса достижения социальных интересов работника, отдельных трудовых групп, социальной организации в целом. Т. Баландина обобщает и конкретизирует социокультурный концептуальный подход, акцентируя внимание на том, что ценности являются косвенным показателем социальных потребностей. В связи с этим не только нужда человека в чем-либо представляет собой показатель потребностей, но и его ценностные приоритеты, мотивация, цели, интересы [7].

Таким образом, в рамках социокультурного подхода социальные потребности представляют собой культурное богатство человека, оцениваются в виде ранжирования социокультурных ценностей и необходимы преимущественно в запасе знаний, умений, навыков, способностей, деятельной реализации актора социального взаимодействия. Здесь человек – это субъект, имеющий определенную систему социальных норм, принципов, ценностей, представлений и потребностей в социальном взаимодействии, реализующий социальную целевую деятельность, направленную на удовлетворение потребностей, подчиняясь социальным правилам. В социально-культурологических доктринах люди в современном мире рассматриваются в качестве субъектов, характеризующихся прежде всего социокультурными нуждами. Последние удовлетворяются в процессе социального взаимодействия акторов, выступающих в роли агентов такого взаимодействия. При этом невозможно рассматривать человека как винтик, часть социальных часов, механически действующих в соответствии с социальными законами. Современные субъекты на основе собственных потребностей, ценностей, норм реализуют собственные интересы, самостоятельно разрабатывают и осуществляют свободную социальную деятельность, поэтому выдвигается гипотеза, согласно которой важнейшими косвенными показателями потребностей выступают не только ценности, но и интересы человека.

По сути, в соответствии с социально-культурологическим подходом предлагается рассматривать потребности как ценностные потребительские проявления человека, обосновывая взаимосвязь социальных потребностей и интересов социума. В целом социальные интересы характеризуют и могут трактоваться как показатели оценки развития социальных потребностей. Всякие человеческие потребности и интересы связывают акторов в процессе совместных действий, поэтому данные категории имеют четко выраженное социальное проявление. Важны выводы исследователей в этой области о том, что социальные потребности, как и социальные интересы, структурно должны разделяться на несколько групп. Важнейшая группа – социально-экономические потребности, в той или иной степени связанные с трудовой деятельностью, отношениями собственности, а также хозяйственной деятельностью акторов. В результате анализа социокультурных концепций можно сделать вывод о том, что потребности должны оцениваться не только в рамках комплекса нужд, ценностей и интересов личности, но и в контексте деятельно-поведенческих принципов ее реализации. Конкретизацию и уточнение данного подхода находим в рамках деятельно-поведенческой концепции социальных потребностей.

Деятельно-поведенческий подход содержит методологические теоретические принципы современной социально-экономической теории социальных потребностей. Здесь потребности являются структурным компонентом человеческого капитала. Отсюда потребительная форма человеческого капитала может рассматриваться как показатель развития потребностей субъектов труда [8, с. 31]. Развитие потребности к труду приводит к формированию «у каждого сотрудника понимания сущности и значения мотивации в процессе труда; формирование у каждого руководителя демократических подходов к управлению персоналом с использованием современных методов мотивации» [9, с. 144]. М. Вебер в связи

с этим констатирует, что общая социальная оценка работников является специфичной на разных уровнях хозяйствования. В контексте анализа потребностей предлагается исследовать все аспекты социального действия человека [10, с. 602]. Обращается внимание на необходимость учета всего аспекта результативности трудового взаимодействия акторов.

В контексте деятельно-поведенческого подхода ряд исследователей анализируют оценку на уровне отдельной социальной организационной системы. Ими обосновывается теоретическое значение различных форм человеческого потенциала членов организации как показателя развития их потребностей. Потребности здесь характеризуют не только процессы восстановления потенциала организации, но и его саморазвитие, самопроизводство и самонакопление [11]. Оценка потребностей членов организации традиционно рассматривается в конкретных социологических прикладных исследованиях. Ученые-социологи в данном случае обосновывают необходимость достижения двойственных целей. Первая – научное раскрытие закономерностей функционирования и развития социальных потребностей членов организации. Вторая – разработка механизма проектирования и планирования дополнительных услуг, направленных на оптимизацию развития потребностей членов организации. По сути, оценку социальных потребностей на практике принято рассматривать как механизм повышения эффективности социальной политики, социального проектирования, а также планирования социальных услуг в обществе, регионе, отдельной организации. В целях преодоления представленных проблем и должна осуществляться эффективная оценка потребностей членов отдельных социальных организаций общества.

Таким образом, в рамках деятельно-поведенческого подхода социальные потребности представляют собой начальную предпосылку и цель деятельности человека. Показатели деятельности являются косвенными параметрами оценки потребностей человека. Деятельность, с одной стороны, направлена на удовлетворение потребностей, с другой стороны, отражает практики удовлетворения социальных потребностей, но в то же время в самом абстрактном виде характеризует структуру социальных потребностей акторов. Рост потребностей необходимо увязывать с саморазвитием человеческого капитала, поэтому структурно потребности можно рассматривать в рамках процесса формирования социально значимых (капитальных) качеств работников. Здесь потребности отражают и физический комплекс (общие потребности), обеспечивающий воспроизводство здоровья человека, и духовные потребности, удовлетворение которых обеспечивает рост интеллектуального и образовательного человеческого капиталов.

Несложно выявить связь процессов развития потребностей и формирования человеческого капитала. Представляется возможным оценивать социальные потребности как предпосылку и нецелевую форму человеческого капитала. Социальные потребности в данном контексте должны включать потребности (нужду) в образовании, труде, управлении, взаимодействии. Их удовлетворение способно создать условия целевого роста образовательного, интеллектуального, профессионального, управленческого человеческого капиталов. Одновременно удовлетворение потребностей рассматриваемой группы в целом создает предпосылки и реализует духовное совершенствование человека, что обеспечивает

воспроизводство высших образовательных форм человеческого капитала. Именно саморазвитие потребностей, накопление их в виде внутренней силы человека способствуют развитию хозяйственных комплексов общества, повышению эффективности экономики, а значит, и повышению качества всей системы жизнедеятельности социума.

Таким образом, оценка потребностей предполагает выявление развития указанного явления. Характеристика потребности должна осуществляться с учетом обоснования различия проявления потребностей в текущем и будущем периоде некоторого ожидания. Ожидания изменения потребностей связаны не только с трансформацией практик поведения акторов, но и с изменением норм, стандартов, форм взаимодействия субъектов. Также важно учитывать состав исследуемой группы населения. Ясно, что исследование потребностей детей, подростков, молодежи, работающего населения, пенсионеров должны иметь несколько различные подходы и методические принципы.

Изучение различных методологических подходов к проблеме проявления и оценки потребностей позволяет сделать следующие выводы. Разные научные социологические школы с различных позиций рассматривают показатели оценки социальных потребностей, в то же время имеются общие принципы. Все подходы основаны на общей базе социологической оценки изменения нужды человека в определенных духовных и материальных благах. Авторы связывают формирование индивидуального интереса с проявлением групповых потребностей личности, формирование коллективного (организационного) интереса с коллективными (организационными) потребностями организационных структур.

При этом система косвенных показателей имеет существенные различия. Каждая из представленных групп концепций с различных сторон анализирует и представляет косвенные показатели развития потребностей социальных групп. Общей системы интегрированной оценки потребностей социума в современных условиях в социологической литературе не существует. Необходимо разработать интегрированный подход к оценке социальных потребностей отдельных групп населения.

Интегрированная оценка потребностей социальных групп должна осуществляться как по параметрам анализа совокупных нужд социума, так и в рамках диагностики системы потребления, ценностей, норм, реализации трудовых потребностей функционирования и развития, диагностики социальной капитализации человеческого потенциала личностей, анализа процесса превращения потенциальных свойств социума в культурный капитал. Оценка социальных потребностей должна сочетать прямые и косвенные методы оценки потребностей через социологический опрос по вопросам социальных нужд и изменений потребления, а также процессов реализации трудовых потребностей функционирования и развития. В новых условиях потребности человека – это прежде всего сложная социологическая категория, раскрывающая нужды, реализуемые потребности и потребительные (капитализирующиеся) способности определенной группы индивидуумов.

В интегрированном контексте оценка потребностей человека должна осуществляться на следующих взаимосвязанных и взаимозависимых уровнях.

На первом уровне – оценка нужд социальных групп и их потребительских предпочтений. Исследование по основному (прямому) показателю – изменение биологических и социальных нужд личностей. Анализ биологических нужд индивидов: потребности в питании, одежде, жилье. Анализ социальных нужд индивидов: потребности отстаивать свои личные права; выполнять свои социальные, экономические, политические обязанности по отношению к обществу, социальным общностям, отдельным группам людей; в социальной безопасности, независимости и свободе, борьбе с агрессором, достижении мира; в труде. Исследование по косвенным показателям – изменение социального потребления и дифференциации системы потребления личностей (уточнение «победивших» (удовлетворяемых) потребностей), а также трансформаций в системе потребления социальных групп.

На втором уровне – исследование по косвенному социокультурному показателю: социокультурные ценности и необходимость в получении знаний, умений, навыков, интеллектуальных способностей, активной социальной деятельности и социальном взаимодействии.

На третьем уровне – исследование по косвенному деятельно-поведенческому критерию: реализация трудовых потребностей функционирования и развития. Диагностика социальной капитализации человеческого потенциала, процесса превращения потенциальных свойств социума в культурный капитал.

Библиографический список

1. Оценочные исследования. Социальная оценка потребностей. URL: http://kodeksy.com.ua/ka/dictionary/o/otsenka_potrebnostej.htm
2. Радаев В. Экономическая социология. М., 2000.
3. Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Экономическая социология. Саратов, 2012.
4. Потребности, доходы, потребление. М., 1988.
5. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London, 1984.
6. Dilthey W. Gesammelte Schriften. Leipzig; Berlin, 1925. Bd. 5.
7. Баландина Т.М. Социальный механизм управления развитием организационной культуры // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2012. № 2.
8. Фитц-енц Як. Рентабельность инвестиций в персонал: измерение экономической ценности персонала. М., 2006.
9. Максимцов М.М., Игнатьева А.В. Менеджмент. М., 1998.
10. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
11. Preteceille E., Terrail J.-P. Capitalism, Consumption and Needs. Oxford, 1985.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

A.G. Kuznetsov
Walter Bagehot, as a Founder
of Political Sociology

The survey of autobiographical information and main stages of Walter Bagehot's work is presented. His impact in formation and development of political sociology is highlighted. The fundamental works of this representative of classical socio-political idea are introduced into the discourse of native sociological science, their key methodological principles, theoretical and practical perspective are considered.

Key words and word-combinations: the history of sociology, political sociology, methodology, social theory.

Представлен обзор автобиографических данных и основных этапов творчества Уолтера Бэджгота. Освещается его вклад в становление и развитие политической социологии. В дискурс отечественной социологической науки вводятся фундаментальные работы представителя классической социально-политической мысли, рассматриваются их ключевые методологические принципы, теоретическая и практическая перспектива.

Ключевые слова и словосочетания: история социологии, политическая социология, методология, социальная теория.

УДК 316(091)
ББК 60.51

А.Г. Кузнецов

УОЛТЕР БЭДЖГОТ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Современная политическая социология – обширная, динамично развивающаяся область социального познания, отличающаяся не только разнообразием концепций, методов исследования, понятийно-категориального аппарата, но и спецификой теоретико-мировоззренческих позиций ученых, благодаря которым она утвердилась и стала эволюционировать в качестве самостоятельной научной дисциплины [1, с. 190]. К их числу в мировой социологии по праву относится английский ученый Уолтер Бэджгот, творчество которого остается малоизученным отечественными историками социологии и освещается в работах прошлых лет фрагментарно, преимущественно в справочной литературе, как правило, в рамках критического анализа немарксистских социологических теорий [2–4]. Обзор основных вех творчества У. Бэджгота поможет глубже представить масштаб личности этого известного представителя социально-политической мысли XIX в. и обратить внимание исследователей на его научное наследие.

Этапы творчества, основные идеи и биографические данные Уолтера Бэджгота достаточно широко представлены в зарубежной энциклопедической литературе по общественным наукам [5–7]. Он родился в 1826 г. в Англии в семье банкира. С высшими отличиями закончил Лондонский университетский колледж и, получив квалификацию адвоката, вернулся в семейное банковское дело. В 1858 г. он становится президентом редакционного комитета лондонского журнала «Экономист» и фактически является руководителем этого влиятельного научно-популярного издания. Как отмечает в своей автобиографии один из основоположников классической социологии Герберт Спенсер [8, р. 69], долгое время проработавший в редакции «Экономиста», с приходом Бэджгота этот журнал стал своеобразной социальной лабораторией, где анализировались ведущие социально-политические процессы современности. Здесь публиковались статьи по острым политическим проблемам общества, затрагивающим вопросы власти, международных отношений и внутренней политики, а также рассматривались специальные темы, касающиеся теории и методологии общественных наук. По мнению Спенсера, на протяжении десятилетий Бэджгот выступал как публицист, пытавшийся при оценке актуальных явлений политической жизни апеллировать к арсеналу социологических знаний.

Диапазон социологических интересов Бэджгота весьма широк. С точки зрения британских энциклопедистов [9, р. 99–101], в его творчестве тесно сочетались идеи социологического эволюционизма, натурализма, органицизма, психологизма, имеющие наивысший авторитет в общественных науках конца XIX – начала XX в. Теоретически этот комплекс идей тяготел к установкам эволюционной социологии и использовался для обоснования принципов либеральной демократии, основанной на социально-политических механизмах естественного равновесия. Бэджгот многое сделал для интеграции данных установок и принципов, в частности синтеза взглядов Г. Спенсера, Ч. Дарвина, О. Конта. Его концептуальные построения послужили основой для создания так называемой «эволюционной этики» – либерального течения, ставящего своей задачей обосновать, что только общества, допускающие известную степень интеллектуальной свободы, открывают путь социальным вариациям – материалу, из которого строится социальная эволюция, возможная лишь благодаря расширению сферы свободного индивидуального выбора, не подлежащей вмешательству государства. К числу основных социальных вариаций он относил научные открытия, инновационные технологии, новые политические институты, мерой эволюционной ценности которых считалась их социальная полезность. Эти построения имели целью доказать, что естественный отбор по критерию социальной полезности демократических институтов и соответствующей политической практики – гарантия эволюционного прогресса и что либеральный взгляд на общество научно обоснован.

Эволюционная этика Бэджгота – это основанное на методах и средствах естественных наук системное описание наблюдаемых фактов непрерывного процесса социальной интеграции и дезинтеграции, приводящего в конечном итоге к равновесию в общественном развитии. Фундаментальной чертой указанного методологического подхода является идея эволюции как единственно-

го социального процесса, дающего правильное, связанное и удовлетворительное понимание о всеобъемлющем развитии человека в обществе. Подчеркивая универсальный, поступательный и всеобъемлющий характер социальной эволюции, Бэджгот отвергал любые попытки революционной реорганизации общества, видя в такого рода деструктивной деятельности разрушение природной определенности, противоестественное нарушение закона о том, что эволюция следует линиям наименьшего сопротивления по направлению совершенствования человека и общества. Амелиоризм – философия постепенного улучшения общественной жизни, которую последовательно разрабатывал Бэджгот, является неотъемлемой частью социального кредо викторианского либерализма, получившего широкое распространение во многих англосаксонских странах. Согласно мнению экспертов, политическая прагматичность его методологического подхода как раз и заключается в том, что он связывает теорию социального познания с практическими задачами проведения общественных реформ, исходя из совокупности ценностей идейно-политических учений либерализма [10, с. 110].

Концепцию социальной эволюции Бэджгота часто называют эмпирической, сравнительной, исторической социологией [11, с. 225]. Занимаясь разработкой теории общества и его институтов, ученый пытался синтезировать обширный эмпирический материал из этнографии, религиоведения, психологии, антропологии, экономических исследований, определяя социологию как универсальную науку о человеке, стремящуюся понять социальную жизнь в ее целостности и развитии. Чтобы сделать наглядным и иметь возможность измерить процесс социального развития, Бэджгот ввел в научный оборот социологии ряд определенных эмпирических критериев. Существенным измерением социального развития он считал переход от общества, где личность целиком подчинена социальному целому, к такому состоянию, при котором социум служит составляющим его индивидам. В связи с этим значительная часть его трудов была совершенно четко направлена на исследование соответствующих политических практик на определенных этапах развития общества.

Вместе с тем наибольшую известность Бэджготу принесли труды, посвященные различным аспектам социологического анализа политики и государства. Первые работы Бэджгота в данной области вышли, когда ему было 22 года. На взгляд современников [12, р. 221], наиболее ярко его способности социолога-исследователя политической сферы жизнедеятельности общества проявились в «Письмах о французском государственном перевороте» (1852), где Бэджгот попытался обосновать связь между политическими и экономическими институтами в социокультурном контексте. В качестве формы проводимого анализа автор избрал эссе, посвященные выдающимся политикам и государственным деятелям. Бэджгот исходил из индивидуальности политического лидера, выстраивая концепцию исследования не вокруг проблем, а вокруг имен. Его ведущая мысль – политическое лидерство проистекает из способности политика устанавливать ответственные и двусторонние взаимоотношения с электоратом с учетом нюансов изменений в социальной стратификации слоев, составляющих изменчивый базис политических интересов. Основные темы социологической рефлексии политической жизни возникают, следовательно, в индивидуальной аранжировке, делая творчество Бэджгота уникальным, персонифицированным.

К числу классических трудов зарубежной хрестоматийной литературы по политической социологии [13, р. 45] относятся монографии У. Бэджгота «Английская конституция» (1865–1867) и «Физика и политика» (1872). В первой работе он представил результаты социологического анализа политической системы Великобритании. Автор исследует проблемы принятого в то время разделения властвующих субъектов на власть короля, палаты лордов, палаты общин и предлагает ввести для преодоления этих проблем новые элементы системы правления: «почетный» (парламентская монархия и ее антураж) и «активный» (реально функционирующий кабинет министров). Кабинет министров при этом принимает достаточно гибкую, республиканскую, форму правления, которая скорее воплощает идею слияния, нежели разделения властей. В этом смысле монография Бэджгота, появившаяся после окончания Гражданской войны в Америке, содержала инновационные элементы сравнительного анализа президентской и парламентской республик. Автор отдает предпочтение парламентаризму, критикуя однако американскую политическую систему, считая ее слишком жесткой, создающей постоянные центробежные силы и тупиковые ситуации, возникающие вследствие разделения трех типов властей, борьбы полномочий штатов и федерального правительства. Главное достоинство такой системы, по его мнению, – наличие главы исполнительной власти, интегрирующей основные принципы политического устройства.

Исходя из проведенного исследования, Бэджгот характеризует Англию как уникальный случай политического театра, воздействующего на общественное сознание не только посредством «предписанного свыше» статуса монархии, но и «демократически заданного» ролевого набора парламентских институтов. В данном контексте политика рассматривается им как род нечестной игры, которой занимаются люди с непомерными амбициями и неудержимой жадностью славы, стремящиеся не столько облагодетельствовать других, сколько возвыситься над ними, то есть обрести власть над себе подобными. Изучая власть, формы и методы ее функционирования и распределения в государственно организованном обществе, Бэджгот одним из первых внес в исследование политики такие используемые социологией понятия, как актер, роль, статус, позиция, значительно повлияв на развитие структурного функционализма в политической социологии.

В монографии «Физика и политика» представлен концептуальный социологический анализ развития политики в контексте эволюции человеческого общества. Автор выделяет три этапа этого процесса:

- «подготовительный век», связанный с зарождением разнообразных форм политической жизни в исторически сформированных общественной практикой устойчивых социокультурных архетипах;
- «сражающийся век», обусловленный политическим противостоянием, конфликтами и борьбой ведущих держав за мировое господство;
- «век дискуссий», сопровождаемый поиском консенсуса и трансформацией политики в соответствующие идеологические модели, ставшие ядром различных социально-политических систем.

Рассматривая данные этапы, автор пытается понять логику многовековых

социально-политических процессов, которая предопределяет неизбежность грядущих перемен, и осмыслить проблемы современного миропорядка в главных составных частях и закономерностях. Согласно Бэджготу, целенаправленно развиваясь, человеческое общество последовательно проходило разные стадии совершенствования своего политического устройства, характер которого определяется культурно-историческими факторами. Методология его политических прогнозов основана на положении о том, что главными субъектами процесса развития политики всегда – с древнейших времен – являются этносы: нации и народы, а также их широкие совокупности, взаимодействие которых и определяет политическую карту мира в каждый конкретный исторический период. Как следствие, Бэджгот осуществляет периодизацию процесса развития политики в государственно организованном обществе в корреляции с изучением реального политического сознания, интересов и поведения социальных групп, этнических общностей и их организаций.

Известный историк мировой социологической мысли Раймон Арон отмечает [14, р. 120–132], что своими работами Бэджгот во многом предвосхитил появление политической социологии в ее современном понимании. Его труды создали предпосылки для выделения политики в качестве самостоятельного объекта социологического анализа и ее всестороннего теоретико-методологического осмысления. Демонстрируя в своих исследованиях прогрессивные научные воззрения, Бэджгот подчеркивает как сложность самой политической жизни, так и возможность ее различных концептуальных толкований. Центральные концепции и понятия общей социологии – институционализация, социальная дифференциация, социальная эволюция и социальное развитие – политизируются и преобразуются в инструменты анализа политики. В сфере политики выделяются проблемы, которые в дальнейшем изучаются политической социологией как отраслью социологического знания. К ним относятся исследование типов политического лидерства, анализ моделей политического поведения и решений, механизмов обеспечения политического влияния. Многие его работы сохраняют свою актуальность и сегодня, позволяя рассматривать политику в перспективе анализа социальной структуры и социальных институтов, комплекса социально-политических процессов, норм и отношений. Все это создает надежную методологическую базу изучения политики через ее взаимодействие с социальной сферой и одновременно основу для становления и развития политической социологии как относительно автономной области социальной науки.

Библиографический список

1. Валлерстайн И. Наследие социологии, будущее социальной науки // Хрестоматия по общей социологии / сост.: В.П. Култыгин, А.Г. Кузнецов. М., 2004.
2. История буржуазной социологии XIX – начала XX в.: словарь. М., 1979.
3. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М., 1989.
4. Современная западная социология: словарь. М., 1990.
5. International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968.
6. The Social Sciences Encyclopedia / ed. by A. Kuper. L., 1996.
7. The Sociological Encyclopedia. N.Y., 2012.
8. Spencer H. Autobiography. L., 1898.
9. The new encyclopedia Britannica. Cambridge, 2010.

10. Култыгин В.П., Кузнецов А.Г. Общая социология. М., 2004.
11. Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
12. Bucle H. The history of civilization in England. L., 1900.
13. The Political Reader of the Social Sciences. N.Y., 2011.
14. Aron R. Bagehots political theories of social evolution // American Journal of Sociology. 1973. № 10.

E.V. Gracheva

**The Notion of Communicative
Values in Social-Philosophical
Research**

The article defines the phenomenon of communication and gives the analysis of the axiological aspects of communication. The philosophical status of the notion of communicative values is studied. Imperative meanings and conditionality of communication in modern society are identified.

Key words and word-combinations: the risk society, communication values, communication processes, the subject of communication.

Определяется феномен коммуникации, дается анализ ценностных аспектов коммуникации. Исследуется философский статус понятия коммуникационных ценностей. Выявляются императивные смыслы и обусловленности коммуникаций в современном обществе.

Ключевые слова и словосочетания: общество риска, коммуникационные ценности, коммуникационные процессы, субъект коммуникации.

УДК 316.77

ББК 60.84

Е.В. Грачева

**ПОНЯТИЕ
КОММУНИКАЦИОННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ
В СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ**

Актуальность исследования ценностного аспекта коммуникации в обществе риска обусловлена необходимостью осмыслить состояние, эволюцию и перспективы коммуникации современного человека, открытого к взаимодействию с различными субъектами коммуникации. Коммуникация выступает важнейшим элементом механизма достижения значимых результатов в деятельности человека после подготовки необходимых материальных и интеллектуальных ресурсов. Открытость к взаимодействию с другими субъектами, с одной стороны, предполагает ориентацию на определенные нормы и ценности, способствующие формированию совместной деятельности, но, с другой стороны, такая открытость создает коммуникационные риски. Будучи настроенным на восприятие нового и необычного, человек может попасть в ситуацию неопределенности, хаотического смешения инновационного и традиционного, требующую осмысления должного и императивного.

Такая открытость и неопределенность характерна для общества риска. Общество риска, в свою очередь, создает соответствующие условия, когда человек имеет для выбора множество вариантов развития, при этом теряя стабильные ценностные ориентиры, способность адекватно оценивать последствия своего движения. В связи с этим феномен коммуникации становится особой ценностью, или, как называет его М. Вебер, своеобразным «интересом эпохи» информационного общества, проблемой, без решения которой невозможно добиться успеха.

Необходимость философского осмысления аксиологического аспекта коммуникации вызвана риском потери смысложизненных ориентиров, попаданием человека в ситуацию абсурда коммуникации. В современном обществе происходит усиление роли науки, рационализации, но в то же время – разрушение осознанной систематизации ценностей субъекта общественных отношений. Коренным образом изменяется ценностная система ориентаций в обществе. Ценности коммуникаций советского общества с присущими ему установками коллективизма, сотрудничества, солидарности, патриотизма сменяются ценностными доминантами индивидуализма, конкуренции, либерализма. Смысл проблемы абсурда коммуникации состоит не в том, что одни из них «хуже» или «лучше», а в том, что простая волюнтаристская замена одних ценностей другими осуществляется только на уровне политического сознания. На деле и те, и другие ценности сохраняются в своем противостоянии, дезориентируя деятельность субъекта.

Специфика и достаточная эффективность ценностей советского общества состояла в том, что они воспринимались как универсальные, наднациональные и надрелигиозные. Построение новой системы коммуникации предполагает и возрождение различных традиционных универсальных ценностей коммуникации, и включение религиозных и национальных ценностей, и ориентации на ценности коммуникации информационного общества.

Коммуникация является особым видом деятельности, что дает основание для выделения коммуникативных ценностей как особого вида ценностей наряду с нравственными, эстетическими, политическими, экзистенциальными, религиозными и другими. Обширное многообразие коммуникаций выступает одной из наиболее значимых и сущностных особенностей современного общества, связывающих его в своеобразный тип социальной целостности. Особое значение феномен коммуникации приобрел в условиях постиндустриального развития. Возникновение телекоммуникационных технологий расширили коммуникационное пространство человека и усилили коммуникационные процессы. В процессе коммуникации происходит приобщение людей к ценностному сознанию другого человека и общества в целом. Коммуникация, таким образом, позволяет пережить и осмыслить общность ценностей.

В последние десятилетия было выполнено значительное количество философских исследований феномена коммуникации. Авторы анализируют онтологический, гносеологический и аксиологический аспекты коммуникации. Аксиологический аспект затрагивался в исследовании Ю.И. Мирошникова [1], написанном в русле философской антропологии и философии культуры, работе по социальной философии Н.В. Гоноцкой [2], монографии И.В. Стекловой [3], посвященной проблемам философии науки и онтологии.

Ю.И. Мирошников развивает аксиологическую концепцию исследования коммуникации, исходя из иерархического понимания всех феноменов культуры. Следует согласиться с автором, что «ценностная структура общественного и индивидуального сознания – устойчивое образование, дающее о себе знать на всем протяжении человеческой истории. Она выступает конституирующим началом духовной жизни, помогает организовать духовную жизнь общества в единое целое...» [1, с. 36]. При этом иерархия культуры видится в делении на «верх» и «низ» и анализе вертикальной коммуникации.

Н.В. Гоноцкая обнаруживает аксиологический аспект коммуникации в рассмотрении коммуникации как высшего блага в платоновском смысле, «то есть как то, благодаря чему вообще существует что бы то ни было» [2, с. 55]. Автор понимает коммуникацию как высшую ценность, опираясь на определение коммуникации в качестве способа бытия в мире в целом.

Как представляется, сущность аксиологического рассмотрения коммуникации определяется тем, что любые коммуникационные взаимодействия включают процессы оценки и целеполагания, подразумевают осознанную или бессознательную ориентацию субъекта коммуникации на те или иные ценности. Существуют различные определения ценностей. По мнению В.П. Тугаринова, «ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также – идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [4, с. 11]. Ж.-П. Сартр связывает ценности со смыслами, утверждая, что ценность есть не что иное, как выбираемый смысл [5, с. 32].

В некоторых исследованиях ценности справедливо определяются прежде всего со стороны социальной составляющей. Так, М. Вебер рассматривает ценность как объективное и общезначимое суждение, которое выходит за рамки индивидуального сознания; ценность выступает в качестве своеобразного «интереса эпохи». Коммуникация, включающая ценностные установки и ориентации, становится особым интересом эпохи.

Достаточно конструктивным в связи с этим представляется определение, согласно которому «ценность есть отношение, которое обладает определенной жизненной значимостью для данного социального субъекта, то есть способностью удовлетворять его потребности и интересы» [3, с. 11]. Существуют различные виды ценностей, каждому из которых в определенной степени присущ коммуникативный аспект. В первую очередь, это высшие, абсолютные ценности: добро, зло (как отрицательная ценность), высшее благо, истина. Высшие, абсолютные ценности никем не устанавливаются, они просто существуют, как и объективные законы общественного развития, выступают в качестве моральных регуляторов общественной жизни. Сознание человека не участвует в их установлении, поэтому попытки отождествления высших ценностей с общечеловеческими можно считать неудачными. Общечеловеческими признаются ценности доминирующей цивилизации, представленные как всеобщие и универсальные. Выделяются также ценности нравственные, эстетические, политические, экзистенциальные, но особая роль в обществе принадлежит собственно коммуникационным ценностям.

Коммуникационные ценности возникают в процессах коммуникации. До настоящего времени таковые рассматривались обычно в работах по речевым коммуникациям. Для целей их философского исследования исходим из авторского понимания коммуникационных ценностей как определенных отношений и их объективаций, обладающих смыслом и духовной значимостью для данного индивидуального или общественного субъекта и ориентирующих его на удовлетворение духовной составляющей его потребностей, интересов и целей через взаимодействие с другими людьми. Коммуникационными ценностями являются отношения согласия / разногласия, понимания / отчуждения, доверия / недоверия, симпатии / антипатии, экзистенции, толерантности, самоидентификации.

Любая ценность выступает двояким отношением: с одной стороны, это отношение субъект-объектное, возникающее между оценивающим субъектом и объектом ценности. Не случайно М.С. Каган подчеркивает: «Ценностное отношение дедуцируется, следовательно, из системно-понимаемой деятельности людей как ее специфический и необходимый аспект – выявления значения объекта для субъекта» [6, с. 65]. Социальные явления и процессы получают статус ценного, включаясь в систему субъект-объектных ценностных отношений. С другой стороны, это субъект-субъектное отношение, связь одного субъекта через значимость оцениваемого объекта с другим субъектом. Коммуникация также является субъект-субъектным отношением, поскольку она предполагает соучастие субъектов.

Рассуждая о коммуникации, мы прежде всего имеем в виду человеческую коммуникацию. Термин человеческой коммуникации был введен Д. Рисне, определившим ее как социальное взаимодействие, происходящее посредством передачи сообщения. В этом же контексте коммуникацию понимает В.В. Рябухина. С ее точки зрения, коммуникация – это прежде всего «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации как в межличностном, так и в массовом общении по разным каналам при помощи различных вербальных и невербальных коммуникативных средств» [7, с. 14]. Такое понимание коммуникации носит в большей степени культурологический характер и относится к сфере общественного сознания.

По нашему мнению, коммуникация – это связь, имеющая какой-либо ценностный характер и смысл и включающая обмен информацией. Смыслы задаются прежде всего обществом и распознаются человеком, а связи понимаются в веберовском варианте с обязательным наличием целеполагающей деятельности человека. Любая связь с необходимостью включает обособленность, поскольку при полном тождестве предметов или субъектов связь между ними исключается. Одним из наиболее наглядных примеров диалектики связи и обособленности в процессах коммуникации выступает ценность самоидентификации. Самоидентификация и знание собственных характеристик необходимы для полноценной коммуникации и предполагают осмысление обособленности субъекта социальных отношений от других субъектов в рамках данного контекста реальности.

Основной целью коммуникации является взаимопонимание, предполагающее раскрытие сложной и многомерной структуры смыслов, опредмеченных в системе общественных отношений. Целями коммуникации могут также выступать установление согласия, поиски оснований совместного существования, самоидентификация субъектов и т.д. Возможно выделить определенные формы ком-

муникации: диалог, дискуссия, монолог, исповедь. Так, монолог в рамках референтного общения становится проявлением обособленности и направленности целей общения на выявление оснований и смыслов пространства коммуникации.

В аксиологическом плане коммуникация – действие, осуществляемое субъектом ценностного отношения. Можно рассуждать о структуре коммуникации, в которой ценностное отношение занимает определенное место. Социально-философский анализ позволяет обнаружить и исследовать основу ценностного объяснения и конструирования коммуникации в контексте ценностных установок и ориентаций социальных субъектов, понять антагонизм или гармонию интересов социальных субъектов, увидеть внутреннюю динамику коммуникаций в процессе жизнедеятельности общества.

Продуктивным выглядит также выделение научно-коммуникативных ценностей. К таковым может относиться научная рациональность, или научная дискуссия. Ю. Хабермас развивает теорию коммуникативного действия, в которой значительную роль отводит коммуникативной рациональности. Рациональность в его концепции рассматривается в качестве коммуникационной ценности. Концепция Ю. Хабермаса является не только теоретической моделью общества, но и социальным проектом, ориентированным на социальные преобразования, поиск новых ценностей общественной деятельности. Один из векторов его проекта – «радикализация критического самосознания индивида». Значительную роль философ видит в интересубъективной коммуникативной практике повседневности. Вступление личности в открытые дискуссии позволяет человеку реализовать творческое отношение к жизни, превращается в процесс формирования личности. В дискуссиях раскрываются личностные качества человека, проясняются для самого инициатора его жизненные установки, смыслы, идеи. В ходе обсуждения усиливается результативность выдвинутых идей, поскольку дискуссия вызывает синергетический эффект.

Проективная концепция Ю. Хабермаса считается одной из наиболее известных интерпретаций современного социума и его коммуникативных процессов. Исследование ценностей коммуникации мыслителем осуществляется в большей степени через анализ языка – формы общения и отражения социокультурных характеристик общества. Он выступает транслирующим средством понимания, истолкования и коммуникативной практики, средством передачи опыта, текстов и культуры в целом [8]. Основной массив социализации и социальной интеграции проходит через языковую артикуляцию, а координация и концептуализация деятельности общественных субъектов в политике, производстве и управлении происходит только через практику языка. Таким образом, с языком связаны основные формы коммуникации и не случайно он находится под непрерывным прессингом колоссальной идеологизации.

В текстах идеологических схем и клише, подчеркивает Ю. Хабермас, происходит отказ от здравого смысла в пользу идеологии, рассчитанной на манипуляцию сознанием человека и формирование стереотипных реакций. Формируется «внекоммуникативный язык», порождающий атомизированное общество. Чтобы избежать такого вектора развития, необходима критическая рефлексия содержания понятий, а также современная ясная и понятная интерпретация событий и их описаний. В процессе интерпретации следует произвести иден-

тификацию конструкторов сознания с содержанием социальных феноменов. Важную роль в актах социальной интерпретации играют традиции и опыт, опирающиеся на коммуникативные ценности, а также на высшие, «вечные» ценности, существующие в разных эпохах в исторически различных формах. Научная и философская рефлексия особенно необходима в анализе вопросов нравственности человека, его совести и убеждений, целей развития.

Критическая рефлексия как процедура выявления актуальных смыслов понятий и артикуляций коммуникативных ценностей, по сути, выступает в концепции Ю. Хабермаса как анализ открытых рациональных структур коммуникации. В качестве ценностной установки коммуникативного действия используются категории согласия и взаимопонимания. Мыслитель пишет: «Процессы взаимопонимания нацелены на достижение согласия, которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. Согласие невозможно навязать другой стороне, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя им: то, что явным образом производится путем внешнего воздействия, нельзя считать согласием. Последнее всегда покоится на общих убеждениях» [9, с. 200].

В то же время исходя из позиции Н. Лумана, можно добавить еще одну ценностную установку коммуникации. Коммуникация нацелена не только на достижение консенсуса, но также и на обозначение разногласия, поэтому «нет никакой настоящей необходимости считать стремление к консенсусу более рациональным, нежели стремление к разногласию. Это зависит только от темы и партнера. Разумеется, коммуникация без консенсуса вообще невозможна, но она невозможна также и без разногласия» [10, с. 26].

Следовательно, для анализа современного общества необходимо вводить в научный оборот понятие коммуникационных ценностей. Под коммуникационными ценностями здесь понимаются определенные отношения и их объективации, обладающие смыслом и духовной значимостью для данного субъекта и ориентирующего его на удовлетворение духовной составляющей его потребностей через взаимодействие с другими людьми. Главной целью коммуникации выступает взаимопонимание, предполагающее раскрытие многомерной структуры смыслов, опредмеченных в системе общественных отношений. В связи с этим исследование коммуникационных ценностей необходимо для понимания сути и основных смысложизненных ориентаций современного общества, определяемого как общество риска. Сегодня в обществе возникает ситуация абсурда коммуникации, смысл которого заключается в одновременном существовании противостоящих коммуникационных ценностей, воспринимаемых в общественном сознании в качестве равнозначных и задающих взаимоисключающие цели и установки деятельности общественного субъекта. Рациональная рефлексия как процедура выявления опредмеченных смыслов и значений коммуникационных ценностей позволяет определить возможности достижения общественного согласия и рационально мотивированного действия субъектов коммуникации.

Библиографический список

1. *Мирошников Ю.И.* Аксиологическая концепция социокультурной коммуникации: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000.

2. Гогоцкая Н.В. Самопознание личности как субъекта коммуникации: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006.
3. Стеклова И.В. Автономность и сингулярность в науке. Саратов, 2002.
4. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990.
6. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб., 1997.
7. Рябухина В.В. Коммуникация как предмет философско-культурологического анализа: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2007.
8. Фарман Т. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. М., 1999.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
10. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3.

**E.A. Grishina
Students' Forming Foreign
Communicative Culture
in Higher Educational
Institutions: Reflexive Aspect**

The author researches the issue of students' forming foreign communicative culture in higher educational institutions on the basis of reflexivity. The necessity of developing learners' self-consciousness and motivating to gain awareness of their intellectual processes is grounded. Different types of reflexivity are considered. The special attention is paid to the ways of training students to translate reflexivity into action and to find their own variants of problem solving.

Key words and word-combinations: cross-cultural communication, reflexivity, students, communicative culture.

Исследуется формирование иноязычной коммуникативной культуры студентов вузов с опорой на рефлекссию. Обосновывается необходимость развития самосознания обучающихся и мотивации осознанности их мыслительных процессов. Рассматриваются различные виды рефлексии. Особое внимание уделяется способам подготовки студентов переводить рефлекссию в действие и находить собственные варианты решения проблем.

Ключевые слова и словосочетания: межкультурная коммуникация, рефлексия, студенты, коммуникативная культура.

УДК 316.77
ББК 60.84

Е.А. Гришина

**ОВЛАДЕНИЕ
ИНОЯЗЫЧНОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ
КУЛЬТУРОЙ
СТУДЕНТАМИ ВУЗОВ:
РЕФЛЕКСИВНЫЙ АСПЕКТ**

Для решения задачи подготовки профессионалов, способных самостоятельно принимать решения, активно действовать, адаптироваться к изменяющимся жизненным ситуациям, необходимо использовать такой комплекс условий, который, по мнению О.В. Новичковой, обеспечит вовлечение каждого студента в процесс познания, применению полученных знаний на практике и четкому пониманию где, каким образом и для каких целей данные знания ему необходимы [1, с. 124–125].

Овладение иноязычной коммуникативной культурой – одно из необходимых условий, включающее в себя «не только способность общаться с людьми, которые имеют различные культурные ценности, лингвистические коды и модели поведения. Это касается спо-

способности в процессе коммуникации как бы сглаживать ваш культурный уровень по сравнению с культурными уровнями людей, вышедших из другой культурной среды» [2, с. 122]. Разрешение возникающего противоречия между необходимостью формирования иноязычной коммуникативной культуры и существующим недостаточным уровнем ее развития возможно при условии, что процесс обучения будет нацелен на участие студента в иноязычной коммуникативной деятельности. Данная деятельность в конечном результате предполагает, что будущий профессионал должен овладеть необходимыми способностями, например, такими, как перцептивные, моделирующие, оценочные, дискурсивные, стратегические, а также приобрести знание основополагающих культурных норм (языковых, речевых, внеязыковых), следование которым оптимизирует процесс иноязычной коммуникации.

Как считает В. Бокова, успешный участник процесса коммуникации должен уметь приспосабливаться и адаптироваться, быть мотивирован, обладать толерантностью, умением слушать собеседника. Однако для достижения более высокого уровня иноязычной коммуникативной культуры невозможно обойтись без рефлексии. Быть рефлексивным – означает быть способным критически размышлять о сложном непрерывном процессе овладения иноязычной коммуникативной культурой и анализировать результаты этого процесса, осуществлять самоконтроль, который подразумевает под собой способность студента ставить индивидуальные образовательные цели, осуществлять самоисследование, самонаблюдение, действия по самооценке.

Мы согласны с мнением Г.А. Балыкиной, утверждающей, что «наличие постоянной и последовательной обратной связи студентов с преподавателем, систематическое использование шкалы самооценивания позволяет перейти к стадии взаимооценивания, когда обучаемые участвуют в обсуждении результатов выполнения различных заданий, особенно докладов, деловых дискуссий, телефонных переговоров, мультимедийных презентаций, ролевых игр, интервью, деловых писем. Способность включать механизмы самоконтроля в процессе обучения является одним из условий успешной реализации речевой деятельности» [3, с. 114].

Одной из наиболее важных характеристик коммуникации является саморефлексия. Это означает, что человек во время коммуникации способен думать о себе самом, своих партнерах по коммуникации, сообщениях, которые они передают и получают, возможных результатах этих сообщений, причем в одно и то же время. Л. Самовар и Р. Портер описывают эту уникальную способность следующим образом: «Мы единственные существа, которые могут находиться с обеих сторон микроскопа в одно и то же время» [4, с. 19]. Эта необыкновенная черта помогает человеку наблюдать за действиями и осуществлять суждения по поводу этих действий.

Для того чтобы получить знание, необходимо выяснить то, каким образом человек приобрел это знание. Как объясняют М. Санделовски и Дж. Баросо, «рефлексивность является признаком отличного качественного исследования и требует наличия способности и желания исследователей признавать и принимать в расчет много аспектов, с помощью которых мы сами влияем на

данные и результаты исследования и в конечном итоге на то, что принимается как знание. Рефлексивность заключает в себе способность размышлять внутренне о своем будущем в качестве человека, задающего вопросы, о культурной, исторической, лингвистической, политической и других силах, которые формируют исследование, а также размышлять о взаимодействии между исследователем и участником социального взаимодействия» [5, с. 222]. Значит, важно исследовать самосознание и мотивировать обучающихся к осознанности их мыслительных процессов при овладении иноязычной коммуникативной культурой. Для студентов это прежде всего связано с определением, облечением в форму, преобразованием в слова и таблицы их представления об интеллектуальных методах, применяемых в межкультурной коммуникации. Через рефлексивное усилие студенты осуществляют иноязычную коммуникативную деятельность и объясняют, как они думают, затем моделируют существующие знания и интегрируют в те, которые изменились или были улучшены. Данный момент рефлексии является основой изучения, которая строится путем размышлений.

Обратимся к анализу различных видов рефлексии. Можно определить систематическое использование рефлексии как постоянный анализ теоретических предположений личности. Эпистемологическая рефлексия обращена к системе убеждений обучающегося и дает возможность анализировать жизненный опыт. Она очень тесно связана с критическим мышлением, требующим рассуждения о различных предположениях и постановки вопросов. Кроме того, данный вид рефлексии необходим для осознания значения на практике. Однако если основная задача заключается в том, чтобы исследовать поведение, то необходимо обращаться к другому виду рефлексии, – методологической. Она помогает вести наблюдение за собственным поведением студентов. Происходит изменение суждений или поведения на практике под действием рефлексии. Самоанализ же практической деятельности может быть назван гиперрефлексией [6, с. 6].

Эффективность рефлексии четко просматривается в ситуациях моделирования межкультурного общения. Участие в подобных ситуациях обеспечивает возможность проанализировать собственные действия, обсуждать и совещаться с другими людьми, задавать самому себе вопросы и отвечать на них.

В работе «The Reflexive Practitioner» Д. Шон рассматривает человека, который учится, опираясь на рефлексии своей деятельности. В данном исследовании ученый утверждает, что любой рефлексивный практикун требует погружения в деятельность и самообучения до того момента, когда человек начинает осознавать то, что он пытается изучить [7]. Согласившись с утверждением Д. Шона, за отправную точку принимаем следующую идею: рефлексия в процессе овладения иноязычной коммуникативной культурой мотивирует студентов и дает им дополнительный стимул узнать, каким образом они осуществляют межкультурную коммуникацию, определить важные позиции данной деятельности, а также лучше понять и запомнить то, что было изучено.

Иноязычная коммуникативная культура как часть жизнедеятельности не ста-

тична: она изменяется и тем самым дает возможность улучшать то, что делает или уже сделал человек. Во время знакомства с иноязычной коммуникативной культурой студент рефлексировал свои действия, мысли и идеи и внимательно рассматривает то, что уже произошло, желая усовершенствовать знания в области общения между культурами. Обучающийся находится в следующей ситуации: его внимание сфокусировано на настоящем и в то же время он заглядывает в будущее, что заставляет его меняться. Рекурсивный процесс приводит к пониманию и осознанию студентами себя самих, происходящих вокруг них событий и ситуации, в которой они находятся. Для успешного процесса овладения иноязычной коммуникативной культурой, как отмечают А. Канлиф и С. Йонг, рефлексия «следует встраивать в реальный мир и прийти к осознанию, что мы конструируем наш социум, взаимодействуя с другими вокруг нас» [8]. Таким образом у студентов складываются свои точки зрения о межкультурной коммуникации и иноязычной культуре, появляются собственные варианты решения проблем в этой сфере: они должны быть готовы применить теоретические знания на практике.

Практические занятия необходимо начинать с диагностики своего эмоционального состояния, самоощущения. Для того чтобы научиться настраивать себя в данном конкретном месте на состояние, способствующее познанию нового, а также осознанно управлять этим состоянием, используется упражнение «bodymindfulness», или «ощущение себя», разработанное А.Л. Нагата [9, с. 144]. Его выполнение предполагает, что студенты обращают внимание на все аспекты своего существования: это и тело, и разум, и чувства, и эмоции, и настрой одновременно. В момент применения такого приема обучающиеся должны быть сфокусированы на равномерности дыхания, что должно привести к спокойному состоянию уверенности в себе и своих силах. Как только человек ощущает гармонию внутри себя, он может думать более четко и способен находить альтернативные способы коммуникации.

Данная практика направлена на то, чтобы провести диагностику своего внутреннего состояния, а затем изменить его при желании или необходимости. Использование этого приема раскрывает возможности развития целостного самосознания – внутриличностной основы для метакоммуникации, дает возможность сконцентрировать внимание на предстоящей деятельности и является основанием для развития умения спокойно и чутко реагировать на изменения в ситуациях межличностной и межкультурной коммуникации.

Один из способов, предложенных автором для подготовки студентов переводить рефлексию в действие, – это дискуссия в малых группах или разыгрывание ситуаций, приближенных к реальным условиям, которые вовлекают участников в обсуждение острых проблем и вызовов. Другой эффективный, на наш взгляд, способ, связывающий рефлексию и ее практические результаты, представлен в виде деятельности, основанной на опыте обучающихся. Сюда относятся анализ проблемных ситуаций, организация ролевых игр на тематику иных культур и ведение рефлексивных журналов.

Как известно, в соответствии с направленностью выделяют два типа рефлексии, условно обозначаемыми как интра- и интерпсихическая рефлексии. Пер-

вая соотносится с рефлексивностью как способностью к самовосприятию содержания собственной психики и его анализу, вторая – со способностью к пониманию психики других людей, включающей наряду с рефлексивностью как способностью «встать на место другого» также и механизмы проекции, идентификации, эмпатии.

Для развития коммуникативной интерпсихической рефлексии студентам предлагаются задания на составление диалогов с использованием предложенной лексики и на точность рефлексивных суждений за другое лицо, тем самым создается эмоционально-рефлексивная среда. Участники высказываются за своего партнера в различных ситуациях, строят прогноз его психологической позиции. Сначала студенты, как правило, не могут осознать сложности в умении ориентироваться в партнерах по общению, однако в ходе работы трудности осознаются, и обучающиеся прилагают необходимые усилия для того, чтобы их преодолеть.

Многие студенты отмечают, что наблюдательность и способность интерпретировать жесты, внешний облик другого человека помогают установить с ним контакт. «Упражнения на принятие роли другого студента, перевоплощение предполагают не просто имитацию, то есть внешнее подражание, а внутреннее подражание, которое называют “вчувствование”, “вживание”» [10, с. 43]. Игроки получают инструкции и провокационные фразы, которые можно использовать во время обсуждения. Возникающая дискуссия помогает критически рассмотреть различные перспективы и выявить многообразие сторон феномена исследования. Более того, это приведет в дальнейшем к более высокому уровню рефлексивных навыков студентов [11, с. 133].

Следовательно, рефлексия в овладении иноязычной коммуникативной культурой раскрывает потенциал развития мультикультурных личностей, имеющих необходимые рефлексивные навыки, способных сделать правильный выбор в ситуациях межкультурного общения и умеющих действовать более эффективно, стремящихся к самосовершенствованию и переменам к лучшему в окружающей их действительности.

Библиографический список

1. Новичкова О.В. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции с помощью метода «обучение в сотрудничестве» в неязыковом вузе // Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сб. науч. трудов. Саратов, 2012. Вып. 8. С. 122–128.
2. Bockova V. Intercultural Competence as a Means of Bridging the Cultural Gap // Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сб. науч. трудов. Саратов, 2010. Вып. 6. С. 121–123.
3. Балыкина Г.А. Проблема контроля языковой подготовки студентов в неязыковых вузах // Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сб. науч. трудов. Саратов, 2011. Вып. 7. С. 111–115.
4. Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R. Communication Between Cultures. 7th ed. Wadsworth, 2010.
5. Sandelowski M., Barroso, J. Finding the findings in qualitative studies // Journal of Nursing Scholarship. 2002. № 34 (3). P. 213–220.
6. Coghlan D., Brannick T. Doing Action research in your organization. L., 2005.
7. Schon D.A. Educating the Reflective Practitioner: presentation to the 1987 meeting of the American Educational Research Association. Ontario, 1988. P. 1–15. URL: <http://resources.educ.queensu.ca/ar/schon87.htm>

8. *Cunliffe A.L. and Jong S.J.* Reflexivity as intercultural and social practice // Paper prepared for the annual meeting of the Public Administration Theory network. Cleveland, 2002. May 29–31.
9. *Nagata A.L.* Promoting Self-Reflexivity in Intercultural Education // *Journal of Intercultural Communication*. 2004. № 8. P. 139–167.
10. *Сорокина Н.И.* Профессиональное становление студентов-педагогов в процессе освоения спецкурса «Развитие коммуникативной рефлексии будущего учителя в атмосфере педагогического артистизма» // *Высшее образование сегодня*. 2008. № 2. С. 41–43.
11. *Grishina E.A.* Reflexivity in Foreign Communicative Culture Acquirement // *Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сб. науч. трудов. Саратов, 2014. Вып. 9. С. 131–134.*

N.V. Pavlova
**Postmodern Society:
Transformation
of Communication**

The article discusses the factors contributing to the changes in the nature of communication in postmodern society. The phenomenon of cyber communication is analyzed in terms of its impact on the subject. The author claims that postmodern society is characterized by a radical transformation in the nature and ontological status of communication.

Key words and word-combinations: communication, postmodern society, transformation of communication.

Обсуждается проблема трансформации природы коммуникаций в современном социуме. Анализируется феномен виртуальных коммуникаций в контексте их воздействия на субъект. Показывается, что в обществе постмодерна радикально трансформируются онтологический статус и характер коммуникаций.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникация, постмодерн, трансформация коммуникаций.

УДК 316.77
ББК 60.84

Н.В. Павлова

ПОСТМОДЕРН: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Осмысление проблемы коммуникации, согласно которому коммуникация понимается в качестве не только как атрибута человеческого общения, но и сложного феномена, возникло в начале XX в. и усложнялось по мере того, как в гуманитарную сферу исследований интегрировались естественнонаучные понятия. Исследования феномена коммуникации принадлежат к разным областям гуманитарного и естественнонаучного знания: социологии, психологии, лингвистике, физике, математике, кибернетике. В социологии рассматриваются коммуникации как массовый социальный феномен, осуществляются попытки вводить и исследовать социальные факторы, влияющие на коммуникационные процессы. В психологии акцент делается на личностные основания коммуникационных практик. В лингвистике изучается коммуникация как основополагающая функция языка. В естественных науках прослеживается связь коммуникаций с информацией, энтро-

пией, структурными, системными, функциональными характеристиками коммуницирующих систем и субъектов. Междисциплинарность проблемы коммуникаций, ее социальная значимость приводят к необходимости и философского осмысления феномена коммуникаций, поиска самых фундаментальных, онтологических, его оснований.

Особый интерес представляет анализ характера коммуникаций в обществе постмодерна, поскольку в этом случае коммуникация, являющаяся структурным основанием любой социальности, приобретает особое значение и существенно трансформируется.

Существуют основные «составляющие» любой коммуникации. Во-первых, ее реализация требует существования коммуницирующих субъектов. Во-вторых, коммуникация связана с целеполаганием, намерением, или интенцией, коммуницирующих субъектов, без которого в классических представлениях она невозможна. В-третьих, она происходит в некотором пространстве – социальном, межличностном, экономическом, политическом, культурном и т.д. В-четвертых, у всякой коммуникации есть социальный или психологический результат, продукт, который помещается в том же пространстве, в котором она реализуется. Эти нехитрые соображения и определяют классическую онтологию социальных коммуникаций. Социальные коммуникации реальны, происходят в реальном пространстве и времени, связаны с телесностью коммуницирующих субъектов и имеют вполне реальный продукт.

В обществе постмодерна значительной частью социума становится виртуальная реальность, которая оказывается не просто пространством коммуникаций, а гиперреальностью [1, с. 148]. Интенсивность коммуникаций в виртуальном пространстве становится такой высокой, что имеет смысл рассуждать о гиперкоммуникациях. Осуществляясь в виртуальном пространстве, коммуникация становится виртуальным феноменом, превращается из реальной в виртуальную, а ее существенные характеристики меняются. Этот, казалось бы, простой факт требует не только пояснений, но и доказательств. Так, в виртуальном пространстве коммуницируют виртуальные субъекты: виртуальные личности, виртуальные группы, виртуальные сообщества, виртуальные организации [2; 3]. Коммуникация становится несвязанной с телесностью субъекта, «оторванной» от нее. Потеря телесности (тема знаковая для философии постмодерна) является важнейшим фактором, влияющим на природу современных коммуникаций. Не имеющие реальной телесности субъекты виртуальных коммуникаций не могут производить и реального продукта коммуникаций – результатом виртуальной коммуникации всегда является лишь виртуальный продукт, ничего не прибавляющий к реальности. Возникает феномен виртуальной коммуникации, которую необходимо определить следующим образом: это коммуникация, происходящая в виртуальном пространстве, в которой коммуницируют виртуальные субъекты и производятся виртуальные продукты.

Виртуальный результат, продукт виртуальной коммуникации точнее всего описывает понятие «симулякр». Оно было известно еще Платону и стало очень

популярным благодаря работам Ж. Бодрийяра, означает нечто не имеющее реального аналога; то, что существует в иной, чем реальность, «действительности» [1, с. 115]. Виртуальный результат коммуникации и есть симулякр в чистейшем виде, поскольку существует не в реальном, а в виртуальном пространстве, не имеет никакой телесности и ничему реальному не соответствует, хотя, как и свойственно симулякру, пародирует и симулирует реальность, «притворяется» ею.

Всякая реальная коммуникация требует определенных «затрат»: энергетических, деятельностных, интеллектуальных, психологических, эмоциональных. В реальном пространстве энергетические и деятельностные затраты, направленные на осуществление и поддержание коммуникации, значительны и определяют активность субъекта: чтобы коммуницировать, требуется что-то делать физически, а значит, обладать определенным энергетическим ресурсом. В процессе виртуальной коммуникации затраты совсем иные: она не требует реальной энергии, физической деятельности и, как правило, не сопряжена с существенными интеллектуальными усилиями, зато может быть связана с серьезными психологическими и (или) эмоциональными издержками. Это означает, что виртуальная коммуникация имеет принципиально отличную от реальной структуру активности субъекта: психологическая и эмоциональная активность преобладает над физической и интеллектуальной. Большая психологическая и эмоциональная активность виртуальных коммуникаций и определяет сильную зависимость от них человека.

Однако изменение характера коммуникаций в обществе постмодерна не ограничивается их виртуализацией. Как уже отмечалось, важнейшим свойством современных коммуникаций является их огромная интенсивность, причем речь идет не только о виртуальном, но и о реальном социальном пространстве. Интенсивность коммуникаций, на которую обречен человек в ситуации постмодерна, оказывается пагубной для субъекта и меняет характер самих коммуникаций: они становятся чрезмерными и агрессивными [4, с. 51]. Возникает следующий эффект: поскольку чрезмерность, избыточность количества коммуникаций умаляет значимость каждой из них, то даже реальные коммуникации приобретают свойства виртуальных, становятся поверхностными, мгновенными, недоовещенными.

В обществе постмодерна меняется и субъект коммуникации. Если в классическом рассмотрении, как правило, коммуницируют два индивида, то описание коммуникаций в обществе постмодерна требует принципиально иных моделей. Во-первых, имеются в виду не только субъекты, но и коллективные субъекты коммуникаций, в качестве которых могут выступать различные социальные сообщества, общественные институты, целые сферы социума или культуры.

Во-вторых, нарушается классическое разнесение, противопоставление коммуницирующих субъектов: субъекты коммуникаций отныне соединяются не линейными, а нелинейными обратными связями, обуславливающими взаимовлияние, изменение самих субъектов и характера коммуникаций в процессах

взаимодействия. Очень часто при этом субъект коммуницирует с множеством субъектов, включается в сеть коммуникаций, реальную или виртуальную. Возникают даже нетривиальные ситуации, когда один из субъектов коммуникации «помещается» в другом: так происходит, например, в виртуальных сообществах или в мегаполисах, когда индивид оказывается внутри коллективного субъекта, навязывающего ему свою чрезмерную интенцию к коммуникации. Отметим, что изменение состава коллективного субъекта, его индивидуальных «членов», частей не меняет последний как целое, но может привести к качественному изменению его существенных характеристик, которое, в свою очередь, приводит к существенной трансформации характера коммуникаций.

В-третьих, субъект коммуникации нередко утрачивает и такую важную особенность, как целеполагание. В классических представлениях субъект, вступая в коммуникацию, как правило, имеет осознаваемую, четко определенную цель. В современном социуме высокая интенсивность коммуникаций приводит к тому, что субъект не только перестает осознавать цель каждой конкретной коммуникации, которая иногда представляется нечеткой, «размытой», неопределенной, но нередко и не имеет прямой цели коммуницировать. В результате утрата целеполагания ведет к хаотичности восприятия реальности коммуницирующим субъектом. Возникает и феномен, который мы называем феноменом «пассивного коммуницирующего субъекта», субъекта, вовлеченного в коммуникации помимо своей воли и благодаря их множественности и интенсивности.

В-четвертых, существует «расщепление» субъекта виртуальных коммуникаций. В настоящее время принято представление о множестве, или «пучке», виртуальных личностей, сосредоточенных в одном субъекте, – «человеке виртуальном» со сложной личностной самоидентификацией [5]. Иногда это множество сознательно конструируется, создается в виртуальном пространстве самим субъектом, который выбирает желательные пол, возраст, внешность, психологические характеристики, отвечающие тем или иным целям виртуального общения, и меняет их в случае необходимости. Широкое поле возможных разнообразных коммуникаций в виртуальном пространстве предопределяет необходимость создания и частой смены сконструированных виртуальных «личностей», а вместе с ними – и частой, а иногда и беспорядочной смены идентичности. Сильная психологическая и эмоциональная зависимость субъекта от виртуального пространства приводит к тому, что все созданные таким образом виртуальные личности продолжают сосуществовать в течение достаточно длительного времени, а единая, целостная личность расщепляется и множится.

В обществе постмодерна ситуация принципиально не меняется и в тех случаях, когда коммуникации осуществляются не в виртуальном, а в реальном социальном пространстве, и это объясняется двумя обстоятельствами. С одной стороны, скорость и интенсивность социальных взаимодействий, большая плотность социального пространства, хаотичность динамики делают современный

социум онтологически изоморфным пространству виртуальной реальности. Социум эпохи постмодерна по своим характеристикам становится подобным пространству социальных сетей: в нем так же быстро сменяются ситуации, существует широкое поле возможностей, коммуницирует огромное множество субъектов, присутствуют неопределенность и незаконченность действий. С другой стороны, в этой сложной социальной реальности участвуют субъекты, интенсивно и часто включающиеся и в реальность виртуальную, психологически и эмоционально зависящие от нее, во многом определяемые ею и переносящие в реальность «следы» виртуальности. Наложение «виртуальных» свойств социальной реальности и виртуализация отдельных социальных субъектов приводят к тому, что и в реальном социуме субъект оказывается расщепленным: разделяясь и множась своими многочисленными социальными ролями, своими сохраняющимися и в реальности виртуальными личностями, он мало чем отличается от человека виртуального.

Значительное число виртуальных коммуникаций определяются не только личностными характеристиками субъектов, но и онтологическими особенностями виртуальных времени и пространства. Главную роль, на наш взгляд, при этом играет время. Сегодня хорошо известно, что время в виртуальных пространствах имеет собственный масштаб, отличающий его от реального времени [2]. Как правило, время в виртуальном пространстве значительно ускоряется, хотя возможно и его замедление, и даже полное исчезновение [6]. Эффект ускорения виртуального времени связан с малой энергоемкостью виртуальных процессов и психологическими зависимостями субъектов от виртуальной реальности. Ускорение виртуального времени является основой малой длительности, иногда мгновенности всех происходящих в виртуальной реальности процессов, событий, феноменов, в том числе и коммуникаций. Кратковременность виртуального времени определяет и изменение масштабов в виртуальных пространствах: пространственные масштабы существенно сокращаются, все части, отдельные точки виртуального пространства оказываются близкими, практически соседними. Кратковременность всех событий и пространственная «близость» виртуальных объектов и субъектов и определяют значительное число коммуникаций. Случай, когда виртуальное время замедляется или даже исчезает, напротив, соответствует существенному уменьшению или даже исчезновению коммуникаций.

Обратим внимание еще на одну особенность коммуникаций в обществе постмодерна. Существует представление, согласно которому всякая социальная коммуникация есть движение смыслов в социальном пространстве. Но всякий смысл требует для своего постижения интеллектуальных усилий и времени. В ситуации же интенсивных коммуникаций, информационных потоков [4] никакой субъект не в состоянии постичь множество скрытых в них смыслов, в результате коммуникация становится неосмысленной. Возникают и ситуации, когда смысл отсутствует в передаваемой информации, тогда коммуникация оказывается в принципе бессмысленной. Таким образом, в случаях, когда коммуницирующие субъекты не передают и не постигают смыслов, возникает абсурд коммуникаций.

Итак, для социума эпохи постмодерна характерна радикальная трансформация природы коммуникаций. Меняются онтологический статус коммуникации (все большее число коммуникаций становятся виртуальными); ее субъект (появляются коллективные и виртуальные субъекты); характер (коммуникации становятся интенсивными, агрессивными, чрезмерными, абсурдными); ее пространство и время. Значительное влияние на изменение характера коммуникаций оказали процессы виртуализации социума, затронувшие самые глубокие, онтологические, основания коммуникации.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
2. Афанасьева В.В. Тотальность виртуального. Саратов, 2005.
3. Гасилин В.Н., Тягунова Л.А. Виртуализация социума. Саратов, 2007.
4. Павлова Н.В. Отрицательные социальные коммуникации // Известия Сарат. ун-та. 2013. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Т. 13, вып. 2. С. 51–54.
5. Афанасьева В.В. Homo virtualis // Известия Сарат. ун-та. 2010. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Т. 10, вып. 2. С. 59–64.
6. Хоружий С.С. О старом и новом. СПб., 2000.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

A.O. Timashova
**Social Partnership of a State
and Civil Society
in Social Problems Solving:
Theoretical Aspect**

The article provides the conceptualization of social partnership between the government and civil society in social problems solving based on the system methodology, the institutional methodology, and the conflict studies approach. Particular attention is paid to the analysis of social partnership definition and the disclosure of its principles.

Key words and word-combinations: social partnership, the state and the civil society, the social partnership principles.

Осуществляется концептуализация социального партнерства государства и гражданского общества в решении социальных проблем на основе системной и институциональной методологий, конфликтологического подхода. Особое внимание уделяется анализу дефиниции социального партнерства и раскрытию его принципов.

Ключевые слова и словосочетания: социальное партнерство, государство и гражданское общество, принципы социального партнерства.

УДК 1:316
ББК 60.027

А.О. Тумашова

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В отечественном социально-гуманитарном знании последнего десятилетия вопрос об особенностях межсекторного социального взаимодействия и социального партнерства является дискуссионным. Интерес к подобным исследованиям повышается в силу осознания современным обществом и государством значимости социального партнерства в эффективном решении социальных проблем, совершенствовании качества предоставления социальных услуг населению, защиты социальных прав граждан всех социально-демографических групп.

Важность межсекторных партнерских практик в современных обществах подтверждается и их отражением в отдельных нормативных и правовых актах. В постсоветской России реализация принципа социального партнерства на законодательном уровне первона-

чально была связана со сферой регулирования социально-трудовых отношений – так называемый тред-юнионистский подход социального партнерства. В последнее десятилетие принципы социального партнерства в контексте межсекторного подхода, ориентированные на решение широкого спектра социальных проблем, усматриваются как в правовом поле, так и в трудах отечественных ученых.

К сожалению, к настоящему времени теории социального партнерства присущ амбивалентный характер, что выражено подменой понятий в отношении социальных взаимодействия и партнерства, отсутствие инвариантных дефиниций, что затрудняет разработку программы эмпирических исследований социального партнерства. Данное утверждение является свидетельством наличия поверхностных описаний партнерских практик, сужая представление о формировании института социального партнерства в современном обществе и затрудняя выдвижение предложений по его развитию. Следовательно, необходимо произвести анализ становления идеи и практики социального партнерства, что позволит подойти к изучению данного феномена в России на современном этапе развития теоретической мысли с позиции системной и институциональной методологии, конфликтологического подхода.

В исторической практике первые попытки решения социальных проблем предпринимало общество в лице домохозяйств и общин. Государство же свою социальную функцию стало выполнять значительно позже. Некоторые действия по решению государством вопросов общественной системы наблюдались в России лишь с XVII в. Однако, несмотря на развитие участия двух акторов в решении социальных вопросов, системность в деятельности государства и общества на тот момент констатировать не приходится.

Считается, что впервые термин «социальное партнерство» употребил в XIX в. английский философ и экономист Джон Стюарт Милль для регулирования социально-трудовых отношений. Появлению в мире социального партнерства способствовала сеть взаимообусловленных событий: экономическая сфера, последствия развития эпохи индустриального общества и, как следствие, зарождение во второй половине XIX в. социального государства и социальной политики в Германии через становление системы обязательного страхования граждан, а также расцвет концепции государства всеобщего благосостояния в середине XX в., утверждающей способность современного общества обеспечить относительно высокий уровень жизни. Очевидно, что два последних основания послужили поводом привнесения идеи социального партнерства из социально-трудовой сферы в другие области общественной жизни.

В истории России Временное правительство (февраль – октябрь 1917 г.) на законодательном уровне создавало режим наибольшего благоприятствования в использовании ресурсов гражданского общества в государственном строительстве. Идеологические установки советского времени, патерналистская модель социальной политики препятствовали использованию в официальной лексике понятия социального партнерства [1, с. 15]. В Российской Федерации развитие теории и практики межсекторного социального партнерства ознаменовало принятие новой Конституции в 1993 г., закрепляющей в качестве основ конституционного строя не только социальность государства, но и демократические принципы управления, обеспечивающие возможность создания и деятельности

независимых институтов гражданского общества как новых акторов в реализации социальной политики и решении социальных проблем.

Особый вклад в развитие теории межсекторного социального партнерства предприняли представители отечественной социально-политической мысли в области исследования общих аспектов взаимодействия государства и институтов гражданского общества в России. Анализ их работ свидетельствует о выстраивании четырех типов межсекторного социального взаимодействия, проецирующихся в теоретической плоскости социологии: сотрудничество, конкуренция (соперничество), игнорирование и конфронтация. Соперничество и конфронтация с их отрицательной стороны имеют схожую природу, выражающуюся в борьбе за статусы, ресурсы и привилегии. Принципиальная разница – степень открытости или закрытости данной борьбы. Игнорирование характеризуется отсутствием активности со стороны одного или более акторов взаимодействия и не связано с борьбой за социальные статусы. А.Ю. Сунгуров приводит типичный пример реализации модели игнорирования, когда государство не замечает большинства институтов гражданского общества, не мешая, но и не помогая их деятельности, что может быть вызвано разнообразной негосударственной поддержкой деятельности НКО, с одной стороны, и концентрацией власти на различных политических и экономических проблемах – с другой [2].

Сотрудничество представляет собой отличный от других вид межсекторной интеракции, справедливо названный О.В. Новиковой наиболее приемлемым и перспективным [3, с. 49]. В основе сотрудничества лежит интеграция акторов взаимодействия. В Большой советской энциклопедии под социальной интеграцией понимается процесс образования целостной социальной системы из отдельных дифференцированных частей. Достижение целостности зависит от меры совпадения их целей и интересов [4, с. 155]. В социологическом словаре указываются два типа интеграции – естественная и принудительная, соответствующие, на наш взгляд, двум разновидностям (типам) сотрудничества государственных и общественных структур.

Принудительное сотрудничество способствует образованию некой системы за счет подчинения одной стороны другой. Естественное сотрудничество, строящееся из конструктивной и перманентной интеракционной природы, подразумевает формирование целостной системы социального партнерства как важного социального института, где общей целью «может выступать положительное решение проблемы для каждой заинтересованной стороны» [3].

При исследовании социального партнерства общественных систем обращает на себя внимание категория «системной интеграции», описанной британским социологом Д. Локвудом. Понятие системной интеграции, по Локвуду, касается отношений между большими частями социальной системы (в отличие от социальной интеграции), которые могут быть совместимыми или несовместимыми (противоречивыми) [5]. Иными словами, в процессе институционализации системы социального партнерства между государством и гражданским обществом не исключено проявление ряда противоречий. Данное положение обращает нас к конфликтной методологии систем, и прежде всего к концепции позитивно-функционального конфликта американского социолога Л. Козера, впервые показавшего в конфликте начало, способствующее укреплению

нию консенсуса (положительную роль конфликта). С точки зрения Козера, в зависимости от предмета конфликта и степени открытости и гибкости общественных структур его результатом может являться процесс формирования, утверждения и поддержания социальной системы [6, с. 17–22, 151–157].

Особенности принудительного же сотрудничества, выраженного непосредственно конфронтационными проявлениями во взаимоотношении государства и общества, ярко описаны немецким социологом Р. Дарендорфом, который под отношениями социального конфликта понимает «все отношения индивидов, построенные на несовместных целях» [7, с. 135, 241–248]. Все сложные организации, по убеждению Дарендорфа, в целях получения выгоды, стремятся к перераспределению власти с помощью различных инструментов, главным из которых является принуждение. По нашему мнению, последствия данного варианта сотрудничества емко отражает понятие «инактивизация», используемое в медицине и микробиологии, которое означает частичную или полную потерю активности агентом, функциональную задержку развития системы [8]. Таким образом, подразумевается процесс инактивизации системы социального партнерства и составляющих ее элементов.

Недопущение подобной инактивизации и возможность позитивно-функционального использования потенциала социального конфликта описывают также современные исследователи социального партнерства Л.И. Никовская и В.Н. Якимец в работе «От конфликта к межсекторному партнерству» [9], подчеркивая, что совокупность противоречивых отношений задана имманентно природой взаимодействующих секторов – государства и гражданского общества. Следовательно, для фиксации отношений в системе «общество – власть» в процессе институционализации социального партнерства ученые объективно используют понятие «протоконфликт» как предконфронтационное состояние или предшествующий этап развития общественных процессов, предполагающий «режим существования социального конфликта, который тем не менее, благодаря взаимным усилиям сторон, позволяет учесть противоречие при создании конструктивного механизма взаимодействия, не доводить противоречие до антагонизма, приводящего чаще всего на практике к взаимоуничтожению или социальной деградации» [9].

Превентивными мерами недопущения эскалации конфликта до конфронтации и процесса инактивизации государства и общества считается выявление его причины на ранней стадии. Авторы выделяют систему типов протоконфликтов, в основе которой лежит критерий причинности рассогласования интересов сторон. На наш взгляд, данные типы протоконфликтов условно можно разделить на три группы: субъектно-психологические, организационные и сложносоставные.

Если в процессе межсекторного взаимодействия будут проявляться два и более типов протоконфликтов, то такая конфликтная ситуация будет называться сложносоставной. С точки зрения методологии конфликта процесс формирования межсекторного партнерства может сопровождаться функциональной двойственностью конфликтных отношений между государством и гражданским обществом в любой сфере общественной жизни, что непосредственно связано с типом естественного или принудительного партнерства. Оценить негативность либо позитивность конфликта, степень сложности институционализации партнерских отношений и недопущения процесса инактивизации между

государственными и негосударственными структурами, способность разрешения протоконфликтного состояния возможно с помощью диагностики данных взаимодействий на уровне эмпирических обобщений.

Решить обозначенную задачу поможет раскрытие дефиниции социального партнерства, характеризующегося прежде всего своей естественной природой. Необходимо отметить, что рефлексии в области социального партнерства осуществило сегодня незначительное число отечественных ученых. Передавая сущность и содержание категории социального партнерства, исследователи в своих работах дают ей различные наименования, что также требует большей строгости и инвариантности. Анализ работ исследователей социального партнерства, в том числе изучение потенциала классических социологических теорий [9], показал, что социальное партнерство государства и гражданского общества есть рациональная форма межсекторного взаимодействия, формирующая социальную систему и социальный институт за счет высокой ценностно-нормативной ориентации ее субъектов, под воздействием внешней среды и буферного социального пространства, которая предназначена для минимизации социальных рисков, эффективного решения социальных проблем, достижения социального равновесия и развития территории, где она реализуется. Из определения видно, что социальное партнерство государства и гражданского общества выступает серьезным конструктивным политическим и управленческим механизмом эффективного решения общественных проблем разного масштаба и содержания.

Рассмотрение социального партнерства как социальной системы требует определения ее внешней и внутренней среды, что позволит сформировать более полное концептуальное видение данного общественного явления. Системный анализ объекта исследования предполагает не только описание окружения системы, то есть внешней среды, с которой она взаимодействует, но и выделение соответствующих компонент, благодаря которым обеспечиваются нормальные условия ее функционирования для достижения главной цели системы. Очевидно, что данные компоненты системы составляют ее внутреннюю среду. Следовательно, внешняя среда социального партнерства в общем виде представляет собой социально-экономические и политические условия территории, где оно реализуется, а также отражается в степени развития таких институтов, как государство и гражданское общество.

Как отмечалось, внутренняя среда системы социального партнерства состоит из ряда компонент, которые обеспечивают ее положительное функционирование для достижения системной цели. Такими общими системообразующими компонентами являются принципы и механизмы социального партнерства, определяющие его эмерджентные свойства. Внутренняя среда представляет собой буферное социальное пространство. Исходя из базисных понятий буфера, под буферным социальным пространством социального партнерства будем понимать внутреннюю среду как некое пространство между государством и гражданским обществом, состоящее из совокупности компонент, детерминирующих эмерджентные, присущие только системе социального партнерства свойства, направленные на ее развитие, разрешение протоконфликтного состояния между сторонами и не допускающие процессов инактивизации всей системы.

Для всестороннего изучения института социального партнерства между дву-

мя секторами общества и процесса его формирования необходимо глубже раскрыть теоретические аспекты центральной составляющей буферного пространства – его основополагающие начала [10].

В контексте межсекторного взаимодействия основополагающие начала категории социального партнерства предприняли попытку выделить М.И. Либоракина, М.Г. Флямер, В.Н. Якимец в статье «Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества» научного журнала «Деньги и благотворительность» (1997) [11, с. 106–107]. Указанные начала, очевидно, распространяются и на менее сложные относительно организации и реализации совместной деятельности технологии социального взаимодействия. Исходные положения социального партнерства обозначены и в трудовом законодательстве в рамках регулирования отношений в сфере труда [12, ст. 24]. Подвергая анализу данные источники и развивая сформулированное определение социального партнерства государства и гражданского общества, можно выделить несколько базовых принципов, раскрывающих сущность рассматриваемой социальной категории. В основу социального партнерства государства и гражданского общества заложены следующие определяющие принципы: индистрибуция, выраженная в заинтересованности сторон в эффективном решении общественно значимых задач / проблем; равноправие взаимодействующих сторон, уважение и учет их интересов; конструктивность в разрешении спорных вопросов и задач, стоящих перед сторонами; концентрация усилий и ресурсов взаимодействующих сторон; добровольность принятия сторонами на себя обязательств. Кроме того, наличие действующих институциональных механизмов, обеспечивающих интеракцию между сторонами; децентрализация, развитие сетевого подхода в выработке, принятии и реализации решений; всесторонний контроль за исполнением принятых на себя обязательств; социальная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение взятых обязательств каждой стороной; наличие долгосрочных или перманентных межсекторных интеракций, а не краткосрочных социальных альянсов.

Социальное партнерство государственных структур и гражданского общества – относительно новое явление общественной жизни, его развитие в России связано с принятием Конституции страны и необходимостью эффективного разрешения актуальных социальных проблем. Следовательно, разработка теории социального партнерства является значимой и своевременной научной задачей. Предложенная нами концептуализация социального партнерства государства и гражданского общества в решении социальных проблем с позиций конфликтологического подхода, системной и институциональной методологий может выступить существенной базой для разработки эмпирических исследований в этой сфере.

Библиографический список

1. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. 2-е изд. / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. М., 2012.
2. Сунгуров А.Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт // 4cs.ru: Проект «Эксперты для гражданского общества». URL: http://www.4cs.ru/materials/wp-id_358/

3. Новикова О.В. Эффективная модель взаимодействия государства и гражданского общества в современной России: формирование структурно-институционального консенсуса // Вестник ПАГС. 2009. № 3. С. 48–53.
4. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. М., 2010.
5. Mouzelis N. Social and system integration: Lockwood, Habermas, Giddens // Sociology (The British Sociology Association). SAGE journals. 1997. February, vol. 31. 1. P. 111–119. URL: <http://soc.sagepub.com/content/31/1/111.full.pdf+html>
6. Coser L. The Functions of Social Conflict. Glencoe, IL, 1956.
7. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959.
8. Большой медицинский словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/18733>
9. Никоновская Л.И., Якимец В.Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и антропологии. 2003. Т. VI, № 1. С. 96–112.
10. Тимашова А.О. Потенциал классических социологических теорий в исследовании социального партнерства государства и гражданского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1.
11. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России: учеб. пособие. СПб., 2008.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек.

V.O. Korotin
Models of National Identity
in Contemporary Society

Models of national identity in the process of globalization are considered. Relations between members of different ethnic groups at the present stage of the society development are researched. Advantages and disadvantages of the existing models of national identity are analyzed.

Key words and word-combinations: national identity, multiculturalism, assimilation, ethnic mosaic.

Рассматриваются модели национальной идентичности в условиях процесса глобализации. Исследуются отношения между представителями различных этносов на текущем этапе развития современного общества. Анализируются достоинства и недостатки существующих моделей национальной идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: национальная идентичность, мультикультурализм, ассимиляция, этническая мозаика.

УДК 316.34/.35
 ББК 60.54

В.О. Коротин

МОДЕЛИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Кардинальные социально-экономические, политические, правовые изменения, происходившие во всем мире за последние несколько десятилетий, привели к тому, что расширились не только взаимосвязи, но и взаимозависимость различных стран, разных народов и культур. Перемены смогли охватить все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности и успели получить в философском знании неоднозначные, порой противоречивые оценки. Это привело к тому, что процесс глобализации сформировал но-

вые формы и новые институты. Предназначение появившихся институтов и форм заключается в том, чтобы стать регуляторами социальных процессов в XXI в.

Одним из таких социальных процессов, нуждающимся сегодня в регулировании, является процесс отождествления человека с определенной нацией, страной, культурным пространством. Иными словами, регулирования требует процесс национальной идентичности, которая является одной из составляющих общей идентичности человека.

По мнению А.П. Садохина, идентичность – это «осознание человеком своей принадлежности к какой-либо социокультурной группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире» [1, с. 50]. Национальная идентичность – это видение членами определенной социальной группы своего места в мире, в том числе на основе соотнесения с другими подобными группами (государствами или обществами) через противопоставление «мы – они»; это еще и культурная норма, которая отражает эмоциональные и аффективные ориентации индивидов по отношению к национальной политической системе и, собственно, к своей нации. Следовательно, ядром национальной идентичности является национальная культура. Главные характеристики национальной идентичности – отличительность и общественность. Основными средствами сохранения такой идентичности служат преемственность культур и межкультурный диалог.

Человеку свойственно желание идентифицировать себя с другими людьми или группой людей. Это желание относится к основаниям формирования личности человека. Также существует желание самоидентификации, которое направлено в первую очередь на выделение себя из среды других людей и обособление от социальных групп. В большинстве случаев идентификация является эмоционально-когнитивным процессом отождествления индивидом себя с другими людьми, сообществом, объектом. Процесс идентификации человека переводит требования внешней среды, стоящие вне индивида, в личностно-приемлемую для него форму, которая начинает переживаться им как собственные свойства. Идентификация – один из механизмов социализации, поэтому она позволяет человеку приобщиться к жизни, культуре общества, и делает это таким образом, чтобы при выборе норм и правил поведения он принимал решение осознанно и находил удовлетворение, чувствовал свою защищенность, действуя в рамках требований общества. Подобное самоопределение человека является многоуровневым творческим процессом.

Автором выделяется четыре модели национальной идентификации: 1) модель плавильного котла; 2) модель этнической мозаики; 3) модель этнической ассимиляции; 4) модель этнического ядра. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Название первой модели связано с названием опубликованной в 1908 г. пьесы «Плавильный котел». Ее автор – Израэл Зангуилл, сын мигрантов из Российской империи, английский драматург. Впоследствии словосочетание «плавильный котел» стало термином, обозначающим один из вариантов проведения государством этнической политики, отождествляемой с культурным сосуществованием различных культур. Модель плавильного котла на сегодняшний день

применяется во многих странах мира. «Плавильный котел – национально-языковая политика, направленная на объединение различных этносов в единое целое и на одноязычие. Словосочетанием “плавильный котел” обычно характеризуют языковую политику США и Израиля» [2, с. 28]. В модели плавильного котла национальная идентичность формируется на принципах свободного демократического общества. Основная идея данной модели заключается в построении единого своеобразного идеала. В роли расходного материала, из которого этот идеал формируется, выступают разобщенные этнические культуры.

Модель плавильного котла национальной идентичности оказала положительное влияние на формирование американского общества. Иммигранты, выбравшие новым местом жительства США, внесли огромный вклад в развитие науки, технологий, культуры, экономики, промышленности страны.

Как и любая другая, модель плавильного котла имеет и свои отрицательные стороны. Например, далеко не каждый представитель какого-либо этноса сможет найти себе место в этом плавильном котле. В общую массу ассимилируются большей частью те, которые заключают смешанные браки или же те, кто родился в таких семьях. Те мигранты, которые в новой среде адаптироваться не смогли, у кого возникли трудности с освоением языка, кто оказался невостребованным обществом, замыкаются, и кругом их общения становятся только представители их национальности. Такое общение приводит к сохранению национального языка, национальных традиций и культур и к нежеланию самостоятельно «прыгать» в плавильный костер. Это может породить национальные конфликты.

Идея национального самоопределения большинства стран прежде всего основывается на истории, то есть имеет общие исторические корни. В 1940 г. британский премьер У. Черчилль так описал национальную идею американцев: «В Европе национальность относится к сообществу и, следовательно, никто не может перестать быть англичанином или шведом. Быть американцем, однако, это идеологическое обязательство. Это не вопрос о происхождении. Те, кто отвергают американские ценности, не являются американцами» [3, с. 31].

Еще один существенный минус модели национальной идентичности плавильного котла – одна из наций (обычно та, которая имеет численное превосходство над другими) вынуждена утратить собственную национальную самоидентичность, так как «разбавляется» другими нациями. Примером такой утраты послужил Советский Союз.

В дружной семье советских народов русская нация выступила ключевой. Это привело к тому, что государственная идея по стиранию межнациональных отличий превратилась к вырождению русской нации как таковой. Ее представители, став интернационалистами, потеряли право на национальную самобытность. После распада СССР этот процесс продолжился – появились россияне.

На сегодняшний день процесс стирания национальной самобытности происходит повсеместно. Причина этого кроется в общемировых экономических процессах, возникновении межгосударственных образований.

Вторая модель национальной самоидентичности получила название модели этнической мозаики, или мультикультурализма. Данная модель противопостав-

ляется модели плавильного котла, она направлена на сохранение в мире культурных различий между нациями. Если в модели плавильного котла все нации со временем должны превратиться в одну большую, то в модели мультикультурализма культивируется подход к различным нациям как к частям одной мозаики.

Основа модели этнической мозаики заключается в том, что члены многочисленных этнических групп, связанные одной общенациональной идеей, тем не менее, с гордостью подчеркивают свое национальное происхождение. В странах мира, в которых реализуется модель этнической мозаики, национальное многообразие является положительным фактором.

В Послании Федеральному Собранию РФ Д.А. Медведев, будучи Президентом РФ, констатировал, что именно наша страна, как никто в мире, обладает исторически сложившимся и богатейшим опытом толерантности и взаимного уважения: «...такой многосубъектной, многонациональной и многоконфессиональной Федерации, как Россия, в мире больше не существует. Поэтому то, что мы сегодня делаем, делаем действительно впервые» [4]. Межнациональный мир, единство разнообразных культур и защита малых народов названы бывшим президентом страны главными ценностями и нравственными ориентирами, которые делают нас единым народом, Россией.

В соответствии с Конституцией РФ именно многонациональный народ России является носителем суверенитета и единственным носителем власти в нашей стране. «Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. <...> Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» [5, ст. 19].

Ш. Вебер, профессор Южного методистского университета в Техасе, пишет: «Когда мой младший сын учился в начальной школе в Торонто, только пять учеников из сорока по-настоящему верили в Санта-Клауса. Но все сорок, включая детей иммигрантов, с большим энтузиазмом писали о нем сочинения. Причина проста: если хочешь уважения к своему Мухаммеду, Ганеше или Моисею, уважай остальных» [6].

Возникновение термина «мультикультурализм» в 1960 г. было обусловлено прежде всего тем, что прошедшие десятилетия XX в. охарактеризовались бурными и противоречивыми событиями. Этот период считается временем широкого распространения идей прав человека, временем политического, национального и культурного плюрализма, временем начавшейся международной интеграции. Но этот же период принес человечеству невиданные страдания и неисчисляемые жертвы. Многие конфликты, ставшие причиной войн и масштабного терроризма, носили откровенную национальную и религиозную окраску. Создалось впечатление, что это время было временем войны, на которую обитатели планеты Земля обрекли себя, не желая понимать и уважать друг друга, видеть общечеловеческие идеалы и ценности.

Мультикультурализм является также одним из аспектов межнациональной толерантности. Понятие «межнациональная толерантность» в русском языке появилось после распада Советского Союза. Термин «толeрантность» в каждой

культуре имеет свое определение. Определения во многом схожи, однако имеют некоторые отличительные черты. В частности, в русском языке сравнительно недавно появившийся термин имеет следующее значение: «толерантность, терпимость – умение терпеть (выдерживать, выносить, мириться с чем-либо), принимать / признавать существование кого-либо, примирять, приводить в соответствии с самим собой по отношению к кому-либо / чему-либо, быть снисходительным к чему-либо / кому-либо» [7]. Отношения между представителями разных этнических групп ранее обозначались понятием «дружба народов» (это один из главных идеологических терминов Советского Союза, который заключался в сотрудничестве и взаимопомощи народов и наций).

По мнению Ш. Вебера, «для того чтобы укрепить положение этнических групп в российской мозаичности, государство должно серьезно задуматься о поддержке иммигрантов и их экономического и культурного благосостояния <...> для защиты их прав в институциональной структуре необходимо создать государственное учреждение для работы с иммигрантами, подобное существующим в европейских странах и Израиле» [6].

Третья модель – модель этнической ассимиляции – может возникнуть тогда, когда носители одного этноса вторгаются на территорию другого. Эта ситуация может возникнуть в результате миграционных процессов, когда более малочисленная группа носителей одного этноса оказывается в инокультурной среде другого этноса, как правило более многочисленного. Возможен и другой вариант – более многочисленный этнос вторгается на территорию малочисленного. Первый и второй варианты объединяет лишь то, что носители оказываются в иноэтнической среде, а следовательно, на них оказывают влияние новые культурные нормы, социально-экономические стандарты и языковые факторы. Неизбежно то, что изменения в поведении непременно произойдут в пользу принятых нормативных образцов. В данной модели этнической идентичности процесс ассимиляции занимает достаточно длительный период. Процесс ассимиляции может завершиться во втором и даже в третьем поколениях.

Ассимиляция может быть насильственной и естественной. В тех многонациональных странах мира, в которых национальности не пользуются равноправием, существует насильственная ассимиляция. Такая ассимиляция является результатом действий политической элиты, которая относится к титульному этносу. Насильственная ассимиляция направлена в первую очередь на искоренение культуры и языка национальных меньшинств. В качестве примера можно привести ассимиляторскую политику, которая проводится в Прибалтике латышами и эстонцами в отношении русскоязычного населения. При насильственной ассимиляции сам ассимиляционный процесс проходит с различной скоростью: на это может оказать влияние характер расселения ассимилируемой группы, ее численность, количество смешанных браков, возможность контактировать с родной этнической средой, уровень развития этнического самосознания и близость представителей двух групп (ассимилируемых и ассимилирующих) в языковом, религиозном, культурном отношениях.

На естественную ассимиляцию, в отличие от насильственной, влияет социально-экономическое развитие стран и межличностные контакты их жителей.

Четвертая модель национальной идентичности – модель этнического ядра. Данная модель национальной идентичности в большей степени характерна для стран, в которых между центром и периферией есть существенные различия. Центр в таких странах – доминанта, обладающая политической и экономической властью. Периферия – подчиненный центру и отсталый регион. В таких условиях отношения между представителями разных национальностей строятся по принципу социально-классовой пирамиды. Верхушку этой пирамиды занимают представители «главного» этноса, так называемого ядра. Нижние ярусы такой социально-классовой пирамиды отводятся представителям других этнических групп.

В социальной структуре общества большое значение занимают группы людей, объединенные по национальному признаку. Национальность человека – это его принадлежность к определенной нации или народности. На Земле сейчас насчитывается более двух тысяч наций, народностей, племен. Наций и народностей намного больше, чем государств, поэтому среди государств немало многонациональных.

В современном мире, где еще не изжиты межнациональные конфликты, необходимо беречь и укреплять взаимопонимание и сотрудничество. В этом процессе государству отводится главная роль. Государство должно осуществлять все необходимые меры по стабилизации и нормализации межнациональных отношений. Проблемы, накопившиеся в этой области человеческих взаимоотношений, нужно решать на основе принципов дружбы и сотрудничества представителей разных народов. Основопологающим критерием должен стать следующий: с какой бы нацией человек себя не идентифицировал, к какой нации бы не относился, он должен чувствовать себя в любой точке нашей планеты равноправным гражданином и иметь возможность пользоваться всеми правами, которые гарантирует закон на данной территории. Равенство наций и народов неразрывно связано с равенством людей независимо от их национальности. Это высший принцип гуманизма цивилизации: «Разумный учет, разумное использование многонационального потенциала, умение управлять во благо каждой культуры, каждой национальности и всей России, национальным и многонациональным потенциалом – это важнейшая задача государственного и общественного управления. Национальная самобытность и многонациональность не являются помехой, а являются потенциалом успешного развития региона и страны» [8].

Библиографический список

1. Садохин А.П. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2009.
2. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: словарь-справочник. Назрань, 2011.
3. Lipset S.M. American Exceptionalism: a Double-Edged Sword. N.Y.; L., 1997.
4. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ 13 ноября 2009 г. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html>
5. Конституция Российской Федерации. М., 2007.
6. Вебер Ш. Котел или мозаика: как решить в России национальный вопрос // Forbes. 2014. № 121.
7. Щеколдина С.Д. Тренинг толерантности. М., 2004.
8. Абдулатипов Р. Многонациональный регион: особенности развития и управления // Саратов-СП. 2000. № 32. URL: <http://www.abdulatipov.ru>

D.V. Lavrov
The Role of the Stabilization
Fund in Supporting the Bank
Sector of Russia in the Economic
Crisis Period

The role of the stabilization fund in overcoming the economic crisis and supporting the banking sector of the Russian Federation in 2008 is analyzed. The author shows that from the inception to the restructuring in February 2008 the stabilization fund was at the center of a continuous debate, both in public and in expert circles. Various approaches to the problem of public financial assets management are considered.

Key words and word-combinations: stabilization fund, the banking sector, the state budget, fiscal policy, market, investment.

Анализируется роль стабилизационного фонда в преодолении экономического кризиса и поддержке банковского сектора Российской Федерации в 2008 г. Автор показывает, что с момента создания и вплоть до реструктуризации стабилизационный фонд находился в центре непрерывной полемики как в государственных, так и в экспертных кругах. Рассматриваются различные подходы к проблеме управления государственными финансовыми активами.

Ключевые слова и словосочетания: стабилизационный фонд, банковский сектор, государственный бюджет, финансовая политика, рынок, инвестиции.

УДК 336.7
 ББК 65.262

Д.В. Лавров

РОЛЬ СТАБИЛИЗАЦИОННОГО ФОНДА В ПОДДЕРЖКЕ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА РОССИИ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Идея создания стабилизационного фонда (стабфонда) не является уникальным российским изобретением. Как правило, такие фонды существуют в тех государствах, где значительная доля национальных доходов образуется за счет поступлений от экспорта сырья. Выделяются Норвегия, Чили, Венесуэла, ряд ближневосточных государств. Далеко не все страны могут похвастаться эффективным использованием накопленных средств. Назначением стабфондов является стабилизация государственного бюджета в условиях низких цен на мировых сырьевых рынках, что может быть обусловлено неблагоприятной рыночной конъюнктурой.

Стабфонд РФ был организован подобно успешному нефтяному фонду Норвегии. Экс-министр финансов А.Л. Кудрин высоко оценил норвежский опыт и вместе со своей либеральной командой решил позаимствовать данную идею. За счет продуманной экономической политики Норвегия в течение десяти лет достигла значительных успехов. Эффективное управление средствами стабфонда позволило оптимизировать размер государственного долга, ранее составлявшего критический уровень в 30% ВВП, а также взять под контроль инфляционные процессы, сведя их практически к нулю [1, с. 10].

Успехи российского стабфонда оказались

скромнее норвежских, несмотря на полное копирование финансовой модели зарубежного опыта.

Российский стабфонд был сформирован в январе 2004 г. в составе федерального бюджета. Целью фонда являлось обеспечение стабильности бюджета страны в случае снижения нефтяных цен ниже базовых значений (на 1 января 2006 г. значение базовой цены составляло 27 дол. США за баррель Urals) [2, с. 19]. Предполагалось, что средства из фонда будут использоваться для покрытия дефицита бюджета. Фонд находился под управлением Министерства финансов РФ. Размер использования средств регулировался Федеральным законом «О федеральном бюджете». Если суммарный объем средств фонда превышал 500 млрд руб., то избыточные средства могли быть направлены на иные цели [3, с. 19].

Стабфонд России размещался в иностранных активах, что вызывало ожесточенные дискуссии в обществе и государственных кругах на протяжении всего времени его существования. На 1 января 2008 г. (ровно за месяц до разделения фонда на резервный и фонд национального благосостояния) размер фонда составлял 156,81 млрд дол. [4], и это не считая золотовалютных резервов, аккумулирующих в себе на ту же дату 478, 76 млрд дол. [5]. Спустя пять лет стало очевидно, что этот рост был уязвимым для внешних шоков. Отечественная «подушка безопасности» не оправдала возложенных на нее надежд. Ответственность за экономические провалы лежит не только на внешних факторах, таких, как низкие цены на российский экспорт, высокая стоимость кредитов, глобализация и кризис банковской сферы, но и на проблемах сугубо внутренних, накопленных годами.

В докризисный период экспертное сообщество активно обсуждало тему кредитования отечественных компаний иностранными банками. Целесообразность внешних заимствований при условии существования крупных национальных резервов подвергалась резкой критике. В.В. Путин сказал: «Россия стала частью мировой экономики, и это неплохо. Но сегодняшнее событие – это и плата за то, что мы так стремились стать частью этой мировой экономики» [6]. По мнению руководства страны, чтобы стать этой частью, необходимо деньги от продажи нефти инвестировать за рубеж под 1,5% годовых в условиях нестабильности мировой экономики, не вкладывая их в отечественную промышленность [7, с. 18].

Историческая параллель в данном случае напрашивается сама собой, потому что еще в 1916 г. председатель Государственной думы П.Н. Милюков резко критиковал правительство за неспособность управлять страной, требовал отставки председателя Совета министров Б.В. Штюрмера и министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Анализируя очередные провальные решения, он задавал риторический вопрос: «Что это – глупость или измена?»

В результате такого курса экономической политики к 1 июля 2008 г. внешний долг России составлял уже 527,1 млрд дол. Вот что говорил об этом один из ярких представителей либерального блока Г. Греф: «...стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны... Как это не парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем». Вполне закономерно, что подобный подход вызвал обоснованную критику специалистов [8]. В начале

августа 2008 г. государственные золотовалютные резервы составляли 598 млрд дол., к концу 2008 г. их объем сократился до 435,4 млрд. дол. В январе 2009 г. была истрачена $\frac{1}{3}$ резервов [9]. Очевидно, что основная часть резервов была израсходована в самой острой фазе кризиса – с конца 2008 г. по начало 2009 г.

В период создания стабфонда на заседании Государственной Думы в апреле 2003 г. А.Л. Кудрин отмечал: «...Наша задача состоит в том, чтобы дополнительные доходы, которые мы получаем в последние годы, не направлять на расходы, а важно их направлять в соответствующий финансовый резерв, который будет являться запасом страны для решения самых острых будущих задач» [10]. Довольно странным кажется выражение «...направлять в соответствующий финансовый резерв...», который находится за пределами национальных границ, будет кредитовать иностранные государства под 1–2 % годовых, когда МВФ предоставляет кредиты не менее чем под 13%. Сложно объяснить, почему Россия должна была вывозить капитал, когда собственная экономика испытывала острый инвестиционный голод, а банки терпели убытки.

Активную оппозиционную сторону в Государственной Думе занимал представитель КПРФ В.А. Коломейцев, не стеснявшийся вступать в оживленную полемику с представителями либерального крыла правительства. В сентябре 2003 г. он, обращаясь к А.В. Дворковичу, указал: «Вы в своем выступлении особо подчеркнули, что инвестирование временно свободных средств фонда страхования вкладов возможно в ценные бумаги иностранных государств. Мы что, собираемся нашими финансами развивать экономику зарубежных стран? У нас что, своих проблем нет?» [11].

Подлинная значимость стабфонда Российской Федерации подтвердилась в период экономического кризиса 2008 г. Сохраненные резервы сыграли главную роль в оздоровлении кредитных учреждений, утративших способность исполнять свои финансовые обязательства. Руководство страны не могло допустить возможность нанесения ущерба вкладчикам, допустить потери сбережений простых граждан. Спасая банки, власть заботилась, главным образом, не о благосостоянии олигархической верхушки, а об эффективности функционирования национальной экономики. Как отметил В.В. Путин, «дело, конечно, не в желании поддержать богатеньких банкиров, а в необходимости сохранить кровеносную систему экономики, сохранить стабильность, не допустить потери сбережений граждан» [12]. В общей сложности на поддержку банковского сектора Российской Федерации было выделено более 9 трлн руб. (только в 2008 г. – 4 трлн руб.) [13].

Кризис 2008 г. потребовал внести изменения в действующее законодательство, скорректировать принципы управления банковской сферой, преимущественно в части страхования вкладов [14]. Заметно усилился контроль ЦБР над деятельностью частных коммерческих банков, вводились ограничения на открытия счетов физических лиц. Расходуя средства стабилизационного фонда на поддержку банков, власть хотела видеть в них надежную опору национальной экономики, эффективный инструмент финансирования реального сектора. По словам В.В. Путина: «Банки – это кровеносная система экономики. Будут работать банки – будет работать и реальный сектор, будут сформированы необходимые сбережения, а в конечном счете и инвестиции» [15].

Принципиальное значение для национальной экономики имело то обстоятельство, что государство поддерживало банки лишь при условии их расширенного кредитования реального сектора производства. На самом высоком политическом уровне серьезно обсуждалась проблема нецелевого использования ресурсов, поступающих из стабфонда. В октябре 2008 г. В.В. Путин с сожалением отметил, что из 700 млрд руб., размещенных Центральным Банком, востребовано производственными отраслями меньше 400 млрд руб. [16]. Это означало, что полученные банками средства далеко не всегда поступали предприятиям, оставаясь в сфере финансового обращения.

Одним из результатов экономического кризиса 2008 г. стало заметное снижение числа малоэффективных банков, а также кредитных учреждений, которые в реальности являлись «карманными кассами» отдельных бизнес-структур. До кризиса в России существовало более тысячи банков [17], большинство из которых не соответствовали современным требованиям, не могли обеспечить стабильность финансовых операций. В результате в стране начался масштабный процесс слияний и поглощений в банковском секторе, который в определенной мере продолжается до настоящего времени.

Поскольку поддержка банковского сектора из средств стабфонда была ограничена, отдельные банки активно прибегали к зарубежным займам. В итоге к сентябрю 2008 г. совокупный внешний долг российских банков равнялся 198,2 млрд дол. [18]. Руководство страны было серьезно озабочено ростом зависимости отечественных банков от внешних источников финансирования. Особое значение для российской экономики имела государственная поддержка Сбербанка, который традиционно обеспечивался достаточным количеством средств из резервов Банка России. Не случайно в период наиболее острой фазы экономического кризиса в 2008–2009 гг. чистая прибыль Сбербанка составила 97 746 млн руб. и 24 393 млн руб. соответственно [19].

Резюмируя, подчеркнем, что приоритетными являются инвестиции в модернизацию страны, а значит, приоритет внутренних инвестиций не может подвергаться сомнению вне зависимости от внешней конъюнктуры и факторов экспортных рынков, претерпевающие в современной мировой экономике ежедневные, подчас случайные колебания. Подъем производственной сферы путем внедрения инноваций и модернизации существующих мощностей – залог долгосрочного экономического процветания государства. Инвестиционная активность внутри страны должна получить всестороннюю помощь государственных структур. Невозможно также отрицать, что накопленные резервы стабфонда, созданные внешними инвестициями в иностранные ценные бумаги, сыграли свою положительную роль в преодолении острой фазы экономического кризиса 2008–2010 гг., спасли банковский сектор России.

Библиографический список

1. Чукмарева Э. Разделение стабилизационного фонда снимет Россию с «нефтяной иглы» // Российский политический журнал. 2007. № 3. С. 8–12.
2. Кувишинова О., Иванецкая Н. Неравные части стабфонда // Ведомости. 2007. № 241 (2015).
3. Ржевская Т.Г. Финансовая система и пропорциональность российского бюджета. М., 2008.

4. Совокупный объем средств Стабилизационного фонда РФ. URL: <http://www.minfin.ru/ru/stabfund/statistics/volume/>
5. Международные резервы Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/hd_base/default.aspx?Prtid=mrrf_m
6. Завтра. 2009. 20 февр.
7. Самтарова А.А. К вопросу о возможных стратегиях использования Резервного фонда и Фонда национального благосостояния // Финансовое право. 2008. № 7. С. 17–21.
8. Геращенко В.В. Резервный фонд – дырка в экономике. URL: http://www.mn.ru/business_economy/20120720/323250568.html
9. Международные резервы Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/hd_base/default.aspx?Prtid=mrrf_m
10. Стенограмма заседания ГД ФС РФ 25 апр. 2003 г. № 239 (687). URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1476/>
11. Стенограмма заседания ГД ФС РФ 17 сент. 2003 г. № 254 (702). URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1426/>
12. Кризис не угрожает банковской системе России // Корреспондент.net. 2008. 29 дек. URL: <http://korrespondent.net>
13. Выступление В.В. Путина на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС 12 дек. 2008 г. URL: <http://econograd.ru/politician/bankovskaia-sistema-strani.html>
14. О внесении изменений в Федеральный закон «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» и иные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 22 дек. 2008 г. № 270-ФЗ // Рос. газ. 2008. 23 дек.
15. Из выступления В.В. Путина на заседании Консультативного совета по иностранным инвестициям в России 20 окт. 2008 г. URL: <http://econograd.ru/politician/bankovskaia-sistema-strani.html>
16. Выступление В.В. Путина в общественной приемной партии «Единая Россия» в Новосибирске 22 окт. 2008 г. URL: <http://www.econograd.ru/politician/bankovskaia-sistema-strani.html>
17. Греф Г., Юдаева К. Российская банковская система в условиях глобального кризиса. URL: <http://institutiones.com/general/1199-rossijskaya-bankovskaya-sistema.html>
18. Комитет Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению. URL: http://www.council.gov.ru/kom_home/kom_fin/pub/item298.html
19. Официальный сайт Сбербанка России. URL: <http://www.sbrf.ru>

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

B.L. Shinchuk
Book Review:
Restructuring Human Resources
in the Eurasian Space:
Modern Trends:
Collected Scientific Articles. –
Saratov: Stolypin Volga Region
Institute, 2014. – 164 pp.

Б.Л. Шинчук

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Реструктуризация
человеческих ресурсов
на евразийском пространстве:
современные тенденции:
сб. науч. статей. – Саратов:
Поволжский институт
управления
имени П.А. Столыпина,
2014. – 164 с.**

Настоящее издание представляет собой первую на евразийском пространстве попытку комплексного анализа условий, опыта разработки и реализации политик в отношении человеческих ресурсов в регионе. Авторами ставятся задачи компаративного анализа моделей социальной политики в аспектах, связанных с человеческими ресурсами, оценки их совокупного потенциала, подхода к выработке технологий взаимодействия применительно к регулированию общих для всех стран региона процессов.

Первый раздел сборника посвящен общим вопросам управления человеческими ресурсами, а также анализу социально-демографических проблем. Автор А.Б. Майдырова рассматривает закономерности становления регионального трудового потенциала как про-

изводной человеческого капитала на материале республики Казахстан. В.Ю. Черемных представляет общий обзор демографической ситуации на евразийском пространстве и формулирует перспективные направления политики в отношении трудовых ресурсов. И.Е. Золин обращается к конкретным принципам и формам государственного регулирования рынка труда.

Исследователь С.С. Каржаубаев анализирует динамику качественных характеристик трудовых ресурсов на материале республики Казахстан, пытаясь определить возможные инструменты воздействия политики в сфере труда и занятости на системы мотиваций молодежи, выбора карьерных приоритетов. М.М. Хасанов и И.К. Ахмедов изучают развитие теории человеческого потенциала, акцентируют его соотношение с понятием человеческого капитала. Н.И. Конюкова оценивает продуктивность использования баланса трудовых ресурсов в странах евразийского пространства.

Немаловажный аспект управления человеческим ресурсами рассматривает Е.С. Ситникова, обращаясь к практикам социальной защиты населения. В этом исследовании выделены зоны риска, в которых формируются социальные группы, чья интеграция в рынки труда оказывается недостаточно эффективной. Е.И. Мазилкина и Л.А. Ольхова пишут о таком важном аспекте евразийской интеграции, как трудовая миграция.

Несомненно, падение рождаемости связано с глубинными ценностными процессами постиндустриального общества. Как общая закономерность происходящего она не корректируется инструментально. Трудно принять категорические утверждения авторов о том, что высокая рождаемость характерна для обществ, не способных гарантировать элементарное выживание большинства населения, хотя для подобных обществ и характерна высокая рождаемость. Невозможно согласиться также со следующей программной позицией: «...по сути, до середины XX столетия продолжали действовать механизмы биологической эволюции, обеспечивающие выживание вида безотносительно к тому, что это означает для конкретных видов и групп». С одной стороны, это мировоззренческое утверждение мало соотносимо со случаем страшнейших гомцидов в истории человечества. В память о 100-летию Первой мировой войны стоит вспомнить и жесточайшее «изобретение» всечеловеческой трагедии – химическое оружие, помимо иных «разработок». С другой стороны, существуют религиозные традиции человечества, которые вывели человечества из «ада» отношений «саморастущих» сообществ и общностей, целенаправленно культивируя новые общности и отношения социального порядка. Так, одним из любимых образов библейского искусства стала виноградная лоза, а литературы – Виноградаря человечества. Деятельное освоение социального пространства, в том числе политическое, выражает лишь внешнюю сторону жизненного пространства, выстроенные индивидом пространственные структуры выражают духовную структуру жизненного мира, где особое значение имеют ценностные ориентации.

Тем не менее коллективное исследование ориентирует читателя и исследователя в целом ряде важнейших проблем и программных вопросов. Утрачивают адекватность представления о рабочей силе, связанные с экстенсивным подходом к ее использованию, а представления экономистов о человеческих ресурсах,

следовательно, оказываются не более чем иллюзиями. Иллюзорными без учета реалий, описанных в сборнике, оказываются и проекты «подъема» экономики на основе минимизации издержек воспроизводства рабочей силы за счет снижения курса национальной валюты, секвестра социальных обязательств. Тактические решения, положенные в основу стратегии, могут привести к коллапсу или пирровой победе. Подобные стратегии используют единовременный потенциал человеческих ресурсов, эффективный на короткие промежутки времени, применимый к локальным рынкам. Использование технологии может действовать как подпитка рискогенности или работать на разрушение социального капитала, который многие считают одним из важнейших компонентов демократии. Сложность институционального и интересубъективного взаимодействий осложняют контроль и порождают новые социальные риски.

Говорим ли мы в терминах глобализации или евразийства, ситуацию невозможно законсервировать. При этом образовательная система, включая вузовскую, «заточена» на мотивацию индустриальной эпохи. Реструктуризация человеческих ресурсов должна начинаться с вуза: образовательным флагманам это вполне под силу. Об этом свидетельствует и данный коллективный труд ведущей управленческой научной школы региона.

Иллюзии на евразийском пространстве связаны с миграцией рабочей силы и сохранением в целом отношения к рабочей силе. В этих условиях формируется отношение к центру как к «метрополии», хотя никогда отношения к человеческим ресурсам на территории России не складывались по принципу колониальной зависимости и «выкачивания» ресурсов, в том числе людских. Антироссийская пропаганда активно проповедует идею России, «не отпустившей колонии»: рисуя на «Википедии» интерактивные карты расширения российской государственности, называя это колониальным захватом, что является ведущей дестабилизирующей идеей в антироссийской политике. Разрешение вопроса о реструктуризации человеческих ресурсов означает для страны ликвидацию угрозы целостности, а возможно, и угрозы существования на картах. Кроме того, это решение проблемы «номер один» для регионов – этноконфессиональной напряженности, о чем прямо говорит «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Все это объективно обуславливает теоретическую значимость направления работы научно-исследовательской школы Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, текущие достижения которой представлены в данном сборнике.

Во втором разделе рассматриваемого издания исследуются проблемы, связанные с социализацией молодежи, профессиональной ориентацией, гендерной спецификой динамики человеческих ресурсов. В высшей степени интересный и важный аспект проблемы поднимает Л.А. Кривоносова, обращаясь к специфике Дальневосточного региона, во многих отношениях представляющего собой одну из узловых точек процессов евразийской интеграции. Автор С.В. Лапина посвящает свою статью собственно профессиональной социализации как адаптации в действующие структуры организации производства. Особенно важна при этом авторская позиция, связанная с осмыслением необходимости новых

подходов в сфере идеологии, пересмотра общественных представлений о ценности трудовой деятельности.

Третий раздел посвящен проблемам системы образования в качестве ключевого фактора оптимизации человеческих ресурсов. Исследователь В.С. Загорец анализирует возможности оптимизации образовательного пространства стран – членов ЕЭП. А.А. Кайгородцев изучает практики интеграции республики Казахстан в Болонский процесс.

В четвертом разделе рассматриваются вопросы подготовки управленческих кадров. И.И. Ганчеренок рассматривает эволюцию требований к управленческим кадрам в системе государственной службы в условиях перехода к модели электронного правительства. Ключевым, по мнению автора, является процесс формирования адекватных эпохе ценностных ориентаций государственных служащих. Н.А. Дубинко обращается к такому важному аспекту подготовки кадров, как принцип непрерывности образования. Этот материал основывается на авторском эмпирическом исследовании, осуществленном на базе Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

В пятом разделе рецензируемого издания рассматриваются вопросы, связанные со спецификой динамики человеческих ресурсов, определяемой нынешней демографической ситуацией. Так, авторы А.А. Поляков и И.М. Трахтенберг представляют концептуализацию динамической адаптивности индивида к трудовой деятельности на протяжении всей жизни с выделением возрастных этапов. Е.С. Томаревская предлагает методику оценки остаточной работоспособности человека пожилого и старческого возраста в качестве объективного критерия здоровья, продуктивности и эффективности деятельности индивида. Н.А. Мартынова рассматривает вариации карьер руководителей образовательных учреждений старших возрастов.

Актуальность изменения подхода к политическому управлению человеческими ресурсами в регионе и проработке исследований связана с критическими изменениями человеческих ресурсов. Средний возраст населения Саратовской области составляет примерно 39,7 лет, тогда как в 2002 г. – 38,1 лет. Например, «молодыми» (самыми молодыми) по возрасту являются чеченцы – 25,2 лет и азербайджанцы – 30,6 лет. Самые «возрастные»: белорусы – 58,5 лет, украинцы – 57,6 лет, мордва – 54,6 лет и чувашаи – 49,3 лет. Кроме того, по сравнению с концом 2012 г., в конце 2013 г. в России зафиксировано увеличение общего числа проявлений этноконфессиональной напряженности на 6% из-за возрастания числа протестных действий (на 23%) и числа насильственных действий (на 80%). Фактов пропаганды стало меньше на 28% (данные комитета общественных связей и национальной политики Правительства Саратовской области). Но уменьшение роста насилия говорит, скорее, об изменении «конфигурации» угроз так же, как и методов призыва, что еще до конца не изучено. Наибольшее число проявлений напряженности к началу 2014 г. зафиксировано в Приволжском федеральном округе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно дает основание для анализа затормаживания вовлечения молодежи в социальную и экономическую жизнь. В Интернете и социальных сетях нация вытесняется

воображаемой национальностью, религиозная традиция – воображаемой религией, а государство и власть – уродливыми шаблонами из оппозиционных СМИ.

Итак, в данном сборнике научных статей обобщается множество вариантов проектов работы с человеческими ресурсами на евразийском пространстве, раскрывающее смысл перехода к достойному пониманию социального потенциала нации, характеризующегося многообразием потенциальных состояний постиндустриального общества.

We Present the Marketing,
Foreign Trade
and Accounting Chair
of Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
МАРКЕТИНГА,
ВНЕШНЕТОРГОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УЧЕТА
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ**

*Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ*

Кафедра маркетинга, внешнеторговой деятельности и учета на предприятиях была образована 1 октября 2013 г. путем слияния двух кафедр – маркетинга и бухгалтерского учета. Возглавляет кафедру доктор экономических наук, доцент Сидорова Елена Юрьевна.

Миссия кафедры заключается в подготовке конкурентоспособных специалистов в сферах маркетинга, торгового дела и бухгалтерского учета, ориентированных на саморазвитие, освоение современных профессиональных технологий и широко востребованных на рынке труда.

Профессорско-преподавательский состав кафедры включает двух профессоров и 12 доцентов. Сотрудники кафедры постоянно ра-

---

ботают над совершенствованием образовательных программ и улучшением качества учебного процесса, сотрудничают с отделом довузовского образования, ведут профориентационную работу, внедряют инновационные методы обучения, активно занимаются научной деятельностью и привлекают студентов к научно-исследовательской деятельности.

Преподаватели кафедры сотрудничают с ведущими предприятиями г. Саратова и Саратовской области, которые работают в сфере бухгалтерского учета, торговли и внешнеторговой деятельности. В настоящее время уже подписан ряд договоров с предприятиями и государственными органами власти на прохождение бакалаврами по направлению подготовки «Торговое дело» различных видов практик, среди них Министерство инвестиционной политики Саратовской области, Торгово-промышленная палата Саратовской области, ООО «Безант», ТЦ «Поволжье».

Учебная деятельность кафедры основывается на реализации многоуровневой системы подготовки, предусматривающей последовательное обучение в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре.

Выбор будущей профессии – ответственный шаг, который требует самого серьезного осмысления. И кафедра предлагает два очень актуальных сегодня направления подготовки бакалавров. Первое – «Торговое дело», второе – «Экономика», профиль «Бухгалтерский учет».

К основным преимуществам реализуемых направлений подготовки бакалавриата относятся: высокий профессиональный уровень профессорско-преподавательского состава кафедры; возможность получить уникальную, перспективную профессию, одну из самых высокооплачиваемых, нужную во всех сферах торговой отрасли, а также претендовать на престижную работу в серьезных организациях; осуществление учебного процесса по современным образовательным технологиям с большой практической направленностью. Кроме того, научно-исследовательская работа студентов организована с первого курса; организация учебного процесса по направлению подготовки ориентирована на углубленное изучение иностранного языка; существует возможность продолжить образование в магистратуре и аспирантуре. Для расширения связей с предприятиями и организациями города проводятся выездные занятия.

Кафедра обеспечивает учебный процесс по двум магистерским программам: направление подготовки «Менеджмент» – магистерская программа «Маркетинг»; направление подготовки «Экономика» – магистерская программа «Экономический анализ и бухгалтерский учет».

Магистерская программа «Маркетинг» базируется на применении интерактивных форм обучения, аналитической и научной работе. Комплексный характер полученных теоретических и практических навыков и умений в области управления маркетинговой деятельностью открывает широкие возможности для карьерного роста магистров не только в структурах маркетинга и продаж российских и иностранных компаний, но и в отделах стратегического развития, а также в консалтинговых и исследовательских организациях. Выпускники программы имеют опыт практического использования знаний в области теории потребительского поведения, маркетинговых коммуникаций, маркетинговых исследований, стратегического маркетинга, менеджмента.

В 2014 г. открыта магистерская программа «Экономический анализ и бухгалтерский учет». Программа ориентирована на подготовку квалифицированных руководителей и специалистов, имеющих глубокие знания в области бухгалтерского учета, прикладного финансово-экономического анализа и аудита, проблем адаптации российского бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами, внедрения современных методов управленческого учета в практику управления производственными предприятиями для работы в государственных, региональных, муниципальных структурах различного уровня, консалтинговых и аудиторских фирмах, банках, инвестиционных и страховых компаниях, а также в экономических, финансовых, производственно-экономических, планово-аналитических, бухгалтерских, статистических службах организаций различных отраслей, сфер и форм собственности.

Осуществляется подготовка аспирантов по специальности «Экономика и управление народным хозяйством». Сотрудники кафедры выступают рецензентами и оппонентами на защитах кандидатских диссертаций.

Научно-исследовательская деятельность кафедры ведется по направлению «Социально-экономические аспекты управления экономическими системами в условиях модернизации российской экономики». Теоретические результаты исследований постоянно проходят апробацию на практике, в процессе подготовки будущих специалистов в области маркетинга и бухгалтерского учета и активно используются в образовательном процессе. Анализ и обобщение полученных данных и их использование в практической работе позволяют постоянно корректировать учебные планы и программы.

Преподаватели кафедры принимают активное участие в организации и проведении внутривузовских и межфакультетских круглых столов и конференций. Такие научные мероприятия способствуют активизации научной деятельности студентов, магистрантов и аспирантов. Уже традицией стало ежегодное проведение межфакультетской олимпиады по маркетингу.

Несмотря на то что кафедра существует всего около года, за это время сотрудники кафедры приняли участие в подготовке трех коллективных монографий: «Социальная ответственность и развитие партнерских отношений государства, гражданского общества и бизнеса в современной России», «Экономико-правовые аспекты интеграции в контексте российско-казахстанских торгово-экономических отношений», «Управление импортозамещением на промышленных предприятиях».

В рамках учебно-методической работы преподавателями были подготовлены четыре учебных пособия: «Организация продаж гостиничного продукта», «Маркетинг в задачах и ситуациях», «Учетно-аналитическое обеспечение антикризисного управления», «Бухгалтерский учет: практикум».

Получены два гранта по итогам внутреннего конкурса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина: «Развитие стратегического партнерства стран и оценка состояния торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации в рамках ЕврАзЭС» и «Механизм оптимизации правового обеспечения национальной системы технического регулирования и конкурентоспособности отечественных товаров в контексте вступления России в ВТО».

На кафедре функционируют два научных студенческих кружка: «Успешный торговец», «Главбух». По итогам 2013/14 учебного года было подготовлено 15 научных статей студентов под руководством преподавателей кафедры; организовано участие студентов в научных мероприятиях и их выступления с докладами; оказана помощь в подготовке тезисов к конкурсу «Молодые профессионалы устойчивого будущего России».

Воспитательная деятельность кафедры направлена на формирование личностных качеств обучаемых, которые, получив диплом, должны стать не только конкурентоспособными на рынке труда специалистами, но и достойными гражданами своей страны. Для студентов первых курсов на кафедре реализуется институт кураторства. Регулярно проводятся кураторские часы, позволяющие студентам и их куратору обсудить насущные проблемы. Преподавателями организованы походы со студентами в театры и кинотеатры.

Несмотря на юный возраст кафедры, уже сложилось ядро из профессионалов, способных решать поставленные руководством института задачи. В настоящее время формируется единая команда, при этом соблюдаются традиции института и всячески поддерживается ощущение сопричастности к общему делу, что позволит создать благоприятный имидж кафедры, а ее коллективу быть удовлетворенным своей работой.

Руководство и сотрудники кафедры нацелены на достижение высоких педагогических и научных результатов и дальнейшее развитие.

Особо выделяются следующие перспективные направления развития кафедры: внедрение дистанционных форм обучения по направлениям подготовки кафедры; расширение участия профессорско-преподавательского состава кафедры в научной деятельности, в том числе в рамках грантов; выполнение научно-исследовательских работ по хозяйственным договорам; повышение академической мобильности преподавателей кафедры; усиление стратегического партнерства с органами государственной власти на региональном и местном уровнях.

Е.Ю. Сидорова, доктор экономических наук,
заведующий кафедрой маркетинга, внешнеторговой деятельности
и учета на предприятиях;

Е.И. Мазилкина, кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга, внешнеторговой деятельности
и учета на предприятиях;

С.П. Калашникова, кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга, внешнеторговой деятельности
и учета на предприятиях

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоусов Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, проректор по науке Саратовской государственной юридической академии
e-mail: sbelousov@sgap.ru

Бессонов Алексей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, первый заместитель руководителя следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Калмыкия, полковник юстиции
e-mail: bestallv@mail.ru

Грачева Екатерина Валерьевна – аспирант кафедры философии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: kleokatj@mail.ru

Гришина Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ladylena.grishina@yandex.ru

Елецкий Алексей Николаевич – аспирант кафедры мировой экономики и международных отношений Южного федерального университета
e-mail: ane904@yandex.ru

Ершов Дмитрий Олегович – старший преподаватель кафедры управления повседневной деятельностью Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: dima.ersh80@mail.ru

Казанцева Наталья Валерьевна – адъюнкт кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России
e-mail: Kv.nataly@mail.ru

Калашникова Светлана Павловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, внешнеторговой деятельности и учета на предприятиях Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: spkalash@yandex.ru

Коротин Вячеслав Олегович – аспирант кафедры философии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

e-mail: korotinv@rambler.ru

Косенко Елена Владиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии

e-mail: E_Kosenko1978@mail.ru

Кузнецов Андрей Геннадиевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: Strekozzyza@mail.ru

Лавров Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры политической истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: Lavrov_DV@mmbank.ru

Лиценбергер Ольга Андреевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: kafh@mail.ru

Мазилкина Елена Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, внешнеторговой деятельности и учета на предприятиях Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: elivma@yandex.ru

Павлова Наталия Владимировна – соискатель кафедры философии и методологии науки, старший преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: pavlova_saratov@mail.ru

Проказина Наталья Васильевна – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: nvprokazina@mail.ru

Саенко Людмила Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры гражданского права Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации

e-mail: saenko7@yandex.ru

Седова Наталья Георгиевна – аспирант кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии
e-mail: nsedovag@mail.ru

Сидорова Елена Юрьевна – доктор экономических наук, заведующий кафедрой маркетинга, внешнеторговой деятельности и учета на предприятиях Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ejsidorova@yandex.ru

Тимашова Анастасия Олеговна – преподаватель кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: anastasiyaol@yandex.ru

Усова Мария Викторовна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: mashyliapags@mail.ru

Уфаева Виктория Сергеевна – доцент кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: victoria-ufaeva@yandex.ru

Фёдоров Петр Михайлович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: 263816@mail.ru

Фокина Тамара Петровна – кандидат философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: t_fokina@rambler.ru

Фомин Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: zamnauka@piuis.ru

Шинчук Борис Леонидович – министр – председатель комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области, доктор экономических наук, профессор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: civity@saratov.gov.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey Aleksandrovich Belousov – Candidate of Sciences (Law), docent, Vice-Rector on Science, Saratov State Academy of Law
e-mail: sbelousov@sgap.ru

Aleksey Aleksandrovich Bessonov – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Criminal Law Disciplines Chair, Astrakhan branch of the Saratov State Academy of Law, First Deputy Head of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Kalmyk Republic, Colonel of Justice
e-mail: bestallv@mail.ru

Ekaterina Valerievna Gracheva – post-graduate student of the Philosophy Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: kleokatj@mail.ru

Elena Alekseevna Grishina – senior lecturer at the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ladylena.grishina@yandex.ru

Aleksey Nickolaevich Yeletsy – post-graduate student of the World Economy and International Relations Chair, Southern Federal University
e-mail: ane904@yandex.ru

Dmitry Olegovich Yershov – senior lecturer of the Daily Activities Administration Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: dima.ersh80@mail.ru

Natalia Valerievna Kazantseva – post-graduate student of the Criminal Policy and Organization of Crime Prevention Chair, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
e-mail: Kv.nataly@mail.ru

Svetlana Pavlovna Kalashnikova – Candidate of Sciences (Economics), Docent of the Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: spkalash@yandex.ru

Vyacheslav Olegovich Korotin – post-graduate student of the Philosophy Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: korotinv@rambler.ru

Elena Vladislavovna Kosenko – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Civil and Family Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: E_Kosenko1978@mail.ru

Andrey Gennadievich Kuznetsov – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Strekozzyza@mail.ru

Dmitry Vladimirovich Lavrov – post-graduate student of the Political History Chair, Lomonosov Moscow State University
e-mail: Lavrov_DV@mmbank.ru

Olga Andreevna Litzenberger – Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the History, Law and International Relations Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafhis@mail.ru

Elena Ivanovna Mazilkina – Candidate of Sciences (Economics), Docent of the Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: elivma@yandex.ru

Natalia Vladimirovna Pavlova – competitor of the Philosophy and Methodology of Science Chair, Senior Lecturer of the English Language Chair for Humanities, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: pavlova_saratov@mail.ru

Natalia Vasilievna Prokazina – Doctor of Science (Sociology), docent, Head of the Sociology and Psychology of Management Chair, Orel Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: nvprokazina@mail.ru

Ludmila Vladimirovna Saenko – Candidate of Sciences (Law), docent, doctoral student of the Civil Law Chair, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow)
e-mail: saenko7@yandex.ru

Natalia Georgievna Sedova – post-graduate student of the Arbitration Process Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: nsedovag@mail.ru

Elena Yurievna Sidorova – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: ejsidorova@yandex.ru

Anastasia Olegovna Timashova – lecturer of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: anastasiyaol@yandex.ru

Maria Viktorovna Usova – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: mashyliapags@mail.ru

Victoria Sergeevna Ufaeva – Docent of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: victoria-ufaeva@yandex.ru

Petr Mikhailovich Fedorov – Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Chair of social communications, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: 263816@mail.ru

Tamara Petrovna Fokina – Candidate of Sciences (Philosophy), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: t_fokina@rambler.ru

Oleg Nikolaevich Fomin – Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: zamnauka@piuis.ru

Boris Leonidovich Shinchuk – Minister – Chair of the Public Relations and National Policy Committee of the Saratov Region, Doctor of Sciences (Economics), Professor of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: civity@saratov.gov.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Фомин О.Н.

Дискурс, идеология и политика новой российской власти 4

Белоусов С.А.

Качество закона и эффективность его применения:

пути преодоления негативных последствий законодательного дисбаланса 11

Проказина Н.В.

Формирование организационно-институциональных основ
использования результатов опросов общественного мнения

органами управления в России 18

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

25

Уфаева В.С.

Условия формирования единого евразийского

культурно-коммуникативного пространства 25

Елецкий А.Н.

Динамика дуализма российской экономики

как субъекта и объекта геоэкономической системы 31

Саенко Л.В.

Особенности охраны интересов семьи (семейных отношений)

уголовно-правовыми средствами: опыт стран – участниц СНГ 38

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

46

Косенко Е.В.

Современные проблемы применения виндикационного иска 46

Бессонов А.А.

К вопросу о структуре и природе

криминалистической характеристики преступлений 52

Казанцева Н.В.

Криминологическая характеристика преступлений, посягающих

на свободу совести (по результатам эмпирического исследования) 57

Седова Н.Г.

Правоприменительная практика арбитражных судов
по вопросам квалификации объектов недвижимого имущества 64

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

70

Лиценбергер О.А.

Миграция и этнические стереотипы
(по материалам социологического исследования в Саратовской области) 70

Усова М.В., Фокина Т.П.

Современные социальные практики управления имиджем города
в сетевом обществе 78

Федоров П.М.

Петиции и обращения как форма политической активности
в современном российском обществе 83

Ершов Д.О.

Формы проявления социальных потребностей
и способы их оценки 93

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

100

Кузнецов А.Г.

Уолтер Бэджгот
как основоположник политической социологии 100

Грачева Е.В.

Понятие коммуникационных ценностей
в социально-философском исследовании 105

Гришина Е.А.

Овладение иноязычной коммуникативной культурой
студентами вузов: рефлексивный аспект 111

Павлова Н.В.

Постмодерн: трансформация коммуникаций 116

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

122

Тимашова А.О.

Социальное партнерство государства и гражданского общества
в решении социальных проблем: теоретический аспект 122

Коротин В.О.

Модели национальной идентичности
в современном обществе 128

Лавров Д.В.

Роль стабилизационного фонда в поддержке банковского сектора России
в период экономического кризиса 134

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
139**

Шинчук Б.Л.

Рецензия на книгу:
Реструктуризация человеческих ресурсов
на евразийском пространстве: современные тенденции:
сб. науч. статей. – Саратов:
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина, 2014. – 164 с. 139

**Представляем кафедру маркетинга,
внешнеторговой деятельности и учета на предприятиях
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ** 143

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
147**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Fomin O.N.

Discourse, Ideology and Policy of the New Russian Authorities 4

Belousov S.A.

The Quality of Law and the Efficiency of Its Enforcement: Ways to Overcome
Negative Consequences of Legislative Misbalance 11

Prokazina N.V.

Forming the Organizational-Institutional Framework
of Applying the Results
of Public Opinion Polls by Authorities in Russia 18

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

25

Ufaeva V.S.

Conditions of Forming a Common Eurasian Cultural
and Communicative Space 25

Yeletsy A.N.

Dynamics of the Russian Economy's Dualism as the Subject
and the Object of the Geo-Economic System 31

Saenko L.V.

Peculiarities of Family Interests Protection (Family Relationships)
by Means of Criminal Law: the Experience of the CIS Member States 38

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

46

Kosenko E.V.

Modern Problems of Replevin Application 46

Bessonov A.A.

On the Structure of Forensic Characteristics of Crimes 52

Kazantseva N.V.

Criminological Characteristics of Crimes Encroaching
on the Freedom of Worship 57

Sedova N.G.

Law Enforcement Practice of Arbitration Courts on Qualification of Real Property	64

**SOCIAL POLICY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

70

Litzenberger O.A.

Migration and Ethnic Stereotypes (Based on Materials of Sociological Research in the Saratov Region)	70

Usova M.V., Fokina T.P.

Modern Social Practices of City Image Management in a Network Society	78

Fedorov P.M.

Petitions and Addresses as a Form of Political Activity in the Contemporary Russian Society	83

Yershov D.O.

Forms of Social Needs Manifestation and Ways of Their Estimation	93

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

100

Kuznetsov A.G.

Walter Bagehot, as a Founder of Political Sociology	100

Gracheva E.V.

The Notion of Communicative Values in Social-Philosophical Research	105

Grishina E.A.

Students' Forming Foreign Communicative Culture in Higher Educational Institutions: Reflexive Aspect	111

Pavlova N.V.

Postmodern Society: Transformation of Communication	116

**PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW**

122

Timashova A.O.

Social Partnership of a State and Civil Society in Social Problems Solving: Theoretical Aspect	122

Korotin V.O.

Models of National Identity in Contemporary Society	128

Lavrov D.V.

The Role of the Stabilization Fund in Supporting the Bank Sector of Russia in the Economic Crisis Period	134

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
139**

Shinchuk B.L.

Book Review: Restructuring Human Resources in the Eurasian Space:
Modern Trends: Collected Scientific Articles. –
Saratov: Stolypin Volga Region Institute, 2014. – 164 pp. 139

***We Present the Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair
of Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration 143***

**INFORMATION
ABOUT THE AUTHORS
150**

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 4 (43)

Редакторы *Т.П. Иванова, Ю.Н. Бирюкова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2014 г., п. № 883

Подписано к печати 28.08.2014 г. Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500. Заказ 520.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>